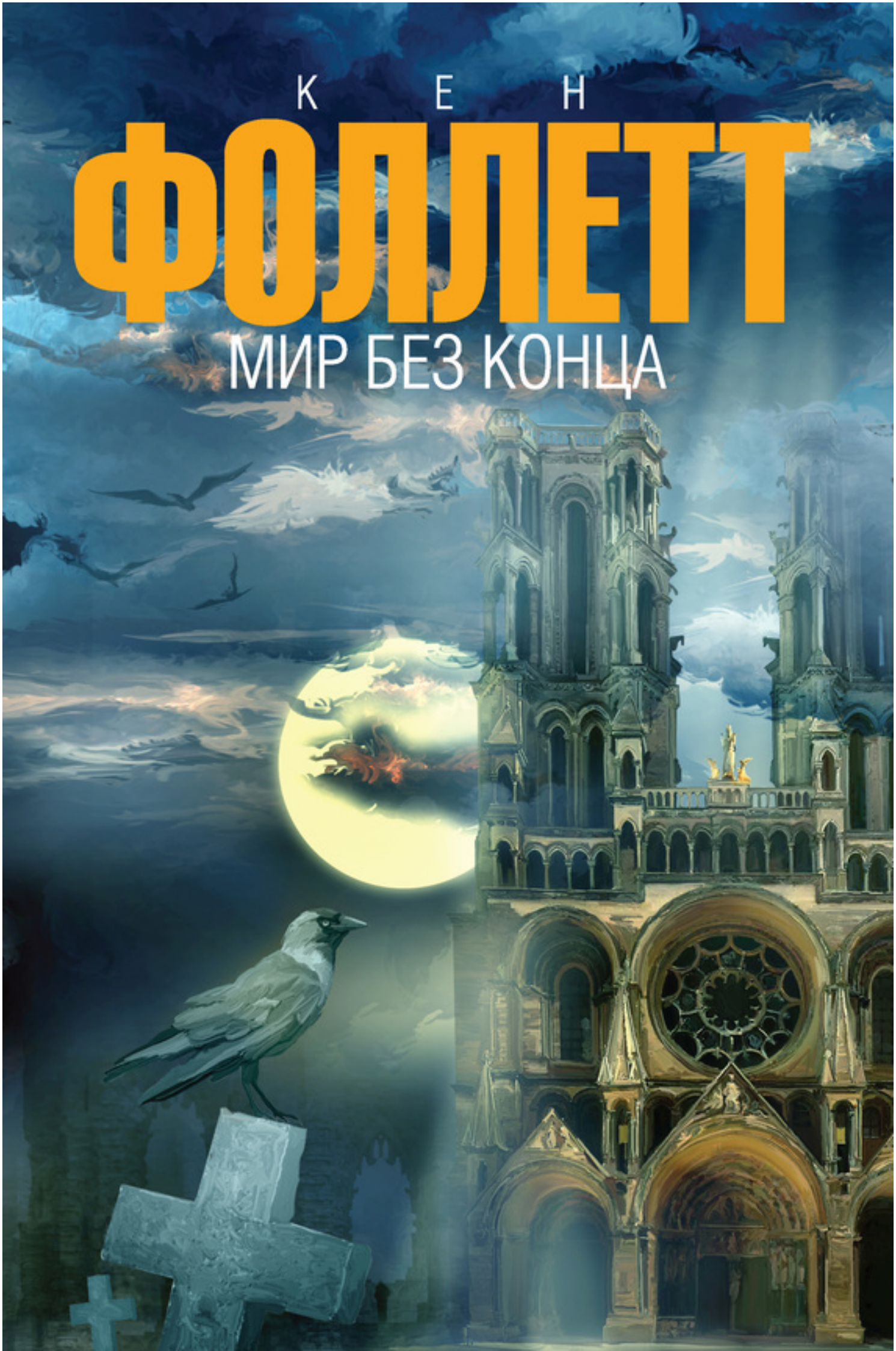
КЕН

ФОЛЛЕТТ

МИР БЕЗ КОНЦА



Кингсбридж

Кен Фоллетт

Мир без конца

«АСТ»
1989

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Фоллетт К.

Мир без конца / К. Фоллетт — «АСТ», 1989 — (Кингсбридж)

ISBN 978-5-17-082367-3

Англия. XIV век. Время начала Столетней войны, эпидемии чумы, блеска и роскоши двора Эдуарда III и превращения небольшой страны в самую могущественную державу Европы. Эпоха – глазами четырех персонажей… Когда-то двое мальчишек и две девочки росли на узких улочках города, славного своим легендарным собором… Теперь им предстоит пережить «эпоху перемен», которые постигнут Англию. Один добьется власти и могущества – и дорого за это заплатит… Другой будет странствовать по свету – и вечно тосковать по дому… Третья испытает весь ужас столкновения с всемогущей Церковью… Четвертая попытается вопреки ударам судьбы найти счастье… Но сейчас – никто еще не знает, что и кому сулит будущее. Масштабная историческая сага Кена Фоллетта продолжается!

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

ISBN 978-5-17-082367-3

© Фоллетт К., 1989
© АСТ, 1989

Содержание

Мир без конца 6
Часть I 6
1 6
2 11
3 22
4 27
5 36
Часть II 41
6 41
7 51
8 58
9 64
10 75
11 78
12 89
13 101
Часть III 114
14 114
15 124
16 132
17 138
18 141
19 146
20 154
21 160
Конец ознакомительного фрагмента. 166

Кен Фоллетт
Мир без конца

© Ken Follet, 1989
© Перевод. Е. Шукшина, 2010
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Мир без конца

Барбаре

Часть I
1 ноября 1327 года

1

Гвенде было восемь лет, но она не боялась темноты. Открыв глаза, девочка утонула в непроглядном мраке, однако пугало ее все-таки другое. Рядом на полу длинного каменного здания – госпиталя Кингсбриджского аббатства, – на соломенном тюфяке лежит мать, и по теплому молочному запаху Гвенда поняла, что она кормит младенца, у которого еще даже нет имени. Рядом с матерью улегся отец, а около него – двенадцатилетний брат Филемон.

Госпиталь был переполнен, люди лежали на полу впритирку, как овцы в загоне, и девочка чувствовала прогорклый запах согретых тел. С рассветом начнется День всех святых. В этом году он выпал на воскресенье, почему и празднование намечалось особое. По этой же причине накануне ночью, когда злые духи свободно разгуливают по земле, всем грозят страшные опасности. На Хеллоуин и утреннюю службу в честь всех святых в аббатство Кингсбриджа, кроме Гвенды и ее родных, пришли сотни людей из окрестных деревень. Как всякий нормальный человек, девочка боялась злых духов, но еще больше – того, что придется делать во время службы. Она уставилась в темноту, стараясь об этом не думать. На противоположной стене располагалось незастекленное окно – стекла являлись неслыханной роскошью, – и преградой холодному осеннему воздуху служила лишь льняная завеса, сквозь которую сейчас не просачивался даже бледно-серый свет. Гвенда обрадовалась. Она не хотела, чтобы наступило утро.

Девочка ничего не видела, но слышала разнообразные шумы. Когда люди ворочались, на полу шуршала солома. Заплакал ребенок: наверное, ему что-то приснилось, – и взрослый принялся его успокаивать. Еще кто-то неразборчиво забормотал во сне. Донеслись звуки, которые издают взрослые, когда делают то, чем иногда занимаются мама с папой. Правда, об этом никто никогда не говорит. Гвенда называла такие звуки хрюканьем, других слов у нее не имелось.

Увы, рассвет все-таки забрезжил. Через восточные двери за алтарем вошел монах со свечой. Поставив ее на алтарь, он зажег вощеный фитиль и двинулся вдоль стен, поднося огонь к светильникам. Длинная тень при этом всякий раз наползала на стену, а тень от фитиля подплывала к теням, отбрасываемым светильниками.

В неровном утреннем свете стали видны люди, скорчившиеся на полу, закутавшиеся в грубые суконные плащи, прижавшиеся к соседям, чтобы было теплее. Больные лежали на кроватях возле алтаря; чем ближе к священному месту, тем лучше. Лестница в дальнем конце вела на второй этаж, где располагались комнаты для важных гостей. Сейчас ее занимал граф Ширинг.

Зажигая очередной светильник, монах наклонился над Гвендой, поймал ее взгляд и улыбнулся. Девочка присмотрелась и в мерцающем свете узнала молодого красивого брата Годвина, который ночью ласково беседовал с Филемоном.

Рядом с Гвендой расположились односельчане: державший большой участок земли зажиточный крестьянин Сэмюэл с женой и двумя сыновьями. Младший, шестилетний Вулфрик, изводил соседку как мог, считая, что веселее всего на свете кидаться в девчонок желудями и удирать.

Семья Гвенды бедствовала. Отец вообще не имел земли и нанимался в батраки ко всякому, кто платил. Летом работы хватало, но после сбора урожая, когда становилось холодно, они часто голодали, поэтому Гвенде приходилось воровать.

Девочка представила, как ее поймают: сильная рука хватает за плечо и держит мертвой хваткой, извиваться бесполезно – не выскользнешь; низкий голос злобно произносит: «А вот и вор»; боль и унижение порки, а потом еще хуже – страшные муки, когда отрубают руку.

С отцом так и случилось. Его левая рука представляла собой отвратительную сморщенную культю. Родитель неплохо управлялся и одной – орудовал лопатой, седлал лошадей, даже плел сети для ловли птиц, – но все-таки весной калеку нанимали последним, а по осени увольняли первым. Он не часто уезжал из деревни искать работу, потому что культя выдавала вора, в дороге же привязывал к обрубку набитую перчатку, чтобы не бросаться в глаза, но бесконечно дурачить людей нельзя.

Гвенда не видела экзекуции – та состоялась еще до ее рождения, – но часто воображала эту сцену и не могла избавиться от мысли, что то же самое случится и с ней. Рисовала себе, как лезвие топора приближается к запястью, прорезает кожу, разрубает кости и отделяет кисть – вернуть ее на место невозможно. Гвенда стискивала зубы, чтобы не закричать в голос.

Люди вставали, потягивались, зевали, потирали лица. Девочка тоже вскочила и отряхнулась. Она донашивала одежду брата – суконную рубаху до колен и накидку, которую собирала пеньковой веревкой. Кожа башмаков в месте дырочек для шнурков давно порвалась, и приходилось привязывать их к ногам плетеной соломой. Гвенда было подоткнула волосы под шапочку из беличьих хвостов – все, она готова – и тут перехватила взгляд отца, который едва заметно кивал через проход на супружескую пару средних лет с двумя сыновьями чуть постарше Гвенды. Невысокий худощавый рыжеволосый мужчина опирался на меч – значит, либо воин, либо рыцарь: простым людям носить меч запрещалось. У его худой энергичной жены на лице застыло выражение недовольства. Девочка во все глаза рассматривала их, когда брат Годвин учтиво поклонился благородному семейству:

– Доброе утро, сэр Джеральд, леди Мод.

Гвенда поняла, что привлекло внимание отца. У сэра Джеральда на прикрепленном к поясу кожаном ремешке висел кошель. Полный. Там запросто могло поместиться несколько сотен маленьких легких серебряных пенни, полпенни и фартингов, имевших обращение в Англии. Такие деньги отец зарабатывал за год – если находил работу. На них семья могла бы кормиться до весеннего сева. А может, там еще и какие-нибудь иностранные золотые монеты: флорентийские флорины или венецианские дукаты.

На шее девочки висел маленький нож в деревянном чехле. Острое лезвие быстро срежет ремешок, и толстый кошель упадет в маленькую руку – если только сэр Джеральд ничего не почувствует и не схватит воровку прежде…

Годвин повысил голос, перекрывая бормотание:

– Ради любви Христа, который учит нас милосердию, после службы будет накрыт завтрак. В фонтане дворика чистая питьевая вода. Пожалуйста, пользуйтесь отхожими местами на улице, в госпитале испражняться нельзя!

Монахи блюли чистоту. Ночью Годвин застал писающего в углу шестилетнего мальчугана и выгнал всю семью. Если у них не оказалось пенни на постоялый двор, значит, бедолаги провели холодную октябрьскую ночь на каменном полу у северного портала. Запреща-

лось также входить в собор с животными. Трехногого пса Гвенды Хопа прогнали. Интересно, где он ночевал.

Священнослужитель зажег все светильники и открыл большие деревянные двери. Морозный воздух ущипнул Гвенду за уши и за кончик носа. Гости натянули верхнюю одежду и, шаркая, потянулись к выходу. Отец с матерью пристроились за сэром Джеральдом, а Гвенда и Филемон – за ними.

Филемон тоже воровал, но вчера на кингсбриджском рынке его чуть не поймали. Он стащил с лотка итальянского купца небольшой кувшин с дорогим маслом, но выронил его, и все заметили. По счастью, кувшин не разбился. Филемону пришлось сделать вид, что он задел его случайно.

Еще недавно брат был маленьким и незаметным, как Гвенда, но за последний год голос его сломался, мальчик вытянулся на несколько дюймов и стал угловатым, нескладным, как будто не мог приспособиться к новому крупному телу. После истории с кувшином отец заявил, что он слишком велик для серьезных краж и работать отныне будет Гвенда. Поэтому она и не спала почти всю ночь.

Вообще-то Филемона звали Хольгер, но, когда ему исполнилось десять лет, он решил пойти в монахи и стал говорить всем, что теперь его зовут Филемон – это по-церковному. Как ни странно, почти все привыкли, только для родителей сын остался Хольгером.

За дверью два ряда дрожащих от холода монахинь держали горящие факелы, освещая дорожку из госпиталя, ведущую к большому западному входу в Кингсбриджский собор. Над пламенем, будто ночные бесенята, разбегающиеся от святости сестер, метались тени.

Гвенда почти не сомневалась, что на улице ее ждет Хоп, но его не было. Наверно, нашел себе теплый угол и отсыпается. По дороге в собор отец очень старался, чтобы их не оттеснили от сэра Джеральда. Сзади кто-то больно дернул Гвенду за волосы. Она завизжала, решив, что это гоблин, но, обернувшись, увидела шестилетнего соседа Вулфрика. Озорник загоготал и рванул прочь.

– Веди себя смирно! – зарычал на него отец и дал Вулфрику подзатыльник. Тот заплакал.

Огромный собор бесформенной массой нависал над толпой. Только внизу можно было различить арки и средники[1] окон, освещенные неверным красно-оранжевым светом. У входа процессия замедлила шаг, и Гвенда увидела горожан, приближающихся с другой стороны, – сотни, а может, и тысячи людей, хотя точно не знала, сколько именно человек помещается в тысяче, – так далеко считать девочка еще не умела.

Толпа медленно просачивалась в собор. Беспокойный свет факелов падал на скульптуры у стен, казалось, они пустились в пляс. В самом низу располагались демоны и чудища. Гвенда с ужасом смотрела на драконов, грифонов, медведя с человеческой головой, собаку с двумя туловищами и одной пастью. Демоны боролись с людьми: дьявол накинул на шею мужчине петлю; чудовище, похожее на лису, тащило женщину за волосы; орел с человеческими руками пронзал копьем другого обнаженного мужчину. Повыше, под карнизами, рядами стояли святые; еще выше, на престолах, сидели апостолы, а в арке над главным входом святой Петр с ключами и святой Павел со свитком взирали на Иисуса Христа.

Гвенда знала, что Иисус велит ей не грешить, иначе замучают демоны, но люди пугали девочку больше демонов. Если не удастся украсть кошель у сэра Джеральда, отец ее высечет. Еще хуже, что тогда им придется питаться одним желудевым супом. Они с Филемоном будут голодать неделями. Грудь у мамы высохнет, и младенец умрет, как последние двое. Папа исчезнет на много дней и вернется с тощей цаплей или парой белок. Чем голодать, пусть лучше высекут – это быстрее.

---

[1] Средник – срединный вертикальный брусок оконной рамы. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Воровать ее научили рано: то яблоко с лотка, то свежее яйцо из-под соседской курицы, то небрежно брошенный пьяницей нож в таверне. Но красть деньги – совсем другое. Если сэр Джеральд поймает, без толку рыдать и надеяться, что ее пожурят словно милую проказницу, как случилось, когда она стянула пару чудесных кожаных башмаков у одной доброй монахини. Срезать кошель у рыцаря не ребяческая шалость, а настоящее взрослое преступление, и накажут воришку как следует. Гвенда старалась об этом не думать. Она маленькая, худенькая, шустрая, срежет кошель незаметно, точно призрак, – если, конечно, удастся унять дрожь.

Просторный собор заполнился народом. В приделах монахи с накинутыми капюшонами держали факелы, мерцающие тревожным красным пламенем. Стройные ряды колонн тонули во мраке. Гвенда стояла возле сэра Джеральда, а толпа напирала вперед, к алтарю. Рыжебородый рыцарь и его худая жена маленькую соседку не замечали, да и сыновей высокородной четы она интересовала не больше, чем каменные стены собора. Родители отстали, девочка потеряла их из виду.

Гвенда никогда не видела столько людей, их было даже больше, чем на лужайке в рыночный день. Знакомые весело здоровались, чувствуя, что в этом святом месте злые духи им не страшны, разговоры становились громче. Затем ударили в колокол – и все стихло.

Сэр Джеральд встал возле семьи горожан в плащах дорогого сукна – вероятно, богатые торговцы шерстью. Гвенда пристроилась позади сэра Джеральда и девочки лет десяти. Она старалась держаться незаметно, но, увы, девочка посмотрела на нее и ласково улыбнулась, как бы призывая не пугаться. Монахи по очереди потушили все факелы, и огромный собор полностью погрузился во мрак.

Интересно, вспомнит ли ее потом эта девочка, подумала Гвенда. Ведь не просто мельком глянула и перевела взгляд, как бывает чаще всего, – нет: заметила, выделила, поняла состояние и дружески улыбнулась. Но в соборе сотни детей – невозможно запомнить лицо в неярком свете… Или все-таки возможно? Гвенда постаралась отогнать беспокойство.

В темноте она шагнула вперед и бесшумно проскользнула между двумя людьми, почувствовав мягкое сукно плаща девочки с одной стороны и более грубую ткань старой накидки рыцаря – с другой. Встав наконец так, чтобы срезать кошель, воришка потянулась к шее и вытащила из чехла нож.

Тишину прорезал страшный крик. Гвенда ждала этого – мама рассказывала про службу, – но все-таки ужасно испугалась. Будто кого-то пытали. Затем раздался резкий стук, словно били в металлическую тарелку. Потом послышались рыдания, безумный смех, вострубил охотничий рог, собор наполнили грохот, животные крики, звук треснувшего колокола. Заплакал ребенок, следом еще один. Кто-то истерически засмеялся. Все знали, что шум издают монахи, но какофония была адская. Испуганная Гвенда решила повременить – не самый удачный момент срезать кошель. Все напряжены, начеку. Рыцарь вскинется на любое прикосновение.

Дьявольский шум усиливался, но вдруг послышалось пение. Сначала такое тихое, что Гвенда решила, будто ей почудилось, но постепенно оно стало громче – пели монахини. Девочка натянулась как струна. Решающий момент приближался. Двигаясь точно призрак, воровка повернулась лицом к сэру Джеральду.

Гвенда в подробностях рассмотрела, во что он одет. Тяжелая суконная туника, собранная на талии широким поясом с заклепками. Поверх туники вышитая накидка, дорогая, но поношенная, с пожелтевшими костяными пуговицами. Сэр Джеральд застегнул несколько пуговиц, но не все – то ли толком не проснулся, то ли потому, что из госпиталя до церкви всего пара шагов.

Гвенда как можно легче положила руку на его накидку. Представила, что рука – паучок, такой легонький, что рыцарь просто ничего не почувствует. Пустила паучка по накидке, нашла зазор, просунула руку и повела вдоль пояса, пока не нащупала кошель.

По мере того как пение становилось громче, демонические шумы затихали. Впереди ахнули. Девочка ничего не видела, но знала, что на алтаре зажгли свечи, осветившие резной ковчег из золота и слоновой кости, в котором хранились мощи святого Адольфа, – его точно не было до того, как погасили огни. Толпа хлынула вперед, все пытались приблизиться к священным останкам.

Гвенда, зажатая между сэром Джеральдом и стоявшим перед ним человеком, подняла правую руку и приставила нож к ремешку. Он оказался прочным и с первого раза не поддался. Девочка яростно водила ножом, надеясь лишь, что сэр Джеральд, поглощенный зрелищем у алтаря, ничего не заметит. Она подняла глаза и разглядела смутные силуэты: монахи зажигали свечи. Становилось светло. Времени больше не было.

Воровка налегла на нож и срезала-таки ремешок. Сэр Джеральд тихо что-то пробормотал. Неужели почувствовал? Или он реагирует на происходящее? Кошель соскользнул прямо в руку, но оказался слишком большим, и Гвенда его не удержала. С ужасом решила было, что уронила деньги и теперь не найдет на полу, но ей удалось поймать добычу другой рукой. Стало радостно и легко.

Но она еще в смертельной опасности. Сердце бьется так громко, что, наверное, слышно всем. Гвенда быстро повернулась к рыцарю спиной, одновременно запихнув тяжелый кошель под накидку. Он выпер, как стариковское пузо, что могло возбудить подозрения. Девочка сдвинула его вбок и прикрыла рукой. Когда станет совсем светло, кошель все равно будет заметен, но ничего не поделаешь.

Девочка вставила нож в чехол. Теперь, пока сэр Джеральд не заметил пропажу, нужно поскорее убираться, но давка, которая помогла незаметно срезать кошель, теперь мешала улизнуть. Маленькая воровка попыталась протиснуться назад между людьми, но все напирали вперед, стараясь взглянуть на мощи святого. Она угодила в ловушку, не имея возможности отойти от обворованного ею человека. Кто-то совсем рядом спросил ее:

– Ты как?

Дочь богатого торговца. Та самая. Гвенда запаниковала. Нельзя привлекать к себе внимания. Помощь совсем некстати. Добытчица ничего не ответила.

– Осторожнее, – обратилась богачка к окружающим. – Не задавите маленькую девочку.

Гвенда едва удерживалась от крика. Эта забота может аукнуться тем, что ей отрубят руку. Отчаянно пытаясь выбраться, она уперлась руками в чью-то спину, подаваясь назад. И обратила на себя внимание сэра Джеральда.

– Тебе же там ничего не видно, – ласково сказал рыцарь и, к ужасу Гвенды, подхватив под мышки, поднял ее наверх.

Она ничего не могла поделать. Его крупная рука всего в дюйме от кошелька. Воровка стала смотреть на алтарь, где монахи зажигали свечи и славили святого. Через большую розетку восточного фасада проникал слабый свет: занимавшийся день изгонял злых духов. Грохот стих, а пение стало громче. Высокий красивый монах подошел к алтарю, и Гвенда узнала аббата Кингсбриджа Антония. Подняв руки в благословляющем жесте, он громко заговорил:

– Ныне в очередной раз милостью Христа Иисуса зло и мрак дольнего мира изгнаны гармонией и светом святой Божией Церкви.

Паства ликующе загудела, людям стало легче. Кульминация службы миновала. Гвенда задрыгала ногами, просясь на землю, выскользнула из рук сэра Джеральда и еще раз попыталась продраться назад. Интерес к тому, что происходит у алтаря, уже ослабел, и она таки

проложила себе дорогу. Чем дальше, тем проще было пробираться, наконец девочка оказалась у большого западного входа и увидела своих.

Отец смотрел выжидательно – он рассвирепел бы, если бы дочь опростоволосилась. Воровка бросила ему кошель, с радостью избавившись от улики. Отец схватил трофей, отвернулся, быстро заглянул внутрь и блаженно улыбнулся. Затем передал кошель матери, и та ловко засунула его в складки детского одеяла. Самое страшное позади, но Гвенда еще в опасности.

– Меня заметила богатая девочка. – Она услышала в своем голосе страх.

В маленьких темных глазах отца вспыхнула злость.

– Видела, как ты срезала кошель?

– Нет, просила людей быть поосторожнее, а потом рыцарь подхватил меня и поднял, чтобы лучше было видно.

Мать тихо застонала. Отец буркнул:

– Значит, он тебя запомнил.

– Я отворачивалась.

– И все-таки лучше не попадаться ему на глаза. В госпиталь больше ни ногой. Позавтракаем в таверне.

– Мы же не можем прятаться целый день, – заметила мать.

– Смешаемся с толпой.

Гвенде стало легче. Кажется, отец решил, что большой опасности нет. Она почувствовала себя увереннее – отец опять главный, ответственность не на ней.

– Кроме того, – продолжил он, – хлеб и мясо куда лучше жидкой монастырской каши. Теперь я могу себе это позволить!

Стараясь не привлекать к себе внимания, они вышли из храма. Утреннее небо приобрело перламутрово-серый оттенок. Гвенда хотела взять мать за руку, но заплакал младенец, и та переключилась на него. Тут показался трехногий белый пес с черной мордой. Он разыскал их в соборе и бежал теперь рядом.

– Хоп! – воскликнула Гвенда, подхватила его и прижала к себе.

2

Одиннадцатилетний Мерфин был годом старше Ральфа, но, к его крайней досаде, младший брат уродился выше и сильнее. Это приводило к напряженности в отношениях с родителями. Бывший воин сэр Джеральд не скрывал своего разочарования, когда старший сын не мог поднять тяжесть по своим годам, срубить дерево или прибегал домой в слезах, потерпев поражение в драке. Леди Мод делала все только хуже, защищая Мерфина, когда от нее требовалось лишь притворяться, будто она ничего не замечает. Если отец во всеуслышание нахваливал сильного Ральфа, мать старалась сглаживать ситуацию, называя его глупым. Ральф действительно рос не самым смышленым, но что же тут поделаешь; попреки только злили его, и мальчики ссорились.

А утром в День всех святых поссорились и родители. Джеральд вообще не хотел ехать в Кингсбридж, однако пришлось. Он никак не мог выплатить долг аббатству. Мод напомнила, что монахи отберут у них землю: сэр Джеральд имел в окрестностях Кингсбриджа три деревни. Муж рявкнул, что он прямой потомок Томаса, ставшего графом Ширингом в год, когда король Генрих II поднял руку на архиепископа Беккета. Граф Томас был сыном Джека Строителя, архитектора Кингсбриджского собора, а историю его почти легендарной супруги леди Алины Ширинг рассказывали долгими зимними вечерами после героических сказаний о Карле Великом и Роланде. У человека, имеющего таких предков, никакие монахи не посмеют отобрать землю, рычал сэр Джеральд, и уж тем более не такая баба, как аббат

Антоний. Когда муж начал кричать, лицо Мод приняло выражение усталого смирения, и она отвернулась, хотя Мерфин расслышал слова матери:

– У леди Алины был еще брат Ричард, который только и умел, что драться.

Может, Антоний и баба, но у него хватило мужества предъявить рыцарю неоплаченный счет. Аббат обратился к сюзерену и троюродному брату Джеральда, нынешнему графу Ширингу. Тот вызвал родственника в Кингсбридж, чтобы вместе с аббатом уладить дело. Поэтому отец был в плохом настроении. А потом его ограбили. Он обнаружил пропажу после службы.

Мерфину понравилось зрелище: темнота, таинственные звуки, тихое пение, которое становилось все громче, громче, пока наконец не заполнило громадный собор; понравилось, как одна за другой загорались свечи. В неверном свете он заметил, что некоторые воспользовались мраком для совершения мелких грешков, за которые уже получили прощение: двое торопливо отстранились друг от друга, а шустрый купец отдернул руку от пышной груди улыбающейся жены соседа.

Мальчик никак не мог успокоиться. Пока они ждали, когда монахини накроют завтрак, поваренок понес к лестнице поднос с большим кувшином эля и блюдом горячей солонины. Мать мрачно бросила:

– Этот граф мог бы и пригласить нас на завтрак. В конце концов твоя бабка приходилась сестрой его деду.

– Не хочешь каши, можем пойти в таверну, – ответил отец.

Мерфин навострил уши. Он любил завтраки в таверне – свежий хлеб, соленое масло, – но мать вздохнула:

– Нам это не по карману.

– Очень даже по карману. – И отец потянулся к кошельку, которого уже не было.

Сначала родитель посмотрел на пол – вдруг кошель упал; затем заметил срезанные концы кожаного ремня и зарычал от бешенства. Все посмотрели на него, только мать опять отвернулась и тихо проговорила:

– Все наши деньги.

Отец диким взглядом обвел госпиталь. Длинный шрам на лбу потемнел от гнева. Все напряженно затихли: рыцарь в ярости опасен, даже невезучий. Мать заметила:

– Тебя обворовали в церкви, никаких сомнений.

Пожалуй, она права, подумал Мерфин. В темноте люди чаще воруют, чем целуются.

– Еще и святотатство, – проворчал отец.

– Я думаю, это произошло, когда ты поднял ту маленькую девочку. – Лицо матери искривилось, как будто она проглотила что-то горькое. – Вероятно, вор подобрался сзади.

– Его нужно найти! – прорычал отец.

– Мне очень жаль, сэр Джеральд, – послышался голос монаха Годвина. – Я схожу за Джоном Констеблем. Вдруг он заметит, что кто-то из бедных горожан вдруг разбогател.

Как бы не так, подумал Мерфин. В соборе были тысячи горожан и сотни приезжих. Констеблю за всеми не углядеть. Но отец слегка смягчился.

– Этого мошенника надо повесить! – буркнул он.

– А пока, может быть, вы с леди Мод и ваши сыновья окажете нам честь и сядете за стол у алтаря? – учтиво пригласил Годвин.

Отец засопел. Мерфин знал: родитель доволен, что его выделили из основной массы гостей, которые будут есть на полу, там же, где спали. Опасность миновала, и мальчик немного успокоился, но когда всей семьей уселись за стол, с тревогой подумал, что же теперь с ними будет. Отец был храбрым воином – так все говорили. Сражался за прежнего короля при Боробридже, где меч мятежника из Ланкашира и оставил у него шрам на лбу. Но не везло храбрецу. Многие рыцари возвращались домой с награбленным добром – драгоцен-

ными камнями, целыми возами дорогостоящего фламандского сукна и итальянского шелка – или с главами благородных семейств из стана врага, которых потом выкупали за тысячу фунтов. Сэр Джеральд никогда не умел поживиться. А чтобы выполнять свой долг и служить королю, ему приходилось покупать оружие, доспехи, дорогих боевых коней, но доходов с земель почему-то всегда не хватало. Вопреки уговорам матери он начал брать в долг.

С кухни принесли дымящийся котел. Сэра Джеральда обслужили в первую очередь. Ячменную кашу сдобрили розмарином и солью. Ральф, не понимая всей сложности ситуации, возбужденно принялся обсуждать службу, но ответом ему стало мрачное молчание, и он затих.

Съев кашу, Мерфин подошел к алтарю, за которым спрятал лук и стрелы. Непросто красть из-за алтаря. Правда, если добыча слишком заманчива, страх можно и преодолеть, однако самодельный лук не очень привлекателен и, конечно, еще там.

Старший сын рыцаря гордился собой. Ну да, лук маленький: согнуть настоящий шестифутовый лук может лишь сильный взрослый мужчина. Мерфин сделал лук в четыре фута и тоньше, но в остальном это самый настоящий английский лук, от стрел которого погибло столько шотландских горцев, валлийских мятежников и французских рыцарей. До сих пор отец ни слова про него не сказал, а теперь вдруг заметил.

– Где ты взял дерево? Оно дорогое.

– Это нет – слишком короткое. Один лучных дел мастер дал мне.

Джеральд кивнул.

– Это не просто превосходный лук – он сделан из той части тиса, где заболонь переходит в сердцевину. – Дерево было двухцветным.

– Я знаю, – с жаром отозвался Мерфин. Не часто ему выпадала возможность произвести впечатление на отца. – Гибкая заболонь лучше для внешней стороны плеча, потому что восстанавливает форму, а жесткая древесина хороша для внутренней части дуги – создает упор, когда натягивают тетиву.

– Верно. – Отец вернул лук. – Но помни: это оружие не для благородного человека. Сыновьям рыцарей не годится быть лучниками. Отдай его какому-нибудь крестьянскому мальчишке.

Мерфин приуныл:

– Я даже не попробовал!

– Пусть поиграет, – вмешалась мать. – Они ведь еще дети.

– Ну, пускай, – ответил отец, теряя интерес. – Интересно, эти монахи принесут нам эля?

– Ступайте, – разрешила мать. – Мерфин, присмотри за братом.

– Скорее наоборот, – проворчал рыцарь.

Юного лучника больно кольнуло. Отец просто ничего не понимает. Он-то как раз может постоять за себя, а вот Ральф вечно ввязывается в драки. Однако Мерфин знал, как себя вести, когда родитель не в духе, и вышел из госпиталя, не промолвив ни слова. Младший брат поплелся следом.

Стоял ясный и холодный ноябрьский день, небо затянули высокие бледно-серые облака. Братья двинулись по главной улице мимо Фиш-лейн, Лезер-ярда и Кокшоп-стрит, спустились к реке, прошли деревянный мост и, оставив позади Старый город, очутились в предместье – Новом городе. Деревянные дома стояли здесь между пастбищами и огородами. Мерфин взял курс на луг под названием поле Влюбленных. Там городской констебль и его помощники поставили мишени для лучников и устроили стрельбище. По приказу короля тренироваться в стрельбе из лука после церковной службы обязаны были все мужчины.

Особых мер принуждения для этого не требовалось: выпустить несколько стрел в воскресное утро не очень трудно, и около сотни городских юношей выстроились в очередь. На них смотрели женщины, дети и мужчины, считавшие себя старыми или слишком высоко-

родными. Кое-кто пришел со своим оружием, а для бедняков, которым собственный лук был не по средствам, Джон Констебль имел недорогие учебные – из ясеня или ореха.

Обстановка царила праздничная. Дик Пивовар продавал кружками эль из бочки, стоявшей на телеге, а четыре дочери Бетти Бакстер торговали с подносов пряной фасолью. Зажиточные горожане нарядились в меховые шапки и новые башмаки, даже бедные женщины украсили волосы и приторочили к плащам ленты.

Мерфин был единственным мальчиком с луком, что тут же привлекло внимание остальных детей. Они столпились вокруг, мальчишки задавали завистливые вопросы, а девчонки смотрели восхищенно или презрительно – в зависимости от характера. Одна спросила:

– Как же ты его сделал?

Сын Джеральда узнал ее: она стояла рядом в соборе. Где-то на год младше, в платье и плаще из добротной плотной ткани. Обычно Мерфина бесили ровесницы: все время хихикают, говорить с ними серьезно невозможно, – а эта смотрит на него, на лук с искренним интересом; ему понравилось.

– Догадался.

– Здорово. А он стреляет?

– Еще не пробовал. А как тебя зовут?

– Керис, я дочь Суконщика. А ты кто?

– Мерфин. Мой отец – сэр Джеральд. – Из отворота шапки юный стрелок достал свернутую тетиву.

– А почему тетива в шапке?

– Чтобы не намокла, когда дождь. Так делают все настоящие стрелки. – Набросив петлю на ушко нижнего плеча, он согнул лук и накинул вторую петлю.

– Ты будешь стрелять?

– Буду.

Кто-то сказал:

– Тебя не пустят.

Мерфин обернулся. Завистнику было лет двенадцать, высокий, худой, с большими руками и ногами. Юный мастер видел его ночью в госпитале вместе с родителями, его звали Филемон. Он терся около монахов, все время задавал какие-то вопросы и помогал накрывать ужин.

– Пусть только попробуют, – ответил Мерфин. – Почему это не пустят?

– Ты маленький.

– Это же глупо.

Не успев договорить, молодой лучник понял, что зря он так пыжится: взрослые часто бывают глупыми. Но самоуверенность Филемона взбесила его, тем более он только-только похвастался Керис. Самый молодой стрелок отошел от детей и приблизился к мужчинам, ожидающим своей очереди у мишени. В кругу взрослых он узнал очень высокого широкоплечего Марка Ткача. Тот заметил лук и тихо, ласково заговорил с мальчиком:

– Откуда он у тебя?

– Я сам его сделал, – с гордостью ответил Мерфин.

– Посмотри-ка, Элфрик, – Марк повернулся к соседу, – какой парнишка лук сделал.

Крепыш с хитрыми глазами бегло взглянул на изделие и презрительно заметил:

– Слишком маленький. Такой не пробьет доспехи французского рыцаря.

– Может, и не пробьет, – мягко возразил Марк. – Но думаю, парень двинется на французов только через пару лет.

– Все готово! – крикнул Джон Констебль. – Марк Ткач, ты первый.

Великан подошел к барьеру, поднял мощный лук и попробовал его, сильно согнув толстую дугу. Констебль заметил Мерфина и покачал головой:

– Мальчики не стреляют.

– Почему? – возмутился юный мастер.

– Не важно, иди.

Кто-то из детей захихикал.

– Но по какой причине? – не отступал Мерфин.

– Еще я с детьми буду объясняться. Давай, Марк, стреляй.

Старший сын Джеральда был смертельно оскорблен. Эта змея Филемон перед всеми опозорил его. Он отвернулся от мишени.

– Я же говорил.

– Эй ты, заткнись и убирайся.

– Ты не можешь заставить меня убраться, – ответил Филемон. Он был на шесть дюймов выше Мерфина.

– Зато я могу, – вышел вперед Ральф.

Молодой мастер вздохнул. Ральф – преданный брат, но не понимает, что, если из-за него подерется с Филемоном, лишь выставит Мерфина слабаком и дураком.

– Ладно, я пойду, – буркнул Филемон. – Помогу брату Годвину.

И ушел. Остальные дети тоже начали расходиться, посматривая, где поинтересней. Керис вскользь бросила Мерфину:

– Не обязательно стрелять здесь.

Девочке явно хотелось посмотреть, как это будет. Юный стрелок осмотрелся:

– А где?

Если его застанут за стрельбой без разрешения, то могут отобрать лук.

– Можно пойти в лес.

Мерфин удивился. Детям запрещалось ходить в лес. Там прятались разбойники. Сорванцов могли раздеть или превратить в рабов, а то еще чего похуже, о чем родители говорили одними намеками. Но даже если они возвращались из леса живыми и здоровыми, их пороли. Однако Керис, кажется, ничего не боялась, и сын рыцаря не хотел показаться трусом. Кроме того, мальчика подстегнул грубый отказ констебля.

– Ладно. Только чтобы нас никто не видел.

На это у дочери Суконщика был ответ:

– Я знаю дорогу.

И она пошла к реке. Братья двинулись за ней. Рядом семенила трехногая собака.

– Как зовут твою собаку? – спросил Мерфин.

– Это не моя, – ответила Керис. – Я дала ей кусок тухлого окорока и теперь не могу отвязаться.

Они шли по илистому берегу реки, мимо торговых складов, пристаней и барж. Мерфин украдкой рассматривал девочку, которая так легко стала их вожаком. Широкое решительное лицо, не красавица и не уродка, в зеленоватых глазах с золотистыми пятнышками светится озорство. Светло-каштановые волосы заплетены в две косы, по нынешней моде. Одежда дорогая, но вместо вышитых тряпичных туфелек, которые предпочитали благородные дамы, практичные кожаные башмаки.

Дочь Суконщика свернула от реки, прошла дровяной склад, и вдруг они оказались в низкорослом леске. Мерфину стало не по себе. Теперь, в лесу, где, может, за ними из-за дуба подсматривает какой-нибудь разбойник, он пожалел о своей браваде, но возвращаться стыдно. Дети пошли дальше, подыскивая большую поляну, где можно пострелять. Вдруг Керис заговорщически сказала:

– Видите тот большой куст остролиста?

– Да.

– Как только его пройдем, садитесь на землю, и чтобы тихо.

– Почему?

– Увидите.

Секунду спустя Мерфин, Ральф и Керис присели на корточки за кустом. Трехногий пес тоже сел и с надеждой посмотрел на девочку. Ральф хотел что-то спросить, но провожатая зашикала на него. Через минуту мимо прошла маленькая девочка. Дочь Суконщика выпрыгнула и схватила ее, та заверещала.

– Тихо. Дорога совсем близко, нельзя, чтобы нас слышали. Зачем ты за нами пошла?

– Вы забрали моего пса, он не хотел возвращаться.

– Я тебя знаю, ты была сегодня утром в церкви, – смягчилась Керис. – Все нормально, не плачь, мы тебе ничего не сделаем. Как тебя зовут?

– Гвенда.

– А собаку?

– Хоп. – Юная воровка подхватила пса, и тот принялся слизывать слезы хозяйки.

– Ладно, бери. Хотя лучше тебе пойти с нами – вдруг он опять удерет. Кроме того, ты, наверно, не найдешь дорогу обратно.

Все вместе пошли дальше, и Мерфин спросил:

– У кого восемь рук и одиннадцать ног?

– Сдаюсь, – тряхнул головой Ральф. Он всегда сдавался.

– А я знаю, – улыбнулась Керис. – Это мы. Четверо детей и собака. – Она засмеялась. – Здорово.

Мерфин остался доволен. Взрослые не всегда понимали его шутки, а уж девчонки и подавно. Гвенда принялась объяснять Ральфу:

– Две руки и две руки и две руки и две руки – это восемь. Две ноги…

По счастью, в лесу никого не было. Те немногие, кто имел здесь дела – дровосеки, угольщики, плавильщики, – сегодня не работали, знать тоже не охотилась по воскресеньям. Так что встретить они могли только разбойников. Но вряд ли. Большой лес тянулся на много миль. Мерфину ни разу в жизни не удалось пройти его от края до края. Дети вышли на широкую поляну, и юный стрелок остановился:

– Подойдет.

Примерно в пятидесяти футах стоял огромный дуб. Молодой лучник встал боком – он видел, что так делают взрослые, – взял одну из трех стрел и приладил выемку хвостовика к тетиве. Изготовить стрелу из ясеня с гусиным оперением не проще, чем лук. Начинающий мастер не смог раздобыть железа для наконечников, поэтому просто заострил концы и опалил дерево, чтобы они затвердели. Посмотрел на дуб и натянул тетиву. Это оказалось очень трудно. Когда он пустил стрелу, та упала на землю совсем недалеко от цели. Хоп ринулся к ней.

Мерфин расстроился. Он-то думал, что стрела со свистом прорежет воздух и вонзится в дерево. Значит, недостаточно натянул тетиву. Попробовал сменить стойку – лук взял правой рукой, стрелу левой, так как одинаково хорошо владел обеими. Второй раз мальчик натянул тетиву изо всех сил и отпустил стрелу. На этот раз та почти долетела до дерева. В третий раз он прицелился вверх, прикинув, что стрела сделает в воздухе дугу и на излете войдет в дерево. Но забрал слишком высоко, стрела угодила в ветви и упала на облетевшие коричневые листья. Мерфин скис. Стрелять из лука оказалось сложнее, чем он думал. Сам лук скорее всего в порядке; дело в его умении… точнее, неумении. Керис сделала вид, будто ничего не заметила.

– Дай мне попробовать, – попросила она.

– Девчонки не умеют стрелять. – Ральф выхватил лук у брата.

Встал боком, как Мерфин, но выстрелил не сразу, а несколько раз согнул лук, приноравливаясь к нему. Он тоже понял, что это не так просто, но освоился, кажется, довольно быстро. Хоп резво принес все три стрелы к ногам Гвенды, девочка подобрала их и передала Ральфу. Тот прицелился, не натягивая тетивы, не напрягая рук. Мерфин понял, что так и нужно было сделать. Почему эти вещи так ловко выходят у Ральфа, который не может отгадать ни одной загадки? А брат тем временем натянул наконец-таки тетиву, не сильно, плавно. Пущенная стрела примерно на дюйм вонзилась в мягкую кору дуба. Младший брат весело засмеялся. Хоп умчался за стрелой. Добежав до дерева, пес растерянно остановился. Ральф опять натянул лук. Мерфин понял его намерения и успел лишь вскрикнуть:

– Не надо…

Поздно. Стрела вонзилась псу в затылок. Хоп упал и забился в судорогах. Гвенда закричала. Керис прошептала:

– О нет!

Девочки побежали к собаке. Меткий стрелок самодовольно ухмыльнулся:

– Ну как?

– Ты убил собаку! – с дрожью в голосе воскликнул Мерфин.

– Эка важность, у нее все равно только три ноги.

– Ее любила эта девочка, идиот. Посмотри, как она плачет.

– Ты просто завидуешь, потому что не умеешь стрелять.

Вдруг Ральф резко отвел глаза. Легким движением он закрепил последнюю стрелу, натянул тетиву и отпустил ее, почти не целясь. Мерфин не мог понять, куда брат выстрелил, пока на землю не упал, перевернувшись в воздухе, жирный заяц, из туловища которого торчала стрела. Владелец лука даже не пытался скрыть восхищения. И опытный-то стрелок не всегда попадет в бегущего зайца. У Ральфа дар. Старший брат действительно завидовал младшему, хотя ни за что не признался бы в этом. Он очень хотел стать рыцарем, смелым и сильным, хотел сражаться за короля, как отец, и приходил в отчаяние, когда выяснялось, что такие вещи, как стрельба из лука, ему не даются.

Ральф нашел камень и проломил зайцу голову, чтобы зверек не мучился. Мерфин встал на колени возле девочек. Пес не дышал. Керис осторожно вытащила стрелу из затылка и передала Мерфину. Не вытекло ни капли крови: Хоп был мертв. Какое-то время все молчали. Тишину прорезал крик. У Мерфина сильно забилось сердце, он вскочил. Послышался еще один крик, другой голос: значит, людей несколько и они явно не мирно беседуют. Молодой мастер очень испугался, да и не он один. Все дети замерли, услышав, как по лесу кто-то бежит, хрустя сухими ветками, приминая упругую траву, шурша опавшими листьями. И бежит в их сторону.

– В кусты, – шепнула Керис, кивнув на вечнозеленые заросли.

Возможно, здесь и жил тот заяц, которого подстрелил Ральф, подумал Мерфин. Девочка-заводила уже подползала к кустам. Гвенда последовала ее примеру, прижимая к себе Хопа. Юный охотник, подобрав убитого зайца, тоже бросился в кусты, а старший сын рыцаря, вдруг сообразив, что в стволе предательски торчит стрела, рванул через поляну, вытащил ее, перебежал обратно и нырнул под ветки. Слышалось прерывистое дыхание. Бегущий человек, похоже, выбился из сил. Его гонители перекрикивались:

– Сюда!

– Здесь!

Мерфин припомнил слова Керис о том, что неподалеку дорога. Может, это путник, на которого напали грабители? Через секунду на поляну выбежал рыцарь лет двадцати пяти. На поясе висели меч и длинный кинжал. Добротная кожаная туника и высокие сапоги с отворотами. Воин споткнулся, упал, перевернулся через голову, встал, вытащил меч и, тяжело дыша, прислонился спиной к дубу.

Мерфин посмотрел на ребят. Керис, побелев от страха, закусила губу. Гвенда прижимала к себе собаку, как будто та придавала ей мужества. Ральф тоже был напуган, но все-таки вытащил стрелу из зайца и засунул добычу себе под тунику. Рыцарь мельком взглянул на куст, и юный мастер-лучник с ужасом понял, что он скорее всего увидел прячущихся детей, а может, поломанные ветки и сбитую листву. Еще Мерфин краем глаза заметил, как брат вставил стрелу в лук.

В этот момент на поляне появились преследователи – двое крепких, разбойничьего вида мужчин с обнаженными мечами. На обоих замечательные двухцветные туники: левая сторона – желтая, правая – зеленая; на одном накидка из дешевого коричневого сукна, на другом – грязный черный плащ. Все трое замерли, стараясь отдышаться. Мерфин не сомневался, что рыцарю конец, и чувствовал, что сейчас самым жалким образом расплачется. Вдруг беглец перехватил меч за клинок и выставил эфес вперед, давая понять, что сдается. Старший воин в черном плаще шагнул вперед, протянул левую руку, осторожно принял протянутый меч, передал товарищу и взял у рыцаря кинжал:

– Мне не нужно твое оружие, Томас Лэнгли.

– Ты меня, как вижу, знаешь, а вот я тебя нет, – заговорил Томас Лэнгли. Если он и напугался, то не потерял самообладания. – Судя по одежде, служишь королеве.

Воин в черном плаще мечом прижал Томаса к дереву.

– У тебя есть некое письмо.

– Да, указания графа шерифу, касающиеся налогов. Можешь прочесть.

Он шутил. Люди королевы почти наверняка не умеют читать. У этого Томаса железная выдержка, если он смеется над людьми, которые собираются его убить, подумал Мерфин.

Второй воин, стоя позади товарища, схватил кошель, что висел на поясе у Томаса, и нетерпеливо срезал ремешок. Открыл, вытащил оттуда маленький мешочек из промасленного сукна и достал пергаментный свиток, запечатанный воском.

Неужели все из-за какого-то письма, недоумевал Мерфин. Что же в нем такое? Вряд ли обычная ерунда про налоги. Наверняка какая-нибудь страшная тайна.

– Если вы меня убьете, – усмехнулся рыцарь, – те, кто прячется в кустах, всё увидят.

На долю секунды все замерли. Человек в черном плаще, прижимая меч к горлу Томаса Лэнгли, оглянуться не решился. Второй помедлил, но затем все же посмотрел на кусты. И тут закричала Гвенда. Воин в накидке из дешевого сукна выхватил меч и сделал два больших шага по направлению к кустам. Девочка вскочила и стала продираться через ветки. Человек королевы подбежал к ней и уже занес меч.

Вдруг Ральф встал, плавным движением вскинул лук и пустил стрелу. Та попала двухцветному в глаз и на несколько дюймов вошла в голову. Раненый поднял левую руку, будто хотел ее вытащить, затем оступился и рухнул как мешок с зерном. Раздался глухой удар, и Мерфин почувствовал содрогание земли. Брат выбежал из кустов и побежал за Гвендой. Краем глаза Мерфин видел, что за ними рванула и Керис. Он тоже хотел убежать, но будто прирос к земле.

С поляны раздался крик. Молодой мастер увидел, что Томас, отведя приставленный меч, вытащил откуда-то из-под одежды небольшой нож длиной в мужскую ладонь. Воин в черном плаще ловко отпрыгнул и занес клинок, метя рыцарю в голову. Лэнгли пригнулся, и меч пришелся ему на левое предплечье, разрезав кожаную тунику и вонзившись в плоть. Рыцарь зарычал от боли, но не упал. Быстрым грациозным движением он поднял правую руку, ударил ножом противника в горло и увел клинок по дуге в сторону. Кровь фонтаном хлынула у того из горла. Стараясь не испачкаться, Томас, шатаясь, отступил назад. Человек в черном упал на землю, голова болталась как на ниточке. Беглец отбросил нож, схватился за раненое предплечье и, вдруг резко ослабев, опустился на землю.

Мерфин понял, что остался один с раненым рыцарем, телами двух воинов и трехногой собаки. Мог бы, конечно, побежать за ребятами, но любопытство удерживало на месте. Лэнгли теперь совершенно не опасен, говорил он себе. У рыцаря оказался острый глаз.

– Можешь выйти, – позвал он. – В таком состоянии я тебе не опасен.

Лучник нерешительно встал, вылез из кустов, пересек поляну и остановился в нескольких футах от сидящего рыцаря. Томас бросил:

– Если узнают, что вы играли в лесу, высекут.

Мерфин кивнул.

– Я сохраню вашу тайну, если вы сохраните мою.

Мерфин вновь кивнул. Он ничего не терял, соглашаясь на сделку. Все дети будут молчать. Если проговорятся, беды не миновать. Что случится с Ральфом, убившим воина королевы?

– Ты не поможешь перевязать мне рану? – спросил Томас.

Несмотря ни на что, он говорил вежливо. Рыцарь почему-то вызывал уважение. Мерфин захотел стать таким же, когда вырастет, и хрипло выдавил:

– Помогу.

– Подними мой пояс и перетяни, пожалуйста, руку.

Мальчик подчинился. Туника Томаса намокла от крови, а рука была вспорота, как туша в мясницкой лавке. Юного искателя приключений слегка подташнивало, но он заставил себя затянуть пояс на руке рыцаря. Кровотечение ослабло. Мерфин завязал узел, а Лэнгли правой рукой затянул его потуже. Поднявшись на ноги, рыцарь посмотрел на трупы:

– Нам не удастся их похоронить. Прежде чем мы выкопаем могилы, я истеку кровью. Даже если ты мне поможешь. – Он подумал. – С другой стороны, нежелательно, чтобы их обнаружили здесь какие-нибудь влюбленные, ищущие местечко… где бы уединиться. Давай оттащим обоих в кусты, где вы прятались. Сначала этого. – Рыцарь и мальчик подошли к телу. – Ты за одну ногу, я за другую, – велел Томас.

Правой рукой Лэнгли схватил мертвеца за левую щиколотку. Мерфин обеими руками взял другую, мягкую еще ногу и потянул. Вдвоем они затащили тело в кусты, где лежал Хоп.

– Сойдет. – Лицо Томаса побелело от боли. Он наклонился и с удивлением вытащил из глаза воина стрелу. – Твоя?

Мерфин взял стрелу и вытер о траву кровь и мозги, налипшие на древко. Затем точно так же перетащили второе тело – голова чуть было не оторвалась – и бросили возле первого. Лэнгли подобрал мечи, зашвырнул туда же, в кусты, и поднял свое оружие.

– А теперь у меня к тебе большая просьба. – Рыцарь протянул кинжал: – Можешь выкопать небольшую ямку?

– Хорошо. – Мерфин взял кинжал.

– Прямо здесь, перед дубом.

– На сколько?

Томас показал кожаный кошель:

– Чтобы спрятать вот это на пятьдесят лет.

Призвав все свое мужество, искатель приключений спросил:

– Зачем?

– Копай, а я расскажу тебе что смогу.

Мальчик начертил на земле квадрат и разрыхлил участок кинжалом, а затем стал выгребать мерзлую землю руками. Лэнгли взял свиток, положил в мешочек, а мешочек спрятал в кошель.

– Я должен был передать это письмо графу Ширингу. Но оно содержит очень опасную тайну, и я понял: посыльного наверняка убьют, чтобы он никогда ничего и никому не смог рассказать. Нужно было исчезнуть. Я решил укрыться в монастыре, стать монахом. Хватит

с меня сражений, пора искупать грехи. Меня хватились, начали искать, и вот не повезло: выследили в одной бристольской таверне.

– Люди королевы?

– Она готова на все, лишь бы тайна не вышла наружу.

Когда Мерфин выкопал яму в восемнадцать дюймов глубиной, Томас остановил помощника:

– Достаточно. – И бросил в нее кошель.

Юный лучник засыпал яму землей, а Лэнгли набросал листьев и мелких веток; место, где копали, стало незаметно.

– Если ты узнаешь, что я умер, пожалуйста, выкопай это письмо и передай священнику. Сделаешь это для меня?

– Хорошо.

– Но до тех пор никому ничего не говори. Пока известно, что письмо у меня, но непонятно где, они ничего не сделают. Но как только ты раскроешь секрет, сначала убьют меня, а затем и тебя.

Мерфин перепугался насмерть. Как несправедливо: ему угрожает такая опасность только из-за того, что он помог человеку выкопать ямку.

– Прости, что пугаю тебя, – улыбнулся Томас. – Но это не только моя вина. В конце концов, я не просил тебя сюда приходить.

– Нет. – Как же Мерфин пожалел, что пошел в лес.

– Я пойду к дороге, а тебе лучше вернуться тем же путем, каким пришел. Надеюсь, твои друзья ждут где-нибудь неподалеку.

Мальчик поплелся с поляны.

– Как тебя зовут? – крикнул вдогонку рыцарь.

– Мерфин, сын сэра Джеральда.

– Вот как? – Томас, видимо, знал отца. – Ладно, ни слова, даже ему.

Молодой мастер кивнул и ушел. Ярдов через пятьдесят его стошнило, но после этого стало намного лучше. Как и предвидел Томас, ребята ждали на опушке леса, возле дровяного склада. Окружили, хлопали по плечам, словно пытаясь убедиться, что он жив. Все испытывали облегчение и еще стыд, что бросили его. Дети дрожали, даже Ральф.

– Тот человек, в которого я пустил стрелу… он тяжело ранен?

– Умер, – ответил Мерфин и показал Ральфу стрелу, выпачканную кровью.

– И ты ее вытащил?

Мерфину очень хотелось сказать «да», но он решился на правду.

– Нет, рыцарь.

– А второй?

– Рыцарь перерезал ему горло. Потом мы спрятали их в кусты.

– И он так просто отпустил тебя?

– Да.

Мальчик ничего не стал говорить о спрятанном письме.

– Нужно сохранить все в тайне. – Керис волновалась. – Если кто-нибудь узнает – беда.

– Я никому не скажу, – пообещал Ральф.

– Мы должны поклясться, – твердо проговорила Суконщица.

Они встали в кружок, Керис вытянула руку. Мерфин положил сверху свою – ладонь девочки была мягкой и теплой, – потом Ральф, потом Гвенда. Дети поклялись кровью Иисуса и отправились обратно в город. Стрельба из лука закончилась, все разошлись обедать. Когда шли по мосту, Мерфин сказал Ральфу:

– Когда я вырасту, то хочу быть, как этот рыцарь – всегда вежливый, ничего не боится, беспощадный в бою.

– Я тоже, – кивнул брат. – Беспощадный.

В Старом городе Мерфин с удивлением увидел, что вокруг продолжается нормальная жизнь: плачут дети, где-то жарят мясо, у таверн пьют эль. Дочь Суконщика остановилась около большого дома на главной улице, прямо напротив входа в аббатство, обняла Гвенду за плечи и прошептала:

– У моей собаки щенки. Хочешь посмотреть?

Та была еще очень напугана – чуть не плакала – и тут же кивнула:

– Да, пожалуйста.

Какая умная и еще добрая, подумал Мерфин. Щенки утешат маленькую девочку – и отвлекут. Вернувшись домой, она расскажет про щенков и вряд ли вспомнит о том, что случилось в лесу.

Дети попрощались, и девочки зашли в дом. Юный лучник подумал, увидит ли он еще Керис. Затем вспомнил собственные заботы. Как же отец выкрутится из истории с долгом? Мерфин и Ральф с луком и убитым зайцем направились в аббатство. В госпитале почти никого не было, всего несколько больных. Монахиня сказала им:

– Ваш отец в соборе, с графом Ширингом.

Братья вошли в собор и обнаружили родителей в притворе. Мать сидела на квадратном основании круглой колонны. В холодном свете, лившемся в высокие окна, ее спокойное ясное лицо казалось вытесанным из того же серого камня, что и колонна, к которой она прислонилась. Подле нее, покорно опустив широкие плечи, стоял отец. Перед ним – граф Роланд. Он был старше отца, но черные волосы и энергичность придавали ему моложавый вид. Возле графа Мерфин заметил аббата Антония. Мальчики прижались к стене, но мать подозвала их:

– Идите сюда. Граф Роланд помог нам договориться с аббатом Антонием, все проблемы решены.

Отец явно был не так признателен Ширингу, как мать.

– И мои земли переходят аббатству, – проворчал он. – Я ничего не оставлю вам в наследство.

– Мы переедем сюда, в Кингсбридж, – бодро продолжала Мод, – и станем жить на монастырском иждивении.

– Как это? – спросил Мерфин.

– Это означает, что монахи предоставят нам дом и еду два раза в день – на всю жизнь. Разве не чудесно?

Старший из братьев видел, что на самом деле мать вовсе не считала положение иждивенцев аббатства таким уж чудесным. Только делала вид, что рада. Сэру Джеральду было очень стыдно, что он потерял земли. Какой позор.

– А что будет с моими мальчиками? – спросил рыцарь у графа.

Тот развернулся и посмотрел на дальних родственников.

– Высокий вроде ничего. Это ты убил зайца?

– Да, милорд, – с гордостью ответил Ральф. – Я выпустил в него стрелу.

– Через пару лет возьму его сквайром, – быстро решил Роланд. – Мы сделаем из него рыцаря.

Отец остался доволен. Мерфин растерялся. Важные решения принимали как-то слишком быстро. На младшего брата свалилась такая удача, а про него просто забыли.

– Это нечестно! – вырвалось у мальчика. – Я тоже хочу быть рыцарем!

– Нет! – воскликнула мать.

– Но это я сделал лук!

Отец глубоко вздохнул и поморщился.

– Так это ты сделал лук, парень? – Граф презрительно скривился. – В таком случае станешь подмастерьем плотника.

3

В замечательном деревянном доме, где жила Керис, очаг и полы были каменными. На первом этаже располагались целых три помещения: зал, в котором стоял большой обеденный стол, маленькая гостиная, где отец, запершись, беседовал с покупателями, и кухня. Едва войдя, девочки почувствовали запах вареного окорока, и у них слюнки потекли. Дочь Суконщика провела гостью через зал к задней лестнице.

– А где щенки? – спросила Гвенда.

– Я сначала к маме. Она больна.

Девочки вошли в первую комнату, где на резной деревянной кровати лежала маленькая хрупкая женщина, весившая не больше Керис. Она была очень бледна, неприбранные волосы прилипли к влажным щекам.

– Как ты себя чувствуешь?

– Такая слабость сегодня.

Суконщица ощутила знакомую боль от тревоги и бессилия. Год назад у матери начали болеть суставы. Вскоре появилась сыпь во рту и непонятные кровоподтеки на теле. От слабости она ничего не могла делать, а на прошлой неделе еще простудилась. Поднялся жар, стало трудно дышать.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Нет, спасибо.

Всякий раз, слыша эти слова, Керис сходила с ума от беспомощности.

– Может, позвать мать Сесилию?

Настоятельница Кингсбриджа единственная хоть как-то могла помочь матери. Маковый настой, который она смешивала с медом и теплым вином, на некоторое время снимал боли. Девочка считала Сесилию лучше ангелов.

– Нет, доченька. Как прошла служба? – Губы у матери побелели.

– Страшно было.

Больная помолчала, отдохнула, затем спросила:

– Что ты делала потом?

– Смотрела, как стреляют из лука.

Керис затаила дыхание, испугавшись, что мать, как обычно, догадается о ее тайной вине. Но та посмотрела на Гвенду.

– Кто твоя маленькая подруга?

– Гвенда. Я привела ее посмотреть щенков.

– Это хорошо.

Мать устало закрыла глаза и отвернулась. Девочки тихонько вышли. Гвенда была в ужасе.

– Что с ней?

– Истощение.

Керис терпеть не могла об этом говорить. Из-за болезни матери ей казалось, что мир зыбок, случиться может все, что угодно, и уверенным нельзя быть ни в чем. Это пугало еще больше, чем мысль о том, что их могли видеть в лесу. Когда она представляла, что мама умрет, хотелось рвать на себе волосы и кричать.

Среднюю комнату в летние месяцы занимали итальянские торговцы шерстью из Флоренции и Прато, приезжавшие по делам к отцу, но теперь она пустовала. В задней комнате, где Керис жила с сестрой Алисой, возились щенки. Им было уже семь недель – пора отни-

мать от матери, которой они порядком надоели. Гвенда радостно ахнула и присела к ним. Керис взяла на руки самого маленького очаровательного щенка, отличавшегося крайней любознательностью.

– Вот эту я хочу оставить. Ее зовут Скрэп.

Щенок успокоил ее, помог забыть о тревогах. Остальные четверо ползали по Гвенде, обнюхивали, жевали подол платья. Та подхватила уродливого коричневого щенка с длинной мордочкой и близко посаженными глазами.

– А мне нравится этот.

Щенок извивался в ее руках.

– Хочешь взять?

У Гвенды слезы навернулись на глаза.

– А можно?

– Нам разрешили их раздавать.

– Правда?

– Папа больше не хочет собак. Если он тебе нравится, бери.

– О да, – прошептала девочка. – Пожалуйста.

– Как ты его назовешь?

– Как-нибудь похоже на Хопа. Может быть, Скип.

– Хорошее имя.

Скип уже уютно уснул на руках новой хозяйки. Девочки мирно сидели с собаками. Керис думала о мальчиках, которых они встретили: невысоком рыжеволосом, с золотистыми карими глазами, и его высоком красивом младшем брате. Зачем надо было брать их с собой в лес? Она частенько прислушивалась к внутреннему голосу, который обычно давал о себе знать, когда ей что-нибудь запрещали. Особенно любила командовать тетка Петронилла: «Не корми эту кошку, мы никогда от нее не избавимся. Не играй в доме в мяч. Отойди от этого мальчика, он деревенский». Все ограничительные правила сводили Суконщицу с ума, и она никогда их не соблюдала.

Вспомнив о том, что случилось в лесу, девочка задрожала. Погибли двое мужчин, но могло быть еще хуже – могли погибнуть и четверо детей. Но почему воины гнались за рыцарем, что они не поделили? Вряд ли обычное ограбление. Говорили о каком-то письме. Но Мерфин о нем не сказал ни слова. Наверно, ничего больше не узнал. Еще одна тайна взрослых.

Мерфин понравился Керис. Его скучный брат Ральф похож на всех остальных мальчишек в Кингсбридже – хвастун, забияка и дурак, а вот Мерфин другой. И заинтересовал ее сразу. Два новых друга за один день, думала она, глядя на Гвенду. Маленькая девочка не была красавицей. Близко посаженные над клювиком носа темно-карие глаза. Забавно, она выбрала щенка, похожего на нее, подумала дочь Суконщика. Одежду новая подруга, должно быть, донашивала после старших детей. Гвенда уже успокоилась, слезы высохли, да и сама Керис разомлела, глядя на щенков.

Из зала послышались знакомые шаги и зычный голос:

– Принесите мне графин эля, ради всего святого, я хочу пить, как ломовая лошадь.

– Это отец, – шепнула Керис. – Пойдем встретим его. – Гвенда напряглась, и дочь хозяйки прибавила: – Не волнуйся, он всегда так кричит, но на самом деле очень-очень хороший.

Девочки спустились вместе со щенками.

– Что случилось со всеми моими слугами? – рычал отец. – Неужели удрали к этим бездельникам? – Он тяжелыми шагами, волоча ссохшуюся правую ногу, вышел из кухни с большой деревянной кружкой, из которой расплескивался эль. – Привет, мой маленький лютик. – Увидев дочь, Суконщик смягчился, сел на большой стул во главе стола и сделал

большой глоток. – Вот так-то лучше. – Торговец вытер рукавом лохматую бороду и заметил Гвенду: – А это что за малышка с моим лютиком? Как тебя зовут?

– Гвенда из Вигли, милорд, – испуганно ответила та.

– Я дала ей щенка, – объяснила Керис.

– Прекрасная мысль! Щенкам нужна любовь, а больше всех их любят маленькие девочки.

На табурете возле стола Керис увидела алый плащ, явно не местного производства – английские красильщики не умели добиваться такого яркого красного цвета. Проследив за ее взглядом, отец пояснил:

– Это маме. Она давно хотела итальянский красный плащ. Надеюсь, вещица придаст ей сил.

Девочка потрогала плащ. Такое мягкое плотное сукно умели делать только итальянцы.

– Красивый, – кивнула Суконщица.

С улицы вошла тетка. Петронилла была похожа на отца, но тот добрый, а у нее вечно поджаты губы. Больше сходства наблюдалось у Петрониллы с другим ее братом, аббатом Кингсбриджа Антонием: оба высокие, внушительного вида, – отец же приземистый, с широкой грудью и хромой. Керис не любила Петрониллу, умную, но нечестную – роковое сочетание во взрослых. И никак не могла провести ее. Гвенда почувствовала неприязнь подруги и напряженно всмотрелась в тетку. Только отец обрадовался Петронилле:

– Входи, сестра. Где все мои слуги?

– Понятия не имею. С чего ты взял, что я должна знать, если только вошла? Сидела дома, на другом конце улицы. Но если подумать, Эдмунд, я бы сказала, что кухарка в курятнике – надеется найти там яйцо, чтобы сделать тебе пудинг, а горничная наверху, помогает твоей жене сходить по-большому, что ей обычно требуется около полудня. Что до подмастерьев, надеюсь, они оба, как им и полагается, стерегут твой шерстяной склад у реки, чтобы никому не взбрело в пьяную голову развести там костер.

Петронилла часто на простые вопросы отвечала долго и нудно. Держала себя высокомерно, но отец этого не замечал либо делал вид, что не замечает.

– Моя милая сестра, ты унаследовала всю мудрость нашего отца.

Петронилла повернулась к девочкам:

– Предком нашего отца был Том Строитель, отчим и учитель Джека Строителя, архитектора Кингсбриджского собора. Отец дал обет посвятить первенца Богу, но, к несчастью, первой родилась девочка – я. Он назвал меня в честь святой Петрониллы, дочери святого Петра, вы, конечно, это знаете, и молился, чтобы следующим был мальчик. Но старший сын уродился калекой, а отец не хотел вручать Богу подпорченный дар и воспитал Эдмунда так, чтобы тот перенял его суконное дело. По счастью, третьим оказался наш брат Антоний, благочестивый и богобоязненный ребенок, который мальчиком поступил в монастырь и теперь является его настоятелем, чем мы все гордимся.

Петронилле самой следовало стать священником, будь она мужчиной, но зато, словно компенсируя этот дефект, тетка вырастила монахом аббатства сына Годвина, как и дед-суконщик, посвятив ребенка Богу. Керис всегда жалела старшего двоюродного брата, что у него такая мать.

Тетка заметила красный плащ:

– Чье это? Это же самое дорогое итальянское сукно!

– Я купил Розе.

Сестра пристально посмотрела на брата. Керис готова была поклясться: она думает, что глупо покупать такой плащ женщине, которая уже год не выходит из дома. Но тетка лишь сказала:

– Ты очень добр к ней. – Что могло быть и похвалой, и упреком.

Отец и бровью не повел.

– Поднимись к ней, – попросил он. – Ты взбодришь ее.

Керис как раз в этом сомневалась, но Петронилла, не смутившись, отправилась наверх. С улицы вошла одиннадцатилетняя дочь Эдмунда Алиса, уставилась на Гвенду и спросила:

– Это кто?

– Моя новая подруга Гвенда. Возьмет щенка.

– Но она выбрала моего! – вспыхнула Алиса.

Об этом младшая услышала впервые и возмутилась:

– Ты еще вообще никого не выбрала. Говоришь это просто из вредности.

– А почему это она берет нашего щенка?

Вмешался отец:

– Ну-ну. У нас больше щенков, чем нужно.

– Керис могла бы сначала спросить меня!

– Да, могла бы, – кивнул отец, прекрасно зная, что Алиса вредничает. – Не делай больше так, Керис.

– Хорошо, папа.

С кухни вышла кухарка с кувшинами и кружками. Научившись говорить, младшая дочь стала называть кухарку Татти, никто не знал почему, но прозвище закрепилось. Отец поблагодарил:

– Спасибо, Татти. Садитесь за стол, девочки.

Гостья мялась, не понимая, пригласили ее или нет, но Керис кивнула: обычно отец приглашал к столу всех, кто находился в доме. Татти долила отцу эля, затем разбавила его водой для детей. Гвенда залпом выпила кружку, и Керис поняла, что подруга не часто пьет эль: бедняки довольствовались сидром из диких яблок. Затем кухарка положила перед каждым по толстому куску ржаного хлеба величиной в квадратный фут. Гвенда взяла свой кусок и начала есть. Керис догадалась, что та никогда прежде не обедала за столом.

– Подожди, – мягко сказала она, и девочка положила хлеб на стол.

Татти внесла окорок на доске и блюдо с капустой. Отец взял большой нож и принялся резать окорок, раскладывая куски на хлеб. Гвенда большими глазами смотрела на свою огромную порцию мяса. Керис ложкой положила на мясо капусту. С лестницы торопливо спустилась горничная Илейн.

– Мистрис, кажется, хуже. Мистрис Петронилла говорит, что нужно послать за матерью Сесилией.

– Так беги в аббатство и попроси ее прийти, – отозвался отец.

Горничная заторопилась.

– Ешьте, дети. – Эдмунд наколол на нож кусок горячего окорока, но Керис видела, что обед не доставляет ему удовольствия, – он смотрел куда-то далеко-далеко.

Гвенда съела немного капусты и прошептала:

– Божественная еда.

Керис положила в рот капусту, сваренную с имбирем. Новая подруга из Вигли, наверно, ни разу не пробовала имбирь – его могли позволить себе лишь богатые.

Спустилась Петронилла. Положив окорок на деревянную тарелку, отнесла наверх, но через несколько минут вернулась с нетронутой едой и села за стол, поставив тарелку перед собой, а кухарка принесла ей хлеба.

– Когда я была маленькая, у нас в Кингсбридже ежедневно обедала только одна семья, – начала она. – Кроме постных дней – мой отец был очень набожен. Он первым начал торговать шерстью напрямую с итальянцами. Теперь все это делают. Хотя мой брат Эдмунд – самый главный.

Керис потеряла аппетит, и ей пришлось очень долго жевать, прежде чем удалось проглотить. Наконец пришла мать Сесилия, маленькая, бодрая, успокоительно деловитая, и с нею сестра Юлиана, простая женщина с добрым сердцем. Девочке стало легче, когда она увидела, как обе поднимаются по лестнице: чирикающий воробышек, а за ним вперевалку – курица. Чтобы снять жар, они обмоют маму розовой водой, и запах поднимет ей настроение.

Татти внесла яблоки и сыр. Отец рассеянно очистил яблоко. Когда Керис была маленькая, он всегда давал ей ломтики, а сам съедал шкурку.

Спустилась сестра Юлиана, на ее круглом лице застыло тревожное выражение.

– Настоятельница хочет, чтобы мистрис Розу осмотрел брат Иосиф. – Иосиф считался лучшим врачом монастыря, поскольку учился в Оксфорде. – Я схожу за ним. – Монахиня выбежала на улицу.

Отец отложил очищенное яблоко, так и не дотронувшись до него. Керис спросила:

– Что же будет?

– Не знаю, лютик. Пойдет ли дождь? Сколько мешков шерсти понадобится флорентийцам? Подхватят ли овцы ящур? Родится девочка или мальчик со скрюченной ногой? Никто не знает, так ведь? Это… – Отец отвернулся. – Потому-то так тяжело.

Он протянул дочери яблоко. Керис передала яблоко Гвенде, которая съела его целиком, с сердцевиной и косточками. Через несколько минут пришел брат Иосиф с молодым помощником, в котором Суконщица узнала Савла Белую Голову, которого прозвали так из-за пепельно-белых волос – тех, что остались после монашеского пострижения. Сесилия и Юлиана сошли вниз, освободив место в маленькой комнатке монахам. Настоятельница села за стол, но есть ничего не стала. У нее были мелкие заостренные черты лица: маленький тонкий нос, подвижный взгляд, выступающий подбородок. Монахиня с любопытством посмотрела на Гвенду и спросила:

– Ну и кто эта маленькая девочка, и любит ли она Иисуса и его Святую Матерь?

– Я Гвенда, подруга Керис.

И с беспокойством посмотрела на дочь хозяина, как будто испугавшись, что это прозвучало дерзко. Та спросила:

– Дева Мария поможет моей маме?

Сесилия приподняла брови.

– Какой прямой вопрос. Вижу, ты настоящая дочь Эдмунда.

– Все за нее молятся, но никто не может помочь.

– А знаешь почему?

– Может, помощи никакой и нет, просто у сильных людей все хорошо, а у слабых – нет.

– Ну-ну, не глупи, – осадил дочь Эдмунд. – Всем известно, что Святая Матерь нам помогает.

– Все нормально, – кивнула ему Сесилия. – Дети – особенно смышленые – всегда задают вопросы. Керис, конечно, святые могут помочь, просто одни молитвы действенны, а другие не очень, понимаешь?

Девочка неохотно кивнула. Нет, ее не убедили и не перехитрили.

– Она должна пойти в нашу школу, – задумчиво произнесла Сесилия.

Монахини содержали школу для девочек из знатных и богатых семейств, а монахи – такую же школу для мальчиков. Отец закряхтел.

– Роза научила девочек буквам. А считать Керис умеет не хуже меня – она мне помогает.

– Ребенок узнает больше. Вы же не хотите, чтобы она всю жизнь вам прислуживала?

– Нечего ей зубрить книжки, – вмешалась Петронилла. – Она быстро выйдет замуж. За обеими женихи в очередь выстроятся. Торговцы, да и рыцари не прочь породниться с нами. Но Керис очень своенравна. Нужно смотреть в оба, чтобы она не бросилась на шею какому-нибудь пропащему бездельнику.

Керис обратила внимание, что Петронилла не беспокоилась о послушной Алисе, которая, вероятно, выйдет замуж за того, кого ей подберут. Сесилия возразила:

– А может, Бог хочет, чтобы Керис послужила ему.

– Двое из нашей семьи стали монахами – мой брат и племянник. Думаю, этого достаточно, – проворчал отец.

Настоятельница посмотрела на девочку и спросила:

– А ты что думаешь? Кем ты хочешь стать – торговкой шерстью, женой рыцаря или монахиней?

Мысль о монашестве приводила Суконщицу в ужас. Целый день выполнять чьи-то приказы. Это все равно что остаться на всю жизнь ребенком, имея матерью Петрониллу. Быть женой рыцаря или кого-нибудь еще – почти так же скверно, потому что жены должны подчиняться мужьям. Помогать отцу, а потом, когда он станет слишком старым, может быть, перенять его дело – лучше всего, но и это ее не прельщало.

– Я ничего такого не хочу.

– А чего же?

Она никому еще не говорила о том, чего хотела, и сама до конца этого не осознавала, но желание вдруг оформилось, и Керис ясно поняла, что это ее судьба.

– Я буду врачом.

Наступила тишина, затем все рассмеялись. Девочка вспыхнула, не понимая, что в этом смешного. Отец пожалел дочь:

– Врачами могут быть только мужчины. Разве ты не знала этого, лютик?

Младшая дочь Эдмунда смутилась и повернулась к Сесилии:

– А вы?

– Я не врач, – ответила та. – Монахини, конечно, помогают больным, но лишь слушаются ученых мужей. Братья учились, они знают все о соках организма, о нарушении их баланса во время болезни, знают, как его восстановить, чтобы человек поправился, знают, из какой вены пустить кровь при головной боли, проказе или одышке, где сделать надрез или прижигание, когда поставить компресс или рекомендовать ванну.

– А разве женщина не может научиться таким вещам?

– Наверное, может, но Бог распорядился иначе.

Керис приходила в отчаяние, когда взрослые, не зная, что ответить, прятались за эти слова. Не успела она возразить, как спустился брат Савл с тазом крови и прошел через кухню на задний двор. Керис вдруг стало нехорошо. Она слышала, что все врачи в лечебных целях пускают кровь, но все-таки не могла видеть, как из мамы выливают в таз жизнь, чтобы потом выбросить. Монах вернулся к больной и через несколько минут вместе с Иосифом снова спустился.

– Я сделал все, что мог, – медленно произнес Иосиф. – Она исповедала свои грехи.

Исповедала грехи! Керис хорошо знала, что это означает, и заплакала. Отец вытащил из кошелька шесть серебряных пенни и дал монаху.

– Спасибо, брат. – Голос его был хриплым.

Когда Иосиф с Савлом ушли, монахини вновь поднялись наверх. Алиса села к отцу на колени и спрятала лицо у него на плече. Керис заплакала, прижимая к себе Скрэп. Петронилла велела Татти убрать со стола. Гвенда смотрела на все широко открытыми глазами. Все молча сидели за столом и ждали.

4

Брат Годвин был голоден. На обед он съел несколько ломтиков печеной репы с соленой рыбой, и ему не хватило. Монахам на стол почти всегда ставили соленую рыбу и слабый эль,

даже не в постные дни. Конечно, не всем братьям: аббат Антоний питался куда лучше. А сегодня у него особый обед, так как он ждет мать-настоятельницу Сесилию. Сестры, которые, кажется, всегда имели денег больше, чем братья, раз в несколько дней забивали свинью или овцу и обмывали тушу гасконским вином.

Годвин обязан был прислуживать за столом – нелегкая задача, когда у тебя урчит в животе. Он поговорил с монастырским поваром, проверил жирного гуся в печи и кастрюлю с яблочным соусом, стоявшую на огне. Попросил у келаря кувшин сидра из бочки и взял из пекарни один ржаной хлеб – кража, так как по воскресеньям ничего не пекли. Затем достал из запертого буфета серебряные тарелки и кубки и поставил на стол в зале дома аббата.

Настоятель обедал с настоятельницей раз в месяц. Мужской и женский монастыри существовали отдельно, каждый имел собственную территорию и источники доходов. И настоятель, и настоятельница подчинялись епископу Кингсбриджа и совместно пользовались собором и некоторыми другими строениями, включая госпиталь, где братья исполняли обязанности врачей, а сестры – сиделок. Так что темы для разговоров у них находились: соборные службы, гости и больные госпиталя, события в городе… Антоний часто пытался переложить на Сесилию расходы, которые, строго говоря, следовало делить пополам: стеклянные окна в здании капитула, кровати для госпиталя, покраска собора, – и та всегда соглашалась.

Однако сегодня скорее всего будут говорить о политике. Вчера Антоний вернулся из Глостера, куда ездил на две недели хоронить короля Эдуарда II, потерявшего в январе трон, а в сентябре – жизнь. Матери Сесилии хотелось узнать все сплетни, причем сделав вид, что она выше этого.

Годвин же хотел поговорить с настоятелем о своем будущем. Он караулил момент с самого возвращения аббата и уже отрепетировал речь, но ему пока не представилась возможность ее произнести. Надеялся, что сможет поднять нужный ему вопрос сегодня после обеда.

Антоний вошел в зал в тот момент, когда Годвин ставил на буфет сыр и чашу с грушами. Аббат казался постаревшим Годвином. Оба высокие, с правильными чертами лица, светло-каштановыми волосами и – как все родственники – с зеленоватыми глазами, в которых поблескивали золотые пятнышки. Антоний встал у камина – в комнате было холодно, в старом доме все время сквозило. Годвин налил дяде кружку сидра. Аббат сделал несколько глотков.

– Отец-настоятель, у меня сегодня день рождения, – произнес монах. – Мне исполнился двадцать один год.

– Верно. Я очень хорошо помню, как ты родился. Мне было четырнадцать лет. Производя тебя на свет, Петронилла визжала как кабан, которому в кишки попала стрела. – Антоний поднял кубок за здравие Годвина и ласково на него посмотрел. – А теперь ты уже мужчина.

Тот решил, что подходящий момент настал.

– Я провел в аббатстве десять лет.

– Неужели уже так много?

– Да, сначала в школе, потом послушником и вот монахом.

– Боже мой.

– Надеюсь, я не опозорил свою мать и вас.

– Мы оба очень гордимся тобой.

– Благодарю вас. – Годвин сглотнул. – А теперь мне хотелось бы поехать в Оксфорд.

Оксфорд уже давно являлся центром наук – богословия, медицины, права. Священники и монахи ехали туда получать знания и обучаться искусству ведения диспутов с преподавателями и друг с другом. В прошлом столетии ученые объединились в университет, и король

пожаловал ему право принимать экзамены и присваивать ученые степени. Кингсбриджское аббатство имело в Оксфорде свою обитель – Кингсбриджский колледж, где могли вести монашескую жизнь и одновременно учиться восемь человек.

– В Оксфорд! – повторил Антоний, и на его лице проступило беспокойство, даже отвращение. – Зачем?

– Учиться. Ведь от монахов ждут именно этого.

– Я ни разу в жизни не был в Оксфорде и, как видишь, стал настоятелем.

Это, конечно, так, но Антоний проигрывал по сравнению с другими братьями. Некоторые монастырские должности, например ризничего, казначея, получали выпускники университета, они же становились врачами. Бывшие студенты быстрее соображали и поднаторели в диспутах, и аббат иногда выглядел на их фоне не лучшим образом, особенно на заседаниях капитула. Годвин стремился научиться мыслить по принципам несокрушимой логики, приобрести ту же уверенность и превосходство, которые наблюдал в оксфордцах, и не хотел становиться таким, как дядя. Но сказать этого не мог.

– Я хочу учиться.

– Зачем учиться ереси? – презрительно спросил Антоний. – Оксфордские студенты подвергают сомнению само церковное учение!

– Чтобы лучше его понять.

– Бессмысленно и опасно.

Годвин задумался, зачем аббат делает из мухи слона. Настоятель никогда не выражал беспокойства по поводу ереси, да и сам соискатель никоим образом не собирался подвергать сомнению принятую доктрину.

– Думал, вы с матерью имеете на меня виды, – нахмурился он. – Разве вы не хотите, чтобы я нес достойное послушание, а когда-нибудь, может статься, удостоился чести быть и настоятелем?

– Возможно. Но для этого тебе вовсе не обязательно уезжать из Кингсбриджа.

«Ты просто не хочешь, чтобы я слишком быстро вырос и обскакал тебя, а кроме того, вышел из-под влияния», – внезапно осенило Годвина. И как это он раньше не подумал о возможных препятствиях?

– Но я не собираюсь изучать богословие.

– Что же тогда?

– Медицину. Ведь у нас госпиталь.

Антоний надул губы. Молодой монах нередко замечал такое же выражение лица у матери.

– Монастырь не сможет за тебя заплатить, – вздохнул дядя. – Ты понимаешь, что одна книга, бывает, стоит целых четырнадцать шиллингов?

И о деньгах Годвин не подумал заранее. Он знал, что студенты могут брать книги на время, причем даже не целиком, а только нужные страницы, но это не главное.

– А нынешние наши студенты? – спросил он. – Кто платит за них?

– Двоим помогают семьи, одному – сестры. Мы платим за троих, но это предел. Если хочешь знать, два места в колледже пустуют из-за отсутствия средств.

Годвин знал, что у аббатства материальные затруднения. Но с другой стороны, оно имеет тысячи акров земли, мельницы, рыбные садки, леса, получает немалые доходы с кингсбриджского рынка. Молодой монах не мог поверить, что дядя откажет ему в деньгах на учебу. Возникло чувство, будто его предали. Антоний, наставник и родственник, всегда выделял его среди остальных монахов, а сейчас делал все, чтобы помешать племяннику.

– Врачи приносят монастырю деньги, – заспорил честолюбец. – Если не обучать молодых, то, когда старики умрут, аббатство может обеднеть.

– Господь все устроит.

Антоний часто спасался этими доводящими до бешенства словами, в которые сам не верил. Несколько лет назад сократились доходы аббатства от ежегодной шерстяной ярмарки. Горожане просили Антония дать денег на ее благоустройство – палатки, отхожие места, павильон для заключения сделок, – но настоятель постоянно отказывал, ссылаясь на бедность. А когда родной брат Эдмунд предупредил, что ярмарка может захиреть, ответил: «Господь все устроит».

– Ладно, тогда, может, Господь даст денег, чтобы я поехал в Оксфорд.

– Может, и даст.

Годвину было очень обидно. Он так хотел уехать из родного города, подышать другим воздухом. В Кингсбриджском колледже придется подчиняться все той же монастырской дисциплине, но все-таки он будет подальше от дяди и матери, а эта перспектива весьма заманчива. Монах решил не сдаваться:

– Мама очень огорчится, если я не поеду.

Антоний смутился. Он не хотел навлекать на себя гнев грозной сестры.

– Тогда пусть молится, чтобы нашлись деньги.

– Может, мне удастся их найти.

– И как же ты намерен искать средства?

Молодой человек судорожно подыскивал ответ, и вдруг его озарило.

– Я могу взять пример с вас и попросить мать Сесилию.

Вполне реальная возможность. Годвин не любил Сесилию, робея перед ней так же, как перед Петрониллой, однако на настоятельницу сильно действовали его любезность и обаяние. Может, удастся убедить ее дать деньги на обучение подающего надежды молодого монаха. Антоний растерялся. Годвин видел, как дядя ищет повод отказать. Но аббат уже заявил, что все упирается в деньги, и теперь ему сложно взять свои слова назад.

Пока глава братии раздумывал, что ответить, вошла Сесилия. На ней был тяжелый плащ из добротного сукна, ее единственная роскошь – настоятельница всегда мерзла. Поздоровавшись с аббатом, заметила Годвину:

– Твоей тетке Розе очень плохо. – У монахини был мелодичный ясный голос. – Она может не дожить до утра.

– Да пребудет с ней Господь. – Годвина кольнула жалость. В семье, где все только и делали, что командовали, Роза единственная слушалась. Этот цветок казался тем более хрупким, что его окружали колючки ежевики. – Какой удар. Что будет с моими двоюродными сестрами, Алисой и Керис!

– По счастью, у них есть твоя мать, она их утешит.

– Конечно. – Умение утешать не самая сильная сторона Петрониллы, подумал Годвин. Куда лучше она умеет подпереть человека, чтобы он не рухнул на спину. Но молодой монах не поправил Сесилию, а вместо этого налил ей бокал сидра. – Вам не холодно, мать-настоятельница?

– Прохладно, – без обиняков ответила та.

– Я подкину дров.

– Мой племянник Годвин так внимателен, поскольку хочет попросить у вас денег на Оксфорд, – съязвил Антоний.

Годвин в бешенстве посмотрел на родственника. Он уже приготовил осторожную речь и опять выжидал момент, а дядя ляпнул как нельзя грубее.

– Вряд ли мы сможем оплатить учебу еще двоим, – ответила Сесилия.

Теперь настала очередь удивиться Антонию:

– Кто-то еще просил у вас денег на Оксфорд?

– Наверно, мне не стоит говорить. Не хочу, чтобы у кого-то возникли неприятности.

– Это не будет иметь никаких последствий, – снисходительно заметил Антоний, затем одумался и добавил: – Мы всегда признательны за вашу щедрость.

Годвин добавил дров в камин и вышел. Дом настоятеля стоял к северу от собора, крытая аркада и остальные строения аббатства – к югу. Шагая по лужайке к монастырской кухне, молодой монах не мог унять дрожь. Он предполагал, что аббат может не сразу согласиться на его отъезд в Оксфорд под предлогом того, что надо посмотреть, подрасти, подождать, пока кто-нибудь из нынешних студентов не получит степень… Антоний вилял всегда – такой уж человек. Но, являясь его подопечным, Годвин в конечном счете был уверен в дядиной поддержке. Открытое сопротивление потрясло молодого человека.

Интересно, кто еще просил настоятельницу? Из двадцати шести монахов шестеро были ровесниками Годвина – скорее всего один из них. На кухне помощник келаря Теодорик выполнял поручения повара. Может, он претендует на деньги Сесилии? Честолюбец смотрел, как Теодорик выкладывает гуся на большую деревянную тарелку, где уже стояла миска с яблочным соусом. У парня светлая голова. Это соперник. Годвин понес обед в дом настоятеля, испытывая тревожное чувство. Он не знал, что делать, если Сесилия решит помочь Теодорику. Плана отступления просто не было.

В будущем Годвин хотел стать аббатом Кингсбриджа. Он не сомневался, что более Антония достоин этого сана. А хороший настоятель может подняться и выше: до епископа, архиепископа, а то и королевского советника. Годвин лишь смутно представлял, что делать с такой властью, но чувствовал свое высокое предназначение. Однако к этим высотам вели всего две дороги: аристократическое происхождение и образование. Годвин родился в семье торговцев шерстью; его единственной надеждой оставался университет. А для этого ему нужны деньги Сесилии. Монах поставил обед на стол.

– Но отчего умер король? – спрашивала Сесилия.

– Удар, – ответил Антоний.

Годвин надрезал гуся.

– Могу я положить вам немного грудки, мать-настоятельница?

– Да, пожалуйста. Удар? – недоверчиво переспросила она. – Вы говорите так, словно король был дряхлым стариком. Ему исполнилось всего сорок три года!

– Так говорят его тюремщики.

Когда короля свергли с престола, он томился в заключении в замке Беркли в нескольких днях пути от Кингсбриджа.

– Ах да, тюремщики, – повторила Сесилия. – Люди Мортимера.

Аббатиса не любила Роджера Мортимера, графа Марча. Он не только поднял мятеж против Эдуарда II, но и соблазнил жену короля Изабеллу. Настоятель и настоятельница приступили к обеду. Годвин надеялся, что ему что-нибудь останется.

– Вы говорите так, словно что-то подозреваете, – произнес Антоний.

– Ну что вы! Правда, кое-кто подозревает. Ходят слухи…

– Что его убили? Знаю. Но я видел обнаженное тело. Никаких следов насилия.

Годвин знал, что нельзя встревать в разговор, но не удержался:

– По слухам, когда король умирал, его предсмертные крики слышала вся деревня Беркли.

Аббат посерьезнел.

– Когда умирает король, всегда ходят слухи.

– Король не просто умер, – возразила Сесилия. – Сначала его свергнул парламент. Такого еще не случалось.

Антоний понизил голос:

– На то были серьезные причины. Гнусный грех.

Это звучало загадочно, но Годвин знал, что имеется в виду. У Эдуарда были фавориты – молодые люди, к которым он, как утверждали, питал противоестественную привязанность. Один из них, Питер Гавестон, добился такой власти, получил такие привилегии, что вызвал зависть и недовольство баронов, и в конце концов его казнили за измену. Но ему на смену пришли другие. Неудивительно, говорили люди, что королева завела любовника.

– Я в это не верю, – мотнула головой Сесилия, страстная роялистка. – Может, разбойники в лесах и предаются этим порокам, но особа королевской крови не может пасть так низко. А есть еще гусь?

– Да, – ответил Годвин, пряча досаду.

Он срезал последний кусок мяса и положил настоятельнице. Антоний продолжил:

– Во всяком случае, новому королю ничто не угрожает.

Сын Эдуарда II и Изабеллы был коронован под именем Эдуарда III.

– Ему четырнадцать лет, его посадил на трон Мортимер, – возразила монахиня. – Кто же станет истинным правителем?

– Стало спокойнее, дворянство довольно.

– Особенно дружки Мортимера.

– Вы хотите сказать, и граф Роланд Ширинг?

– Он сегодня выглядел очень бодрым.

– Но ведь граф не…

– …связан как-то с «ударом» короля? Разумеется, нет. – Настоятельница доела мясо. – Об этом опасно говорить, даже с друзьями.

– Воистину так.

В дверь постучали, и вошел Савл Белая Голова. Еще один ровесник Годвина. Может, это и есть соперник? Умный, способный плюс одно большое преимущество – дальнее родство с графом Ширингом. Но Годвин сомневался, что Белая Голова хочет в Оксфорд. Савл набожен и робок, из тех, кому смирение не вменяется в добродетель, поскольку оно для них естественно. Но все возможно.

– В госпиталь прибыл раненый рыцарь, – доложил Савл.

– Интересно, – отозвался Антоний, – но вряд ли настолько важно, чтобы позволять себе врываться в зал, где обедают настоятель и настоятельница.

Монах испугался.

– Прошу меня простить, отец-настоятель, – пробормотал он. – Но возникли разногласия относительно того, как его лечить.

– Ладно, гусь все равно кончился, – вздохнул аббат и встал.

Сесилия пошла с ним, следом двинулись Годвин и Савл. Они прошли по северному рукаву трансепта[2], затем по крытой аркаде и очутились в госпитале. Раненый рыцарь лежал на ближайшей к алтарю кровати, как ему и полагалось по положению. Антоний невольно издал возглас изумления, и на секунду в глазах его промелькнул страх, но он быстро взял себя в руки, и лицо приняло прежнее бесстрастное выражение. Однако от Сесилии это не укрылось.

– Вы его знаете?

– Кажется, это сэр Томас Лэнгли, один из людей графа Монмаута.

Бледного, изможденного красавца, широкоплечего, длинноногого, раздели по пояс; на торсе виднелись старые шрамы.

– На него напали на дороге, – объяснил Савл. – Ему удалось отбиться, но затем пришлось идти больше мили в город. Он потерял много крови.

[2] Трансепт – поперечный неф.

Левое предплечье рыцаря было вспорото от локтя до кисти – судя по всему, острым мечом. Стоявший возле раненого старший врач монастыря, тридцатилетний брат Иосиф, невысокий человек с большим носом и плохими зубами, сказал:

– Рану следует оставить открытой и обработать мазью, чтобы появился гной. Тогда скверные соки выйдут и рана заживет изнутри.

Антоний кивнул.

– И в чем же дело?

– Мэтью Цирюльник придерживается другого мнения.

Мэтью, низенький, худой, с ярко-голубыми глазами, очень серьезный, был городским хирургом-цирюльником. До сих пор он почтительно держался позади, но теперь вышел вперед с кожаным чемоданчиком, в котором хранил дорогостоящие острые ножи. Антоний, не высоко ценивший Мэтью, спросил у Иосифа:

– Что этот здесь делает?

– Они знакомы, рыцарь послал за ним.

Антоний обратился к Томасу:

– Если хотите, чтобы вас лечил мясник, почему пришли в госпиталь аббатства?

На белом лице рыцаря мелькнуло подобие улыбки, но сил ответить, судя по всему, не было. Мэтью, очевидно, не испугала презрительная реплика Антония, и он уверенно сказал:

– На полях сражений я видел много подобных ран, отец-настоятель. Лучшее лечение самое простое: промыть рану теплым вином, затем туго перевязать.

Он только на первый взгляд казался почтительным.

– Интересно, а у наших двух молодых монахов есть мнение по этому вопросу? – спросила мать Сесилия.

Антоний нетерпеливо повел плечами, но Годвин понял ее намерения. Это экзамен. Наверно, все-таки его соперник в борьбе за деньги – Савл. Но ответ лежал на поверхности, и он ответил первым:

– Брат Иосиф изучал древних и, несомненно, знает больше. Я думаю, Мэтью даже не умеет читать.

– Умею, брат Годвин, – возмутился тот. – И у меня есть книга.

Антоний рассмеялся. Цирюльник с книгой – все равно что лошадь в шляпе.

– И что же за книга?

– «Канон» Авиценны, великого мусульманского врача. Перевод с арабского на латынь. Я ее прочел всю, медленно.

– И ваше средство предлагает Авиценна?

– Нет, но…

– Так чего же вы хотите?

– Я очень многому научился во время военных походов, когда лечил раненых, даже больше, чем из книги, – упорствовал Мэтью.

– Савл, а ты что думаешь? – спросила мать Сесилия.

Годвин был уверен, что Белая Голова даст такой же ответ и спор будет исчерпан. Тот нервничал, робел, но все же произнес:

– Может быть, цирюльник и прав. – Годвин обрадовался: Савл встал не на ту сторону. – Метод брата Иосифа, возможно, больше годится для травм, возникающих в результате защемлений или ударов. Такое случается у нас на строительстве… Тогда кожа и мышцы вокруг раны повреждены, и если преждевременно ее закрыть, дурные соки могут остаться в организме. А это чистый разрез, и чем скорее закроется, тем скорее наступит выздоровление.

– Глупости, – бросил аббат. – Как же городской цирюльник может быть прав, а ученый монах – нет?

Годвин подавил торжество. Дверь распахнулась, и вошел молодой человек в облачении священника. Годвин узнал Ричарда Ширинга, младшего сына графа Роланда. Он небрежно, почти невежливо кивнул настоятелю, настоятельнице, подошел прямо к кровати и обратился к рыцарю:

– Что, черт подери, произошло?

Лэнгли с трудом поднял руку, давая понять, чтобы Ширинг наклонился, и зашептал ему в ухо. Отец Ричард потрясенно отпрянул:

– Не может быть!

Томас вновь попросил его нагнуться и снова что-то зашептал. И опять Ричард вскинулся и спросил:

– Но зачем?

Раненый молчал. Ричард поджал губы:

– Это не в наших силах.

Томас кивнул в подтверждение этих слов.

– Вы не оставляете нам выбора.

Рыцарь слабо покачал головой из стороны в сторону. Ширинг обратился к аббату Антонию:

– Сэр Томас желает стать монахом этого аббатства.

Наступило недоуменное молчание. Сесилия оправилась первая:

– Но он убивал!

– Да ладно вам, это прекрасно известно, – нетерпеливо отмахнулся Ричард. – Бывает, что воины оставляют поле брани ради молитвы о прощении грехов.

– Может быть, в старости, – пожала плечами Сесилия. – Но ему нет и двадцати пяти. Он чего-то боится. – Мать-настоятельница твердо посмотрела на Ширинга. – Его жизни что-то угрожает?

– Умерьте свое любопытство, – грубо ответил Ричард. – Томас хочет стать монахом, а не монахиней, это не ваша епархия. – Неслыханная дерзость по отношению к настоятельнице, но графский сын мог себе это позволить. Ширинг повернулся к Антонию: – Дайте разрешение.

– Аббатство бедствует, и принимать еще монахов… Вот если бы был внесен дар, который покроет расходы…

– Не волнуйтесь.

– Он должен соответствовать нуждам…

– Не волнуйтесь!

– Прекрасно.

Сесилия настороженно спросила у Антония:

– Вы знаете об этом человеке что-то такое, чего не говорите мне?

– Не вижу причины ему отказывать.

– Почему вы решили, что он искренне раскаивается?

Все посмотрели на Томаса. Тот закрыл глаза. Антоний вздохнул:

– Он докажет свою искренность, став послушником, как и все прочие.

Сесилия не скрывала недовольства, но, поскольку глава братии не просил у нее денег, ничего не могла поделать.

– Наверно, пора обработать рану, – заметила она.

– Он отказывается от услуг брата Иосифа, поэтому мы и пригласили отца-настоятеля, – объяснил Савл.

Антоний наклонился к раненому и громко, словно обращался к глухому, проговорил:

– Вы должны согласиться на лечение, предписанное братом Иосифом. Он знает лучше. – Рыцарь, судя по всему, потерял сознание. Антоний повернулся к Иосифу: – Он не возражает.

Мэтью Цирюльник воскликнул:

– Человек может потерять руку!

– Вам лучше уйти, – бросил ему Антоний. Рассерженный Мэтью вышел. Аббат обратился к Ричарду: – Вы не зайдете ко мне на бокал сидра?

– Спасибо.

Уходя, аббат велел Годвину:

– Останься, помоги матери-настоятельнице. Зайди ко мне перед вечерней сообщить, как дела у рыцаря.

Обычно Антоний не беспокоился о больных. Несомненно, к Томасу Лэнгли он испытывал особый интерес. Годвин смотрел, как брат Иосиф накладывает мазь на руку рыцарю, так и не пришедшему в сознание. Молодой человек надеялся, что заручился поддержкой Сесилии, дав правильный ответ на медицинский вопрос, но ему очень хотелось получить ясный ответ. Когда брат Иосиф закончил и аббатиса обмывала Томасу руку розовой водой, он поинтересовался:

– Я рассчитываю, вы согласитесь на мою просьбу.

Настоятельница жестко на него посмотрела.

– Могу тебе сообщить, что решила дать деньги Савлу.

Годвин был потрясен.

– Но я же ответил правильно!

– Вот как?

– Вы что, согласны с цирюльником?

Монахиня подняла брови:

– Не собираюсь отвечать на твои вопросы, брат Годвин.

– Простите, – тут же поправился он. – Я, должно быть, не понимаю.

– Вижу.

Если уж настоятельница стала говорить загадками, нет смысла ее расспрашивать. Годвин отвернулся, дрожа от недоумения и обиды. Она дает деньги Савлу! Может, потому что он родственник графа? Да нет, вряд ли, аббатиса довольно независима. Наверно, чашу весов перевесила показная набожность Савла. Но Белая Голова никогда никого за собой не поведет. Выброшенные деньги. Годвин думал, как лучше сообщить новость матери. Родительница придет в бешенство, но кто у нее окажется виноват? Антоний? Он сам? Знакомый страх сковал его, когда неудавшийся студент представил себе гнев Петрониллы. И в этот момент она вошла в госпиталь через дальнюю дверь – высокая женщина с широкой грудью. Мать перехватила взгляд сына и остановилась у входа. Он шел к ней медленно, обдумывая слова.

– Тетка Роза умирает.

– Да благословит Господь ее душу. Мать Сесилия говорила мне.

– Ты так переживаешь? Тебе же было известно, как она плоха.

– Это не из-за тетушки Розы. У меня плохие новости. – Годвин сглотнул. – Я не еду в Оксфорд. Дядя Антоний не хочет платить за учебу, и мать Сесилия тоже мне отказала.

К его огромному облегчению, родительница не расшумелась, хотя губы ее искривились в мрачной усмешке.

– И почему же?

– У него нет денег, а она посылает Савла.

– Белую Голову? Из него ничего путного не выйдет.

– Ну, по меньшей мере этот всезнайка собирается стать врачом.

Петронилла заглянула сыну в глаза, и он вздрогнул.

– Полагаю, ты завалил все дело. Тебе следовало прежде поговорить со мной.

Годвин испугался, что теперь мать не свернет с этой темы.

– Почему это я все завалил? – запротестовал он.

– Сначала мне нужно было поговорить с Антонием. Я бы сумела его расположить.

– Все равно отказал бы.

– А прежде чем говорить с Сесилией, нужно было узнать, есть ли еще желающие. Тогда до разговора с ней ты мог бы копнуть под Савла.

– Но как?

– Должны же у него быть недостатки. Узнал бы какие и обратил на них внимание Сесилии. А уже потом, когда у нее открылись бы глаза, подошел к ней сам.

Годвин понял, как это правильно.

– Я не думал об этом, – признался он, опустив голову.

Подавляя раздражение, Петронилла продолжила:

– Нужно готовиться к таким вещам, как графы готовятся к сражениям.

– Теперь-то я понимаю, – буркнул он, пряча глаза. – Я никогда больше не сделаю подобной ошибки.

– Надеюсь.

– Что мне делать?

– Я не собираюсь сдаваться. – На ее лице появилась знакомая решимость. – Достану деньги.

У Годвина вспыхнула надежда, но он не мог себе представить, как мать сможет выполнить это обещание.

– Но где?

– Продам дом и перееду к Эдмунду.

– А он согласится?

Суконщик был добрым человеком, но иногда брат с сестрой ругались.

– Думаю, да. Он скоро станет вдовцом, ему понадобится хозяйка. Не то чтобы Роза очень хорошо справлялась с этой ролью.

Годвин покачал головой:

– Но все-таки тебе нужны деньги.

– Зачем? Эдмунд предоставит кров и стол, а много ли мне надо? За это я буду держать в узде его слуг и воспитывать дочерей. А тебе перейдут деньги, унаследованные мной от твоего отца.

Мать не дрогнула, но Годвин заметил горькие складки вокруг губ. Молодой человек понимал, какую жертву она приносит. Петронилла так гордилась своей независимостью. Одна из самых заметных женщин в городе, дочь богача и сестра первого торговца шерстью очень ценила свое положение, любила приглашать на обед знатных горожан Кингсбриджа, угощала их лучшим вином. А теперь ей придется переехать к брату на правах бедной родственницы, чуть не служанки, зависимой от него во всем. Полный крах.

– Слишком большая жертва. Ты не сделаешь этого.

Ее лицо окаменело, она повела плечами, как будто готовясь принять на них тяжелый груз.

– Почему же? Сделаю.

5

Гвенда все рассказала отцу. Она поклялась кровью Иисуса, что сохранит тайну, так что теперь ей придется отправиться в ад, но отца девочка боялась больше, чем ада. Родитель

начал расспрашивать, откуда взялся Скип, и дочь вынуждена была объяснить, как погиб Хоп, и в конечном счете рассказала все. Как ни странно, ее не выпороли. Отец даже повеселел и заставил отвести на ту поляну. Выйти на нужное место оказалось нелегко, но в конце концов они нашли тела двух воинов в желто-зеленых ливреях.

Сначала отец развязал их кошельки, где оказалось около тридцати пенни, но еще больше обрадовался мечам, которые стоили намного дороже. Он принялся раздевать мертвецов, с трудом управляясь одной рукой, и Гвенде пришлось помочь. Было так странно дотрагиваться до нескладных и тяжелых безжизненных тел. Отец заставил ее снять с мертвецов одежду, даже грязные штаны-чулки и подштанники. Завернул оружие в одежду, будто это мешок с тряпьем, и они с Гвендой отволокли голые тела обратно в кусты.

Обратно отец шел в прекрасном расположении духа. По дороге зашли в большую, правда, грязную таверну «Белая лошадь», что стояла на улице Слотерхаус-дич возле реки, где отец купил дочери кружку эля, а сам исчез в задней части дома вместе с хозяином, которого называл «друг Дэви». Уже второй раз за этот день Гвенда пила эль. Через несколько минут отец вернулся без тюка.

Выйдя на главную улицу, у постоялого двора «Колокол» возле ворот аббатства они нашли маму с младенцем и Филемоном. Отец весело подмигнул жене и передал ей целую пригоршню монет, чтобы та спрятала их в детском одеяльце.

Дело было к вечеру, и почти все посетители разъехались по домам, но до Вигли сегодня уже не добраться, так что им придется заночевать на постоялом дворе. Как все время повторял отец, теперь они могут себе это позволить, хотя мать нервно твердила:

– Не нужно, чтобы видели, что у тебя есть деньги!

Гвенда устала. Она рано встала и много прошла. Легла на скамью и быстро заснула, но скоро ее разбудил громкий стук в дверь. Гвенда испуганно вскочила и увидела двух вооруженных мужчин. Сначала девочка приняла их за призраков убитых и пришла в ужас, но затем поняла, что это другие люди, хотя и в таких же ливреях – желто-зеленых. Воин помоложе держал в руках знакомый тюк с тряпьем. Тот, что постарше, обратился прямо к отцу:

– Ты Джоби из Вигли?

В голосе мужчины слышалась неприкрытая угроза. Он не кричал, просто говорил твердо, но у Гвенды создалось впечатление, будто этот человек готов на все, чтобы добиться своего.

– Нет, – по привычке соврал отец. – Вы ошибаетесь.

Второй воин, словно не расслышав ответа, положил тюк на стол и развязал. В желто-зеленые ливреи были замотаны два меча и два кинжала. Человек посмотрел на отца и спросил:

– Откуда это?

– Впервые вижу, клянусь Крестом.

Глупо запираться, со страхом подумала Гвенда; служаки вытащат из него правду – точно так же, как он вытащил из нее. Старший буркнул:

– Дэви, владелец «Белой лошади», говорит, что купил это у Джоби из Вигли.

Он говорил уже более сердито, и все, кто был в таверне, встали с мест и торопливо ушли; остались только Гвенда, мать и братья.

– Джоби только что ушел, – с отчаяния брякнул отец.

Ливрейный кивнул:

– С женой, двумя детьми и младенцем.

– Да.

Дальше все произошло очень быстро. Слуга королевы сильной рукой схватил отца за шиворот и отбросил к стене. Мать закричала, младенец заплакал. Гвенда заметила у двух-

цветного на правой руке пухлую перчатку, обтянутую железной сеткой. Он замахнулся и ударил Джоби в живот.

– Помогите! Убивают! – завопила мать.

Филемон заплакал. Побелев от боли, отец обмяк, но незнакомец припер его к стене, не давая упасть, и еще раз ударил, на сей раз в лицо. Кровь брызнула из носа и рта. Гвенда широко открыла рот, чтобы закричать, но не могла издать ни звука. Девочка считала отца всесильным – хоть он часто хитрил, делая вид, будто слаб или смирен, чтобы расположить людей или отвести их гнев, – и ей страшно было видеть его таким беспомощным. Из дверей, которые вели в заднюю часть дома, показался хозяин, крупный мужчина тридцати с небольшим лет. За ним пряталась маленькая пухленькая девочка.

– Что это значит? – с негодованием спросил трактирщик.

Воин даже не взглянул в его сторону.

– Убирайся, – бросил он через плечо и вновь ударил отца в живот.

Тот захаркал кровью.

– Прекратите, – потребовал хозяин.

Воин спросил:

– Ты кто такой?

– Я Пол Белл, и это мой дом.

– Ну что ж, Пол Белл, тогда займись своими делами, если не хочешь нажить неприятностей.

– Вы, кажется, думаете, будто можете делать что угодно в этих ливреях. – В голосе Пола звучало презрение.

– Именно так.

– А все-таки чья же это ливрея?

– Королевы.

Пол обернулся к дочери:

– Бесси, сбегай за Джоном Констеблем. Если в моей таверне убьют человека, я хочу, чтобы он стал свидетелем.

Девочка исчезла.

– Никого здесь не убьют, – усмехнулся воин. – Джоби передумал. Он решил отвести нас туда, где ограбил двух мертвецов, правда, старина?

Отец не мог говорить, но кивнул. Воин отпустил его, избитый упал на колени, кашляя и плюясь. Ливрейный посмотрел на остальных.

– А ребенок, который видел драку?..

Гвенда закричала:

– Нет!

Мужчина довольно кивнул:

– Судя по всему, эта девчонка, похожая на крысу.

Гвенда бросилась к матери.

– Мария, Матерь Божья, спаси моего ребенка, – вырвалось у той.

Двухцветный схватил Гвенду за руку и грубо оттащил от матери. Девочка заплакала. Воин прикрикнул:

– Заткнись, или тебе достанется, как и твоему мерзкому отцу. – Гвенда стиснула зубы, чтобы не кричать. – Вставай, Джоби. – Желто-зеленый поднял отца на ноги. – Приведи себя в порядок, придется прокатиться.

Второй воин прихватил одежду и оружие. Когда мужчины выходили из таверны, мать громко крикнула:

– Делайте все, что они говорят!

Люди королевы были верхом. Гвенду посадил перед собой старший, а отец сел ко второму. Джоби не переставая стонал, поэтому дорогу показывала Гвенда; теперь она не путалась – ведь проделала ее дважды. Ехали быстро, но все-таки, когда добрались до поляны, уже стемнело. Младший держал Гвенду и отца, а главный вытаскивал тела товарищей из кустов.

– Этот Томас неплохо дерется, если убил и Гарри, и Альфреда, – пробурчал двухцветный, осматривая мертвецов.

Гвенда поняла, что ливрейные ничего не знают о других детях. Она призналась бы, что была не одна и что одного убил Ральф, но от страха не могла говорить.

– Лэнгли почти отрезал Альфреду голову. – Старший повернулся и посмотрел на Гвенду. – А о письме они говорили?

– Не знаю! – с трудом ответила девочка. – Я закрыла глаза, мне было очень страшно; я не слышала, о чем говорили! Это правда, я бы сказала, если бы знала.

– Все равно: даже если они отняли письмо, Лэнгли потом его забрал, – сказал старший товарищу. Воин осмотрел деревья на поляне, как будто письмо могло висеть между жухлых листьев. – Наверно, оно сейчас при нем, в аббатстве, где мы до него не доберемся, – святое место.

Второй заметил:

– По крайней мере теперь сможем рассказать, как было дело, и забрать тела для христианского погребения.

Вдруг отец вырвался из рук державшего его воина и бросился по поляне. Двухцветный ринулся было за ним, но старший остановил:

– Пусти, чего его сейчас убивать?

Гвенда тихонько заплакала.

– А девчонка? – спросил младший.

Гвенда была уверена, что ее сейчас убьют. Сквозь слезы ничего не видела, а из-за рыданий не могла даже попросить пощады. Умрет и попадет в ад. Вот и все.

– Отпусти ее, – махнул рукой старший. – Меня мать родила не для того, чтобы убивать маленьких девочек.

Младший оттолкнул нищенку. Она споткнулась, упала, затем встала, вытерла глаза и побрела прочь.

– Давай беги, – крикнул вслед младший. – Тебе сегодня повезло!

* * *

Керис не могла уснуть. Встала с постели и прошла в мамину комнату. Отец сидел на табурете, неотрывно глядя на неподвижную фигуру в кровати. Глаза больной были закрыты, влажное от пота лицо блестело при свечах, она тяжело дышала. Девочка взяла белую, холодную-холодную руку, пытаясь ее отогреть, и спросила:

– Зачем у нее брали кровь?

– Считается, что болезнь иногда происходит от избытка одного из соков, и ее надеются выгнать вместе с кровью.

– Но лучше не стало.

– Нет, стало хуже.

На глазах у Керис показались слезы.

– Тогда зачем же ты разрешил им это сделать?

– Священники и монахи изучают древних философов. Они знают лучше, чем я.

– Не верю.

– Очень трудно решить, во что верить, лютик.

– Если бы я была врачом, делала бы только то, что помогает.

Эдмунд, не слушая, пристальнее всмотрелся в жену. Сунул руку под одеяло и положил ее на грудь, прямо под сердце. Его большая ладонь образовала на одеяле бугорок. Он слегка поперхнулся, затем прижал руку крепче. Несколько мгновений Суконщик не шевелился, затем закрыл глаза и, не убирая руки, стал заваливаться вперед, пока не очутился на коленях, уперевшись высоким лбом в ногу больной.

Керис поняла, что он плачет. Ничего страшнее девочка в жизни не видела; это куда хуже, чем смотреть в лесу, как убивают людей. Дети могут плакать, женщины могут плакать, могут плакать даже слабые и беспомощные мужчины, но отец не плакал никогда. У нее было такое чувство, что миру пришел конец. Нужно чем-то помочь. Суконщица положила мамину холодную неподвижную руку на одеяло, вернулась к себе и потрясла за плечо спящую Алису.

– Вставай! – Та не двинулась. – Папа плачет.

Сестра села в кровати.

– Не может быть.

– Вставай!

Алиса слезла с кровати. Керис взяла ее за руку, и обе пошли в мамину комнату. Отец стоял, глядя на застывшее лицо на подушке, лицо его было мокрым от слез. Алиса в ужасе уставилась на него. Керис прошептала:

– Я же тебе говорила.

С другой стороны кровати стояла тетка Петронилла. Эдмунд увидел девочек, подошел к ним, обнял и притянул к себе.

– Ваша мама отлетела к ангелам. Молитесь за ее душу.

– Будьте славными девочками, – добавила Петронилла. – Отныне я буду вашей мамой.

Керис утерла слезы и посмотрела на тетку.

– Нет, не будешь.

Часть II
8—14 июня 1337 года

6

В тот год, когда Мерфину исполнился двадцать один, на Троицу Кингсбриджский собор заливали потоки дождя. Крупные капли стучали по шиферной крыше; по водоотводам текли ручьи; в пасти горгулий пенилось и клокотало; с контрфорсов свисали дождевые завесы; вода омывала арки и колонны, обрызгивая статуи святых. Небо, огромный собор и весь город отливали всеми оттенками мокрого серого цвета.

В седьмое воскресенье после Пасхи праздновали снисхождение Святого Духа на учеников Иисуса. Обычно Троица выпадала на май или июнь; в Англии незадолго до этого стригли овец, так что в этот день всегда открывалась Кингсбриджская шерстяная ярмарка.

Мерфин, шлепая по воде через ливневые потоки, пробирался к собору на утреннюю службу. Пришлось набросить капюшон, чтобы не намочить лицо, и пройти по ярмарке. На просторной лужайке к западу от собора сотни торговцев выставили лотки; теперь они торопливо накрывали их промасленной мешковиной или войлоком, чтобы уберечь товар от дождя. Главными на ярмарке были купцы, торговавшие шерстью, – от мелких торговцев, скупавших товар у крестьян, до крупных дельцов, таких как Эдмунд, у которого склады просто ломились. Иногда попадались лотки, где продавали все, что можно купить за деньги: сладкое рейнское вино, шелковую с золотом парчу из Лукки, стеклянные венецианские кубки, имбирь и перец из таких восточных краев, названия которых выговорить могли лишь немногие. И конечно, сновали те, кто предлагал посетителям и торговцам самое необходимое: пекари, пивовары, кондитеры, предсказатели и проститутки.

Когда хлынул дождь, торговцы храбрились, перешучивались, что слегка напоминало карнавал, но погода сказывалась на прибыли. Некоторым деваться некуда. Дождь или солнце, но итальянские и фламандские закупщики не уедут без мягкой английской шерсти, необходимой для безостановочной работы тысяч ткацких станков во Флоренции и Брюгге. Однако розничные покупатели останутся дома: супруга рыцаря решит обойтись без муската и корицы; зажиточный крестьянин проносит плащ еще одну зиму; законник рассудит, что любовнице не так уж и нужен золотой браслет.

Мерфин не собирался ничего покупать. У него не было денег. Будучи подмастерьем, он жил у своего мастера, Элфрика Строителя, столовался с хозяевами, спал на кухонном полу и носил поношенную одежду главы дома, но жалованья не получал. Долгими зимними вечерами вырезал и потом продавал за несколько пенни хитроумные игрушки: шкатулки для драгоценностей с потайными отделениями, петушков, которые высовывали язык, когда их дергали за хвост, – но летом свободного времени не оставалось: ремесленники работали до темноты. Однако ученичеству скоро конец. Меньше чем через полгода, в первый день декабря, он станет полноценным членом Кингсбриджской гильдии плотников. Молодой человек не мог больше ждать.

Высокие западные двери собора открылись для тысячи горожан и приезжих, желавших присутствовать на службе. Мерфин зашел в церковь, отряхивая с одежды дождевые капли. Каменный пол стал скользким от воды и грязи. В погожий день собор освещали яркие лучи солнца, но сейчас царил мрак, витражи потускнели, люди промокли.

Куда девается вода? В соборе нет отверстий для стока. Вода – тысячи галлонов – просто уходит в землю. Может, впитывается в грунт, все глубже и глубже, и наконец новым дождем заливает ад? Вряд ли. Собор построен на склоне. Вода уходит под землю, в холм, с севера

на юг. Каменный фундамент задуман так, чтобы пропускать ее, поскольку скопление воды опасно. Вся она в конечном счете попадает в реку к югу от аббатства. Мерфину даже показалось, что он чувствует подошвами башмаков, как под землей с глухим гулом течет вода, просочившаяся через каменный пол и фундамент. Виляя хвостом, к нему радостно подбежала маленькая черная собачка.

– Привет, Скрэп, – потрепал он ее.

Юноша поднял глаза, высматривая хозяйку, и сердце его на секунду остановилось. Керис надела красный плащ, доставшийся ей от матери. Единственное яркое пятно в полумраке. Мерфин широко улыбнулся от счастья, что видит ее. Трудно объяснить красоту этой девушки. Маленькое круглое лицо с аккуратными правильными чертами, не очень темные каштановые волосы и зеленые глаза с золотыми пятнышками. Давняя подруга не сильно отличалась от остальных девушек Кингсбриджа, но сейчас лихо заломила шапку, в умных глазах светилась насмешка. Девушка смотрела с озорной улыбкой, обещавшей смутные, но мучительные удовольствия. Мерфин знал ее десять лет, но лишь в последние несколько месяцев понял, что любит.

Керис затащила его за колонну и поцеловала. Они целовались где только могли: в церкви, на рыночной площади, на улице, но лучше всего было, когда он приходил к ней домой и молодые люди оставались одни. Мерфин жил ради этих мгновений и мечтал о том, как будет целовать ее, засыпая и просыпаясь.

Заходил к ней два-три раза в неделю. Гостеприимный Эдмунд, в отличие от тетки Петрониллы, любил юношу и часто приглашал на ужин. Тот с радостью соглашался, зная, что стол будет лучше, чем у Элфрика. Потом они с Керис играли в шахматы или шашки, а то и просто болтали. Ему нравилось смотреть на нее: когда она что-нибудь рассказывала или объясняла, ее руки чертили что-то в воздухе, на лице отражалась увлеченность или удивление, будто девушка все проживала заново, – но с особым нетерпением Мерфин ждал, когда удастся сорвать поцелуй.

Он огляделся и, так как никто в их сторону не смотрел, сунул руку под плащ Суконщицы и коснулся мягкого платья, согретого ее телом. Он никогда не видел Керис обнаженной, но хорошо знал ее грудь. В снах юноша заходил дальше, видел себя с возлюбленной где-нибудь на поляне в лесу или в большой спальне какого-нибудь замка, одних, нагишом. Но странно, сны всегда обрывались на секунду раньше, чем они приближались друг к другу. Ничего, думал Мерфин, терпение, терпение.

Оба молчали о женитьбе. Подмастерья не могли жениться, и приходилось ждать. Керис, конечно, думала о том, что они будут делать, когда закончится срок его ученичества, но никогда не поднимала эту тему. А ученик плотника суеверно боялся говорить вслух о совместном будущем. Утверждают, паломникам не следует слишком подробно планировать путь: они, чего доброго, узнают про такие напасти, что вообще решат остаться дома.

Мимо прошла монахиня, и юноша виновато отдернул руку, но та их не заметила. Люди чего только не делали в огромном соборе. В прошлом году Мерфин видел, как возле стены в южном крыле в темноте вечерни совокуплялась пара; правда, их выгнали. Может, получится простоять здесь с Керис всю службу, подумал он. Но та решила иначе:

– Пойдем вперед.

Взяла его за руку и повела через толпу. Подмастерье знал здесь многих, хотя и не всех. Кингсбридж с семитысячным населением являлся крупным городом Англии, и всех не мог знать никто. Молодые люди подошли к месту, где сходились рукава трансепта, и оказались у деревянной ограды алтаря, куда имели право заходить только священнослужители.

Мерфин встал возле важного итальянского купца Буонавентуры Кароли, приземистого человека в богато вышитом плаще из плотного сукна. Буонавентура был родом из Флоренции – как он утверждал, самого большого христианского города, в десять раз больше Кингсбри-

джа, – но теперь жил в Лондоне, ведя дела с английскими суконщиками. У семейства Кароли денег куры не клевали, они давали в долг королям, но Буонавентура держался дружелюбно и просто, хотя говорили, что в делах итальянец беспощаден.

Керис непринужденно кивнула ему – Кароли остановился у них дома. Купец приветливо поздоровался с Мерфином, хотя не мог не понять по возрасту юноши и одежде явно с чужого плеча, что это простой подмастерье. Флорентиец осматривал собор.

– Я впервые попал в Кингсбридж пять лет назад, – начал он светский разговор, – но до сегодняшнего дня не обращал внимания, что окна в рукавах трансепта выше остальных.

Кароли говорил по-французски, иногда вставляя тосканские слова. Мерфин понимал его без труда. Будучи сыном английского рыцаря, он говорил с родителями на нормандском наречии, а с друзьями – по-английски; о значении многих итальянских слов просто догадывался, так как учил латынь в монастырской школе.

– Могу сказать вам почему.

Буонавентура поднял брови, удивившись, что подмастерье обладает такими познаниями.

– Собор построили двести лет назад, когда узкие стрельчатые окна нефа и алтарь были неслыханным новшеством, а сто лет спустя епископ захотел башню повыше, перестроил трансепты и вырезал в них большие окна, как было модно в то время.

Итальянец поразился:

– Откуда тебе это известно?

– В монастырской библиотеке хранится история аббатства, Книга Тимофея, и в ней подробно рассказывается о строительстве собора. Основная часть написана при великом аббате Филиппе, но кое-что добавляли позже. Я читал ее, когда учился в монастырской школе.

С минуту Буонавентура пристально смотрел на Мерфина, как будто стараясь запомнить лицо, затем скупо бросил:

– Красивый собор.

– А итальянские другие? – Любознательный юноша обожал слушать про дальние страны, про жизнь вообще и архитектуру в частности.

Буонавентура задумался:

– Мне кажется, строительные принципы везде одни и те же. Но в Англии я не видел соборов с куполами.

– А что такое купол?

– Это такая круглая крыша, как половина мяча.

Мерфин изумился:

– Никогда ничего подобного не слыхал! А как их строить?

Кароли рассмеялся:

– Молодой человек, я торгую шерстью. Пощупав ее, без труда отвечу тебе, откуда она – из Котсуолда или Линкольна, но я не знаю, как построить курятник, не говоря уже о соборах.

Подошел мастер Мерфина богач Элфрик. Он всегда носил дорогую одежду, которая смотрелась на нем будто с чужого плеча. Этот льстец не обратил внимания на Керис и Мерфина, однако низко поклонился Буонавентуре:

– Какая честь снова видеть вас в нашем городе, сэр.

Подмастерье отвернулся.

– Как ты думаешь, сколько всего на свете языков? – спросила Керис.

Она любила задавать всякие странные вопросы.

– Пять, – не задумываясь ответил Мерфин.

– Нет, серьезно. Английский, французский, латынь – это три. Потом флорентийцы и венецианцы говорят по-разному, хотя у них есть общие слова.

– Верно. – Молодой человек включился в игру. – Это уже пять. Потом еще есть фламандский.

Лишь немногие понимали язык торговцев, приезжавших в Кингсбридж из фламандских городов ткачей – Ипра, Брюгге, Гента.

– И датский.

– У арабов тоже свой язык, у них даже буквы другие.

– А мать Сесилия говорила мне, что у всех свои языки и никто даже не знает, как на них писать, – шотландцы, валлийцы, ирландцы, может, и еще кто-нибудь. Это уже одиннадцать, а вдруг есть народы, о которых мы даже не слышали?

Мерфин улыбнулся. Он только с Керис мог так говорить. Остальные их сверстники были равнодушны к другим людям, другому образу жизни. А возлюбленная нет-нет да и спросит: каково жить на краю света? правы ли священники? откуда ты знаешь, что сейчас не спишь? А еще они любили отправляться в воображаемые путешествия, соревнуясь, кто больше придумает интересного.

Гул в соборе затих, монахи и монахини сели, вошел регент хора, Карл Слепой. Он ничего не видел, однако по собору и территории монастыря передвигался без посторонней помощи. Карл шагал медленно, но уверенно, как зрячий, зная каждую колонну, каждую плиту на полу. Своим бархатным баритоном он задал тональность, и хор запел гимн.

К монахам и священникам подмастерье относился спокойно. Бывало, конечно, что их авторитет не всегда подкреплялся знаниями, примерно как у его хозяина Элфрика, но он любил ходить в церковь – службы убаюкивали. Музыка, архитектура, латинские гимны приводили его в восторг; молодой человек будто спал с открытыми глазами. И опять возникло чудное ощущение, что под ногами течет вода.

Мерфин обвел глазами три яруса – аркаду, галерею, верхние окна. Он знал, что при сооружении колонн камни кладут друг на друга, но это было незаметно – по крайней мере на первый взгляд. Вдоль каменных блоков шли каннелюры[3], и каждая колонна казалась пучком копий. Его взгляд заскользил по одной из четырех гигантских колонн средокрестия – от массивного квадратного основания, вверх, туда, где одно из «копий» устремлялось к северу, сгибаясь в арку, переброшенную через придел. Потом юноша перевел взгляд на средний ярус, где еще одно «копье» отходило на запад, образуя аркаду галереи, а затем еще выше – на западную пяту арки яруса верхних окон, где последнее «копье», подобно цветочному стеблю, превращалось в изящное ребро высокого потолочного свода. От рельефного украшения в самой высокой центральной точке свода подмастерье повел взгляд по ребру вниз, к противоположной колонне средокрестия.

И вдруг что-то случилось. У Мерфина потемнело в глазах – показалось, что западный рукав трансепта тронулся с места. Раздался тихий гул, низкий, едва слышный, пол под ногами задрожал, как будто рядом упало дерево. Хор запнулся. По южной стене алтарной части, совсем рядом с колонной, которую изучал Мерфин, пошла трещина.

Он повернулся к Керис, краем глаза заметив, как в хоре и средокрестии падают камни. Затем возник хаос: кричали женщины, мужчины, оглушительно грохотали огромные камни, падая на пол. Это длилось целую вечность. Когда наступила тишина, юноша понял, что левой рукой прижимает к себе Керис, а правой прикрывает ей голову, заслонив собой от места, где в руинах лежала большая часть собора.

Несомненное чудо, что никто не погиб. Самые страшные разрушения случились в южном приделе, где людей не было. Прихожан в алтарную часть не пускали, а клир находился в ее центре – хоре. Несколько монахов чуть не простились с жизнью, отчего разго-

[3] Каннелюр – вертикальный желобок на стволе колонны.

воры о чуде стали только громче; те, в кого угодили осколки камней, отделались порезами и ушибами. Кое-кто из прихожан получил царапины. Конечно же, людей сверхъестественным образом защитил святой Адольф, мощи которого хранились под высоким алтарем, а среди деяний числилось множество исцелений и случаев спасения людей от верной гибели. Однако все соглашались, что Бог послал Кингсбриджу предупреждение. О чем – было не совсем ясно.

Часом позже четыре человека осматривали разрушения. Двоюродный брат Керис, ризничий Годвин, отвечал за собор и все его сокровища. Его помощником по строительным и восстановительным работам стал брат Томас, который десять лет назад звался сэром Томасом Лэнгли. Плотник и строитель широкого профиля Элфрик имел с аббатством договор, обязывавший его следить за состоянием собора, а Мерфин тащился за ними, как подмастерье Элфрика.

Восточную часть церкви колонны разделяли на четыре травеи[4]. Повреждены оказались две из них, ближние к средокрестию. Каменный свод над южным приделом полностью рухнул в первой травее и частично во второй. По среднему ярусу шли трещины, а из верхних окон вылетели каменные средники. Элфрик предположил:

– Из-за какого-то дефекта строительного раствора свод раскрошился, что вызвало трещины на верхних ярусах.

Мерфину это показалось неубедительным, но другого объяснения у него не было. Он ненавидел своего хозяина. Мальчиком начал учиться у отца Элфрика, опытного Йоакима, работавшего на строительстве церквей и мостов в Лондоне и Париже. Старик любил объяснять Мерфину хитрости каменной кладки, которые строители называли «тайнами». В основном это были арифметические формулы – к примеру, пропорции между высотой здания и фундамента. Любознательный паренек любил числа и жадно впитывал все, чему учил его старый учитель.

Но Йоаким умер, и дело перешло к его сыну, полагавшему, что подмастерье главным образом должен выучиться послушанию. Мерфину это претило, и Элфрик наказывал его урезанными порциями еды, холодной одеждой и работой на морозе. А для пущего назидания строптивцу круглолицую дочь Элфрика Гризельду, ровесницу Мерфина, всегда хорошо кормили и тепло одевали.

Три года назад жена мастера умерла, и он женился на старшей сестре Керис. Все считали Алису красивее: у девушки действительно были более правильные черты лица, но ей недоставало обаяния Керис, Мерфину она казалась скучной. Алисе же Мерфин, кажется, нравился, почти как и сестре, и молодой человек надеялся, что под ее влиянием Элфрик станет обращаться с ним получше. Но случилось обратное. Судя по всему, старшая дочь Эдмунда сочла своим супружеским долгом встать на сторону Элфрика, и теперь они мучили его вдвоем.

Мерфин знал, что, подобно ему, страдали множество подмастерьев, и все терпели, иначе не видать впоследствии доходной работы. Ремесленные гильдии беспощадно расправлялись с выскочками. Ни один человек в городе не мог начать своего дела, не став членом гильдии. Даже священники, монахи и женщины, решившие торговать шерстью или варить эль на продажу, вынуждены были вступать в гильдии. А вне городских стен особенно делать нечего: крестьяне сами строят себе дома и шьют рубахи.

После ученичества большинство молодых людей оставались у мастеров поденными работниками, за жалованье. Единицы становились партнерами и после смерти мастера пере-

[4] Травеи – в романской и готической архитектуре пространственная ячейка нефа, ограниченная четырьмя устоями, несущими свод.

нимали дело. Этот путь Мерфину был закрыт. Он слишком ненавидел Элфрика и намеревался уйти при первой же возможности.

– Давайте посмотрим сверху, – предложил Годвин.

Перешли в восточную часть. Элфрик не преминул подлизаться:

– Хорошо, что вы вернулись из Оксфорда, брат Годвин. Но вам, вероятно, не хватает ученого общества.

Ризничий кивнул:

– Преподаватели там действительно очень сильные.

– А студенты, должно быть, выдающиеся молодые люди. Хотя до нас доходят слухи об их дурном поведении.

Церковник скроил покаянную мину.

– Боюсь, нет дыма без огня. Вырываясь из дому, молодой священник или монах может впасть в искушение.

– И все-таки нам повезло, что у нас в Кингсбридже есть люди, обучавшиеся в университете.

– Очень любезно с вашей стороны.

– О, это чистая правда.

Мерфину хотелось крикнуть: «Да заткнись ты, ради Бога!» Но Элфрик есть Элфрик – бездарный ремесленник, работает плохо, мыслит убого, но знает, где что урвать. Юноша часто имел возможность наблюдать, как наставник обходителен с людьми, от которых ему что-то нужно, и груб с теми, от кого никакой пользы. Больше Мерфина удивляло, почему такой умный и ученый человек, как Годвин, не видит Элфрика насквозь. Может, человеку, которому льстят, это не так заметно?

Ризничий открыл дверь и поднялся по узкой винтовой лестнице в стене. Подмастерье взбодрился. Он любил тайные ходы, а кроме того, очень хотел понять, почему рухнул свод.

Одноярусные приделы выступали с обеих сторон массива собора. По каменным сводчатым потолкам шли нервюры[5]. Снаружи покатая крыша приделов поднималась к основанию верхних окон основного массива собора. Под ней находился треугольник пустого пространства, пол которого представлял собой не видную снаружи верхнюю поверхность свода придела. Монахи и строители поднялись сюда, чтобы осмотреть разрушения сверху.

Через окна, выходящие внутрь собора, падал слабый свет, а Томас ко всему предусмотрительно захватил масляную лампу. Мерфин сразу заметил, что своды немного отличаются друг от друга от травеи к травее. Восточный свод менее выпуклый, чем соседний, следующий – частично разрушенный – также очертаниями не похож на последний.

По выпуклости свода монахи и мастера подошли как можно ближе к разрушениям. Все так же, как и в остальном соборе – камни, соединенные раствором, только потолочные плиты тонкие, легкие. Свод был почти вертикальным в основании, но, поднимаясь, загибался и в конце концов примыкал к каменной кладке противоположной стены. Элфрик заметил:

– Очевидно, прежде всего нужно заново перебросить свод над первыми двумя травеями придела.

– Своды с нервюрами в Кингсбридже уже давно никто не строил, – напомнил Томас и обернулся к Мерфину: – Ты сделаешь опалубку?

Подмастерье понял, что он имеет в виду. У основания свода, где поверхность почти вертикальна, камни будут устойчивыми, так как наклон минимален, но выше, где вертикаль плавно переходит в горизонталь, понадобится подпорка для камней, пока будет сохнуть строительный раствор. Напрашивалось решение: сделать деревянный каркас – опалубку – и выкладывать камни поверх него. Довольно сложная плотницкая работа, так как кривые

[5] Нервюра – выступающее ребро готического крестового свода.

нужно вычертить очень точно. Томас знал способности юноши, он уже несколько лет внимательно следил, как тот с Элфриком работает в соборе. Но обращаться к подмастерью, минуя мастера, значило унизить последнего, и Элфрик среагировал немедленно:

– Под моим руководством – да, сделает.

– Да, я смогу сделать опалубку, – отозвался Мерфин, уже думая о том, как поставить строительные леса, чтобы они подпирали опалубку, и площадку для каменщиков. – Но эти своды построены без опалубки.

– Не говори ерунды, парень, – буркнул Элфрик. – Как же иначе? Ты просто ничего не понимаешь.

Спорить с наставником глупо. Но через шесть месяцев Мерфин станет его конкурентом, и нужно, чтобы такие люди, как брат Годвин, поверили в него. Кроме того, молодого человека уязвило презрение в голосе мастера, и он испытал непреодолимое желание доказать, что тот не прав.

– Да посмотрите же сюда, на выпуклость свода. Если бы каменщики работали с опалубкой, то, закончив один пролет, несомненно, использовали бы ее для следующего. Но тогда все своды имели бы одинаковую крутизну. А она разная.

– Ну, значит, они использовали опалубку по разу, – огрызнулся Элфрик.

– Но почему? Ведь это какая экономия дерева, не говоря уже о жалованье плотникам.

– Невозможно перебросить свод без опалубки.

– Да, невозможно. Хотя есть один способ…

– Хватит, – отрезал Элфрик. – Ты здесь, чтобы учиться, а не учить.

Вмешался Годвин:

– Секунду, Элфрик. Если парень прав, аббатство сэкономит кучу денег. – Он посмотрел на Мерфина: – Что ты хотел сказать?

Мерфин уже почти пожалел, что поднял разговор, который дорого ему обойдется. Но теперь придется продолжать. Если он замолчит, остальные решат, что подмастерье и впрямь ничего не смыслит.

– Этот способ описан в книге из монастырской библиотеки и очень прост. Сначала кладут камень, потом над ним закрепляют на стене канат. К другому концу каната привязывают груз – полено. Канат, огибая камень, образует прямой угол и удерживает его в растворе; камень не падает и не сдвигается.

Наступила тишина, все попытались представить себе эту конструкцию. Наконец Томас кивнул:

– Разумно.

Элфрик был в бешенстве.

– Что за книга? – заинтересовался Годвин.

– Она называется Книга Тимофея, – ответил Мерфин.

– Я слышал о ней, но никогда не держал в руках. Обязательно поищу. Мы всё посмотрели?

Элфрик и Томас кивнули. Когда они спускались, наставник прошептал ученику:

– Ты понимаешь, что только что отказался от нескольких недель работы? Посмотрел бы я на тебя, если бы договор был твой.

Мерфин не подумал об этом. Мастер прав: доказав, что опалубка необязательна, он лишил себя работы. Но в подобных рассуждениях кроется что-то очень нехорошее. Нечестно позволять людям тратить лишние деньги и платить тебе за ненужный труд. Мерфин не хотел жить обманом. По винтовой лестнице все спустились в алтарь. Элфрик сказал Годвину:

– Я зайду к вам завтра с расчетами.

– Хорошо.

Мастер повернулся к Мерфину:

– Ты останешься здесь и посчитаешь камни в своде придела. Ответ принесешь мне домой.

– Ладно.

Когда Элфрик с Годвином ушли, Томас поморщился:

– У тебя будут из-за меня неприятности.

– Получилось, вы меня похвалили.

Монах пожал плечами и махнул правой рукой – дескать, что поделаешь. Левую руку ему ампутировали до локтя десять лет назад, после воспаления раны, полученной им в той схватке, свидетелем которой стал Мерфин. Молодой человек уже почти забыл ту странную сцену в лесу. Он привык к тому, что Томас теперь носит монашескую рясу. Но вдруг вспомнил: воины, дети, прячущиеся в кустах, лук, стрелы, закопанное письмо. Лэнгли всегда был добр к нему, и Мерфин догадывался, что обязан хорошим отношением именно тому, что произошло в тот день.

– Я никому ничего не говорил о письме, – тихо сказал он.

– Знаю, – ответил Томас. – Если бы сказал, тебя бы уже не было в живых.

Крупными городами управляли торговые гильдии, состоящие из самых знатных горожан. Уровнем ниже стояли многочисленные ремесленные гильдии – каменщиков, плотников, дубильщиков, ткачей, портных. Еще имелись небольшие приходские гильдии, группировавшиеся вокруг местной церкви. Они собирали деньги на священнические облачения, церковную утварь, а также помогали вдовам и сиротам.

Города с епископскими кафедрами управлялись по-разному. Владельцем Кингсбриджа, как Сент-Олбанса и Бери-Сент-Эдмундса, являлся монастырь, которому и принадлежала почти вся земля в городе и окрестностях. Аббаты не разрешали создавать торговую гильдию, и самые крупные купцы и ремесленники входили в состав приходской гильдии Святого Адольфа. Начало ей было положено давным-давно, когда группа благочестивых горожан собрала деньги на строительство собора, но теперь она стала важнейшим сообществом в городе, которое регулировало правила ведения дел, выбирало олдермена и шесть его помощников – старост. В здании гильдии хранились эталоны веса мешков с шерстью, ширины рулона ткани и объема бушеля для всех кингсбриджских торговцев. Но гильдия не могла вершить правосудие, как в городах с самоуправлением, – эти полномочия сохранялись за аббатом Кингсбриджа.

На Троицу приходская гильдия в своем здании давала банкет для наиболее важных приезжих покупателей. Эдмунд Суконщик являлся олдерменом, и Керис пошла с ним на правах хозяйки, так что Мерфин остался один. К счастью, Элфрик с Алисой тоже отправились на банкет, поэтому он спокойно сидел на кухне, слушал дождь и думал. Было не холодно, но в печи развели огонь, и его красноватое мерцание радовало душу. Подмастерье слышал, как по лестнице ходит Гризельда.

У Элфрика был хороший дом, хотя и меньше, чем у Эдмунда. На первом этаже – кухня и зал, в углу – лестница на открытую площадку, где спала Гризельда, там же за дверью располагалась спальня хозяина и его жены. Мерфин жил на кухне.

Года три-четыре назад молодой человек мучился, представляя, как ночью поднимается по лестнице, забирается под одеяло к теплой пухлой Гризельде и ложится рядом. Но она считала себя выше, обращалась с юношей как с прислугой и ни разу не дала ему ни малейшего повода.

Мерфин смотрел в огонь и думал, как поставить леса для каменщиков, которые будут восстанавливать обрушившийся свод собора. Дерево стоило дорого, длинные доски и реи были редкостью. Лесовладельцы обычно поддавались искушению и продавали строевой лес, не дожидаясь, пока деревья вырастут. Так что строители старались делать леса как

можно короче. Часто, экономя дерево, они не ставили их на землю, а подвешивали, закрепляя на стенах.

Тут на кухню вошла Гризельда и налила из бочки кружку эля.

– Хочешь?

Мерфин кивнул, удивившись такой любезности. А девушка, удивив его еще больше, села на табурет напротив и принялась пить.

Три недели назад исчез хахаль Гризельды Терстан. Конечно, ей было одиноко – наверное, поэтому она и решила посидеть с подмастерьем. Эль согрел его, молодой человек размяк. Соображая, о чем бы поговорить, спросил:

– Что случилось с Терстаном?

Та мотнула головой, как конь:

– Я сказала ему, что не выйду за него замуж.

– Почему?

– Слишком молодой.

Мерфина это не убедило. Терстану семнадцать, Гризельде – двадцать, но она еще толком и не созрела. Скорее, думал подмастерье, Терстан рожей не вышел. Приехал в Кингсбридж пару лет назад ниоткуда и тянул лямку чернорабочего у нескольких городских ремесленников. Может, ему надоела Гризельда, а может, город, и парень просто удрал.

– И куда он делся?

– Не знаю, мне все равно. Я выйду замуж за своего ровесника, за такого, кто понимает, что такое ответственность. Может, он потом примет дело отца.

«А вдруг эта пышка имеет в виду меня? – подумал Мерфин. – Да нет, она всегда смотрела на меня сверху вниз».

Гризельда встала с табурета и пересела к нему на скамью.

– Мой отец тебя не любит. Я всегда так считала.

Мерфин который раз удивился:

– Многовато тебе потребовалось времени, чтобы это сказать. Я живу у вас уже шесть с половиной лет.

– Мне трудно идти против них.

– И почему же он меня не любит?

– Потому что ты считаешь, будто знаешь все лучше, чем он, и даже не стараешься это скрывать.

– А может, так и есть.

– Вот видишь.

Молодой человек рассмеялся. В первый раз в жизни он рассмеялся над ее словами. Девушка придвинулась, прижалась бедрами, обтянутыми суконным платьем. Мерфин был в поношенной льняной рубахе почти до колен, в подштанниках, какие носили все мужчины, но почувствовал ее тепло. И что теперь? Неуверенно скосил взгляд. Блестящие темные волосы, карие глаза, чувственное красивое лицо и хорошенький ротик, который, наверно, так приятно целовать. Дочь хозяина многозначительно произнесла:

– Люблю сидеть в дождь дома. Так уютно.

Юноша почувствовал возбуждение и отвернулся. Что бы подумала Керис, если бы вошла сюда сейчас? Он постарался успокоиться, но стало только хуже. Мерфин вновь посмотрел на Гризельду, чьи влажные губы чуть приоткрылись. Девушка наклонилась, подмастерье поцеловал ее, и она сразу же вставила язык ему в рот. Это было так неожиданно, что он ответил. С Керис целоваться совсем другое дело… Эта мысль остановила молодого человека, он отодвинулся от Гризельды и встал.

– Что случилось?

Мерфин вовсе не хотел говорить правду и поэтому ответил:

– Я никогда тебе не нравился.

Девушка скисла.

– Говорю же тебе, я не могу ссориться с отцом.

– Как-то ты очень резко переменилась.

Дочь хозяина встала и двинулась на него. Подмастерье отступал, пока не уперся в стену. Она взяла его руку и прижала к своей круглой тяжелой груди. Мерфин не мог противиться искушению и руку не убрал.

– Ты это когда-нибудь делал… по-настоящему… с девушкой?

Говорить молодой человек не мог, но кивнул.

– А обо мне ты думал?

– Да, – выдавил он.

– Если хочешь, можешь сделать это сейчас, пока никого нет. Мы можем подняться наверх и лечь ко мне в кровать.

– Нет.

Гризельда прижалась к нему.

– От твоих поцелуев я вся горю.

Подмастерье оттолкнул ее, но не рассчитал, и девушка упала на полные ягодицы.

– Оставь меня.

Говорил не очень уверенно, но дочь хозяина приняла его слова за чистую монету.

– Тогда иди к черту.

Встала и тяжелыми шагами быстро поднялась наверх. Мерфин, не сдвинувшись с места, шумно дышал. Теперь, отвергнув ее, он пожалел об этом.

Подмастерья не очень привлекали девушек, не желавших годами ждать замужества. Тем не менее ухаживания Мерфина принимали несколько юных жительниц Кингсбриджа. Кейт Браун была так влюблена в него, что однажды, год назад, теплым летним днем в своем фруктовом саду позволила ему все. Потом ее отец внезапно умер, и мать с детьми переехала в Портсмут. Тогда будущий строитель единственный раз и спал с женщиной. Какой же он дурак, что отверг Гризельду. Молодой человек уговаривал себя, что просто избежал неприятностей. Гризельда дура, а кроме того, по-настоящему он ей не нравится. Должно гордиться тем, что преодолел искушение. Он не пошел на поводу у инстинкта, как тупое животное, а принял мужское решение.

Дочь мастера заплакала. Негромко, но слышно. Мерфин поплелся к задней двери. Как и у всех в городе, за домом Элфрика был длинный узкий участок земли с отхожим местом и мусорной кучей. Большинство хозяев держали там цыплят и свиней, выращивали овощи и фрукты, но Строитель навалил кучу громоздкого хлама, камней, мотки веревок, корзины, ручные тележки и приставные лестницы. Юноша стал смотреть на дождь, но все равно слышал рыдания Гризельды.

Он решил уйти и подошел уже к выходу, но не мог придумать, куда деваться. Дома у Керис только Петронилла, которая ему явно не обрадуется. К родителям? В таком состоянии видеть их приятного мало. Неплохо бы поговорить с братом, но Ральф вернется в Кингсбридж только через несколько дней. Кроме того, глупо выходить без плаща – не из-за дождя, Мерфин отнюдь не боялся намокнуть, но из-за выпуклости на штанах, которая никак не опадала.

Попытался думать о Керис. Девушка сейчас маленькими глоточками пьет вино и ест ростбиф с пшеничным хлебом. Интересно, во что она одета. Ее лучшее платье, бледно-красного цвета, с квадратным вырезом, открывало нежную белую шею. Но плач Гризельды врывался в мысли. Мерфин захотел утешить ее, сказать, как ему жаль, что из-за него она почувствовала себя отвергнутой, объяснить, что красивее девушки в городе нет, просто они друг другу не подходят.

Молодой человек сел, опять встал. Как больно слышать женский плач. Невозможно думать про строительные леса, пока она плачет. Невозможно остаться, невозможно уйти, невозможно сидеть. Он поднялся по лестнице.

Гризельда лежала лицом вниз на соломенном матраце, служившем ей постелью. Платье на круглых бедрах задралось, виднелась кожа – очень белая и мягкая.

– Прости.

– Убирайся.

– Не плачь.

– Я тебя ненавижу.

Он встал на колени и похлопал ее по заду.

– Не могу сидеть на кухне и слушать, как ты плачешь.

Девушка перевернулась, лицо было мокрым от слез.

– Я страшная и толстая, и ты меня ненавидишь.

– Ерунда.

Мерфин вытер мокрые щеки тыльной стороной ладони. Дочь Элфрика взяла его за запястье и потянула к себе.

– Правда?

– Правда. Но…

Гризельда завела его руку себе за спину и, прижав юношу к себе, поцеловала. Мерфин застонал и лег на матрац. «Я сейчас уйду, – говорил он себе. – Просто успокою ее, а затем встану и спущусь по лестнице». Девушка взяла его руку и завела себе между ног. Мерфин ощутил нежную кожу и понял, что погиб. Ему казалось, он сейчас лопнет.

– Я не могу.

– Быстрее, – тяжело дыша, прошептала Гризельда, стащила с него рубашку и сняла штаны.

Мерфин перекатился на нее и почувствовал, что теряет контроль. Угрызения совести пришли еще прежде, чем все закончилось.

– Нет, – простонал утешитель юных дев.

А закончилось все через секунду. Он рухнул на Гризельду с закрытыми глазами.

– О Господи. Лучше бы я умер.

7

Буонавентура Кароли произнес эти страшные слова в понедельник, на следующий день после большого банкета в здании гильдии.

Суконщица села за дубовый стол в зале у себя дома, но не очень хорошо себя чувствовала. Болела голова, и немного тошнило. Съела небольшую тарелку теплого молока с хлебом, чтобы унять урчание в животе, вспомнила вино на банкете и подумала, что выпила слишком много. Может, это и есть то самое похмелье, на которое жалуются мальчишки и мужчины, когда хвастаются крепостью выпитого? Отец и Буонавентура ели холодную ягнятину, а Петронилла рассказывала:

– Когда мне было пятнадцать лет, меня помолвили с племянником графа Ширинга. Это считалось хорошей партией: его отец был второсортным рыцарем, а мой – зажиточным торговцем шерстью. Потом в Шотландии, в битве при Лаудон-Хилле, граф и его единственный сын погибли. Мой жених Роланд стал графом и расторг помолвку. Он и сегодня еще граф. Если бы я вышла замуж за Роланда до сражения, то была бы сегодня графиней Ширинг.

Она хлебнула эля.

– Может, не было на то воли Божьей, – пожал плечами Буонавентура. Купец бросил кость Скрэп, которая набросилась на нее, как будто неделю ничего не ела, и обратился к Эдмунду: – Мой друг, я бы хотел вам кое-что сказать, прежде чем мы займемся делами.

Керис поняла по голосу, что новости у него плохие. Отец, вероятно, решил так же:

– Звучит зловеще.

– Наше дело в последние годы клонится к упадку, – продолжал Буонавентура. – С каждым годом моя семья продает все меньше ткани, с каждым годом мы покупаем в Англии все меньше шерсти.

– В торговле всегда так, – заметил Эдмунд. – Вверх, потом вниз, и никто не знает почему.

– Но теперь в дело вмешался ваш король.

Горькая правда. Эдуард III понял, какие деньги можно зарабатывать на шерсти, и решил, что их львиная доля полагается короне. Он ввел новый налог – фунт на мешок шерсти. Стандартный мешок весил триста шестьдесят четыре мерных фунта и стоил около четырех фунтов; налог составил четверть его стоимости – огромный процент.

– Еще хуже, что из Англии стало труднее вывозить шерсть, – говорил флорентиец. – Мне пришлось платить большие взятки.

– Запрет на вывоз будет скоро снят. Торговцы Шерстяной компании Лондона ведут переговоры с королевскими чиновниками…

– Надеюсь. Но в сложившейся ситуации мои родные считают, что нет смысла ездить на целых две шерстяные ярмарки в одной части страны.

– И они совершенно правы! Оставайтесь здесь и забудьте про Ширинг.

Город Ширинг располагался в двух днях пути. Он был не меньше Кингсбриджа, но, не имея собора и монастыря, делал ставку на замок шерифа и суд графства. Раз в год там проводилась конкурирующая шерстяная ярмарка.

– Боюсь, выбор здесь хуже. Понимаете, Кингсбриджская ярмарка, судя по всему, угасает. Все больше торговцев перебирается в Ширинг. Там больше сортов.

Керис пришла в отчаяние. Для отца это может стать катастрофой. Она спросила:

– А почему торговцы предпочитают Ширинг?

Буонавентура пожал плечами.

– Торговая гильдия благоустроила свою ярмарку. Там теперь нет очередей перед городскими воротами; торговцы могут арендовать палатки и лотки; есть биржа, где можно торговать, когда идет дождь, как сейчас…

– Мы тоже можем все это сделать, – уперлась Керис.

Отец засопел:

– Если бы.

– Почему, папа?

– Ширинг – независимый город с самоуправлением, право на которое было пожаловано ему королевской хартией. Торговая гильдия имеет возможность удовлетворять нужды суконщиков. Кингсбридж принадлежит аббатству…

– Во славу Божью, – вставила Петронилла.

– Разумеется, – кивнул Эдмунд. – Но наша приходская гильдия ничего не может сделать без разрешения аббатства, а настоятели – народ осторожный, консервативный, и мой брат не исключение. В результате самые прекрасные предложения отвергаются.

Буонавентура продолжил:

– Ради многолетних связей моей семьи с вами, Эдмунд, а до вас с вашим отцом, мы ездили в Кингсбридж, но в трудные времена не можем позволить себе подобную сентиментальность.

– Тогда ради этих многолетних связей позвольте попросить вас о небольшом одолжении, – нахмурился Эдмунд. – Не принимайте пока окончательного решения. Подождите.

Умно, подумала Керис. Девушка не уставала поражаться, как ловко отец ведет переговоры. Он не стал уговаривать давнего делового партнера передумать – это лишь укрепит его решимость. Итальянцу намного проще согласиться пока не принимать окончательного решения. Никого ни к чему не обязывает, но оставляет щелочку. В такой просьбе отказать трудно.

– Хорошо, но какой в этом смысл?

– Я хочу попытаться благоустроить ярмарку, прежде всего мост. Если нам удастся сделать Кингсбридж удобнее Ширинга, привлечь больше клиентов, вы ведь не уедете отсюда, не так ли?

– Разумеется.

– Тогда вот что. – Эдмунд встал. – Я иду к брату. Керис, пойдем со мной. Мы покажем ему очередь на мосту. Хотя погодите. Дочка, сходи-ка за своим умницей, Мерфином. Парень понадобится.

– Он на работе.

– Так скажи мастеру, что подмастерье нужен олдермену приходской гильдии, – вставила Петронилла.

Тетка гордилась, что ее брат олдермен, и напоминала об этом при любой возможности. Но она права. Элфрик отпустит Мерфина.

– Иду.

Керис завернулась в накидку с капюшоном и вышла. Лил дождь, хоть и не такой сильный, как вчера. Элфрик, подобно большинству знатных горожан, жил на главной улице, которая вела от моста к воротам аббатства. Она была запружена телегами и людьми, тянувшимися на ярмарку, – все шлепали по лужам под потоками дождя.

Девушка очень хотела увидеть Мерфина, как, впрочем, и всегда. Старший сын сэра Джеральда понравился ей уже в День всех святых, десять лет назад, когда появился на стрельбище с самодельным луком. Умный и веселый. Как и она, знает, что мир больше и прекраснее, чем могут себе представить большинство обитателей Кингсбриджа. Полгода назад молодые люди выяснили, что еще лучше быть не просто друзьями.

Керис целовалась с мальчиками уже до Мерфина, хотя и не часто; так толком и не поняла, в чем соль. С ним все было иначе, щекотало. В нем кипело озорство, он все делал так здорово. Сама хотела больше, но «больше» означало замужество, а жена должна подчиняться мужу, своему хозяину, от чего Суконщицу трясло. К счастью, все откладывалось, так как возлюбленный пока жениться не мог.

Девушка зашла в дом Элфрика. Алиса с Гризельдой сидели за столом и ели хлеб с медом. Сестра сильно изменилась за три года замужества. Грубая по природе, как Петронилла, под влиянием мужа она стала подозрительной, злопамятной, скупой, но сегодня была настроена довольно благодушно.

– Садись, сестра. Свежий утренний хлеб.

– Не могу, ищу Мерфина.

Алиса поморщилась:

– Так рано?

– Он нужен отцу.

Керис прошла к задней двери и выглянула во двор. Дождь заливал противный строительный мусор. Один из работников Элфрика складывал в тачку мокрые камни. Мерфина не было. Суконщица вернулась в комнату. Алиса предположила:

– Может быть, в соборе. Он делал дверь.

Действительно, Мерфин говорил об этом. Сгнила дверь северного портала, и подмастерье возился с новой. Гризельда добавила:

– Вырезает дев.

Дочь Элфрика ухмыльнулась и засунула в рот хлеб, намазанный медом. Это Керис тоже знала. Старая дверь была украшена резьбой, иллюстрирующей притчу Иисуса о мудрых и юродивых девах, рассказанную им на Елеонской горе, и Мерфин делал копию. Но в ухмылке Гризельды мелькнуло что-то неприятное, она будто смеялась над Керис, что та еще дева.

– Я схожу в собор. – Суконщица, кивнув, ушла.

Она поднялась по главной улице и вышла на лужайку. Когда проходила мимо рыночных лотков, ей почудился отвратительный запах. Может, показалось? Из-за Буонавентуры? Вроде нет. Девушка вспомнила шерстяные ярмарки своего детства и решила, что теперь стало малолюднее. Тогда монастырь был меньше, ярмарка располагалась за его пределами, и улицы загромождали нелегальные лотки – часто просто маленькие столики с безделушками. Плюс разносчики с подносами, жонглеры, предсказатели, музыканты, странствующие монахи, призывающие грешников к покаянию. Сейчас же ей показалось, что еще полно места для лотков. Буонавентура прав – ярмарка в упадке. Один торговец странно посмотрел на нее, и девушка поняла, что думает вслух. Плохая привычка: некоторые считали, что она разговаривает с духами. Керис пыталась отучиться, но иногда срывалась, особенно когда бывало тревожно. Дочь Суконщика обошла собор и остановилась у северного входа.

Мерфин работал в обширном портале, где часто назначали встречи. Будущую дверь вставили в мощную деревянную раму, которая ее удерживала. Позади в проеме виднелась старая – потрескавшаяся и осыпающаяся. Ученик плотника стоял спиной к Керис, чтобы свет падал на работу. Из-за дождя он не слышал шагов, и девушка некоторое время незаметно рассматривала друга.

Невысок, чуть выше ее. Большая умная голова на гибком теле. Некрупные руки острым ножом ловко снимают тонкую деревянную стружку. Белая кожа и копна рыжих волос. «Не сказать, чтобы красавец», – скривилась Алиса, когда Керис призналась ей, что влюбилась. Мерфин действительно не обладал броской внешностью брата Ральфа, но Суконщица считала, что у него удивительное лицо: неправильное, необычное, лукавое, веселое, – короче, как он сам.

– Привет.

Мерфин вздрогнул. Девушка рассмеялась:

– С каких это пор ты боишься привидений?

– Ты меня напугала.

Мерфин помолчал, затем поцеловал ее, но как-то напрягся. Хотя такое бывало, когда он с головой уходил в работу.

Керис посмотрела на резьбу. На двери были симметрично расположены по пять дев с каждой стороны: мудрые веселились на брачном пиру, а юродивые остались за затворенными дверями, перевернув пустые светильники. Мерфин повторил эту сцену, но с незначительными изменениями. Девы стояли так же в два ряда – пять с одной стороны и пять с другой, как арки в соборе, – но на новой двери они вышли неодинаковыми. Резчик придал каждой индивидуальные черты. Одна стала красивой, у другой появились курчавые волосы, третья плакала, четвертая озорно подмигивала. Он сделал их живыми, и старая резьба в сравнении с новой показалась застывшей и мертворожденной.

– Как здорово! – воскликнула Керис. – Интересно, что скажут монахи.

– Брату Томасу нравится, – ответил Мерфин.

– А Антонию?

– Тот еще не видел. Но примет. Не платить же дважды.

Точно, подумала девушка. Ее дядя Антоний не любил рисковать и экономил на всем. Упоминание его имени напомнило о поручении.

– Отец просит тебя подойти к мосту. Аббат тоже будет.

– Говорил зачем?

– По-моему, хочет попытаться уговорить Антония построить новый мост.

Подмастерье сложил инструменты в кожаный баул и быстро смел опилки и стружку. Под дождем они прошли по главной улице к деревянному мосту. Керис рассказала о разговоре с Буонавентурой за завтраком. Мерфин тоже считал, что последние ярмарки не такие шумные и многолюдные, как во времена их детства.

Правда, въезда в Кингсбридж все равно дожидалась длинная очередь из людей и повозок. На мосту стояли небольшие ворота, где сидел монах, взимавший мостовщину в одно пенни с каждого торговца. Пройти без очереди по узкому мосту было невозможно; в результате людям, не обязанным платить – в основном жителям города, – тоже приходилось ждать. Кое-где доски полотна расщепились, поломались, и телегам приходилось двигаться очень медленно. Очередь растянулась по дороге между лачугами предместья и терялась за пеленой дождя. Кроме того, мост казался слишком коротким. Когда-то он, несомненно, выходил на сушу, но то ли река стала шире, то ли, что вероятнее, телеги и люди за десятилетия и столетия разбили берег, так что теперь все плюхали по грязи.

Мерфин изучал конструкцию моста. Керис знала этот его взгляд: он пытался понять, почему мост стоит и не падает. Девушка часто подмечала, что подмастерье Элфика пристально смотрит – то на какой-то фрагмент собора, то на незнакомый дом, а то и на терновник в цвету или зависшего ястреба. Парень замолкал, внимательные и зоркие глаза будто всматривались во мрак, пытаясь разгадать, что там. На ее вопросы он отвечал, что старается увидеть суть вещей.

Дочь олдермена проследила за его взглядом и постаралась понять, что именно заинтересовало Мерфина в конструкции старого моста. Тот имел шестьдесят ярдов в длину, длиннее Керис никогда не видела. Полотно подпирали два ряда мощных дубовых быков, похожих на колонны, выстроившиеся по обе стороны главного нефа собора. Из пяти пар опор береговые устои на мели были довольно короткими, а три пары центральных быков взмывали на пятнадцать футов над уровнем воды.

Каждая опора состояла из четырех скрепленных бревен, которые обжимал каркас из деревянных реек. Согласно легенде для этих трех пар быков король подарил Кингсбриджскому аббатству двадцать четыре лучших во всей Англии дуба. Над ними по обе стороны шли параллельные балки. Их соединяли более короткие перпендикулярные бревна; вместе они образовывали проезжую часть, застеленную продольными досками – полотном моста. По обе стороны вдоль полотна тянулись не очень прочные перила. Раз в несколько лет какой-нибудь пьяный крестьянин обязательно въезжал в них на телеге и тонул вместе с лошадью.

– Что ты там рассматриваешь?

– Трещины.

– Я не вижу никаких трещин.

– Балки по обе стороны центрального быка потрескались. Видишь, Элфрик укрепил их железными скобами?

Теперь Суконщица заметила плоские металлические крепы, прибитые перпендикулярно трещинам.

– Ну и что?

– Я не понимаю, почему трещины появились именно здесь.

– А это важно?

– Конечно.

Не особенно он разговорчив этим утром. Девушка хотела спросить почему, но вдруг услышала:

– Твой отец идет.

Керис обернулась на улицу. Два брата являли собой странную картину. Антоний, брезгливо подобрав полы рясы, тщательно обходил лужи, отвращение исказило его болезненно-бледное лицо. Более живой, хотя и старший Эдмунд, с красным лицом и длинной косматой седой бородой, шел, приволакивая увечную ногу по грязи, внушая что-то аббату и с силой жестикулируя. Глядя на отца издали, как смотрел бы незнакомец, Керис всегда особенно любила его. Дойдя до моста, братья не прервали разговора.

– Ты только посмотри на эту очередь! – воскликнул Эдмунд. – Сотни людей до сих пор не попали на ярмарку, потому что не могут проехать! И уверяю тебя, половина из них найдет продавцов в очереди, они совершат сделку прямо здесь и отправятся домой, даже не въехав в город!

– Это незаконно, – возмутился Антоний.

– Пойди и скажи им это, если сможешь перейти мост. Только не сможешь, он слишком узкий! Послушай, Антоний, если итальянцы уедут, ярмарка умрет. И твое, и мое благосостояние основано на ярмарке. Нельзя допустить, чтобы она захирела!

– Мы не можем заставить Буонавентуру приезжать сюда.

– Но можем сделать нашу ярмарку привлекательней ширингской. Нужно объявить о намерениях прямо сейчас, на этой неделе, убедить всех, что шерстяная ярмарка жива. Нужно сказать, что мы снесем этот старый мост и построим новый, в два раза шире. – Без предисловий он обратился к Мерфину: – Сколько это займет времени, дружище?

Юноша немного испугался, но ответил:

– Трудно будет найти дерево. Нужны очень длинные стволы, хорошо обработанные, затем нужно установить на дне реки быки. Это не так-то просто, потому что работать придется в проточной воде. Потом плотницкие работы. Может быть, к Рождеству.

– И никакой уверенности в том, что Кароли изменят свое решение, если мы построим новый мост, – заметил Антоний.

– Изменят, – с силой сказал Эдмунд. – Я гарантирую.

– Ну все равно не могу – у меня нет денег.

– Ты не можешь не построить его! – крикнул Суконщик. – Иначе разоришься сам и разоришь весь город.

– О чем ты говоришь! Я даже не знаю, где найти средства для восстановительных работ в южном приделе.

– И что же ты собираешься делать?

– Положусь на Господа.

– Пожинает тот, кто полагается на Господа и сеет. А ты не сеешь.

Антоний разозлился.

– Я знаю, тебе трудно это понять, Эдмунд, но Кингсбриджское аббатство не купеческая лавка. Мы славим Бога, а не зарабатываем деньги.

– Ты не сможешь долго славить Бога, если кушать нечего.

– Господь все устроит.

Красное лицо олдермена побагровело.

– Когда ты был мальчиком, тебя кормило, одевало и платило за учебу дело отца. Когда стал монахом, твое существование обеспечивают жители этого города и окрестные крестьяне, которые платят тебе оброк, десятину, налоги на рыночные лотки, мостовщину и бог знает какие еще подати. Всю жизнь ты жил как блоха на спинах тружеников. А теперь у тебя хватает духу говорить нам, что Господь все устроит.

– Это граничит со святотатством.

– Не забывай, что я знаю тебя с рождения, Антоний. Ты всегда обладал особым талантом увиливать от работы. – Эдмунд, так часто срывавшийся на крик, теперь говорил очень тихо. Знак того, что он в бешенстве. – Нужно выгребать отхожее место? Нет, ты идешь спать, чтобы отдохнуть перед учебой. Поскольку отец посвятил младшего сына Богу, у тебя всегда было все лучшее, хотя ты не пошевелил ради этого и пальцем. Сытная еда, самая теплая комната, лучшая одежда – я был единственным мальчишкой, который донашивал вещи младшего брата!

– И ты мне этого не простил.

Керис искала возможности остановить ссору и ухватилась за первое, что пришло ей в голову:

– Но можно же найти какое-то решение. – Оба брата удивились, что она позволила себе перебить их. – Например, мост могут построить горожане.

– Не смеши меня, – отозвался Антоний. – Город принадлежит аббатству. Слуга не благоустраивает дом хозяина.

– Но если они попросят вашего разрешения, у вас нет причин отказать.

Аббат возразил не сразу, и Керис воспрянула духом, но Эдмунд покачал головой:

– Не думаю, что смогу убедить их вложить деньги. В конечном итоге это, конечно, в их интересах, но люди очень неохотно думают наперед, когда у них просят денег.

– Ага! А меня ты призываешь думать наперед, – буркнул монах.

– Ты ведь имеешь дело с вечной жизнью. Как никто другой, ты обязан уметь смотреть не только на неделю вперед. Кроме того, с каждого, кто пересекает мост, аббатство получает мостовщину. Ты вернешь свои деньги, а когда ярмарка оживет, даже получишь прибыль.

– Дядя Антоний ведает духовными делами, он, наверно, считает, что это не его епархия, – раздумывала Керис.

– Но он хозяин города! – отрезал Эдмунд. – Только он может это сделать! – И вопросительно посмотрел на дочь, понимая, что та не стала бы возражать ему просто так. – А ты, собственно, о чем?

– А если горожане построят мост, а мостовщина пойдет на оплату заема?

Олдермен открыл рот, но не знал, что сказать. Дочь посмотрела на Антония. Тот пожал плечами:

– Когда создавалось аббатство, единственным источником его доходов была мостовщина. Я не могу от нее отказаться.

– Но подумайте, сколько вы выиграете, если шерстяная ярмарка и воскресный рынок возродятся! Это ведь не только мостовщина, это еще и налог с лотков, и процент аббатства от каждой сделки, заключенной на ярмарке, и пожертвования.

– А еще продажа твоих же товаров – шерсть, зерно, кожи, книги, статуи святых… – добавил Эдмунд.

– Это все твои интриги! – Антоний негодующе ткнул пальцем в брата. – Ты подучил и дочь, и этого парня. Он бы никогда не выдумал такой схемы, а она просто женщина. Это все твоих рук дело. Обычный заговор, чтобы надуть меня на мостовщине. Что ж, он провалился. Слава Богу, я не дурак!

Аббат развернулся и зашлепал по грязи.

– Не понимаю, как мой отец мог произвести на свет такого безмозглого упрямца, – скрипнул зубами Эдмунд и тоже заковылял прочь.

Керис повернулась к Мерфину:

– Ну и что ты думаешь?

– Не знаю. – Подмастерье не смотрел ей в глаза. – Я, пожалуй, пойду работать. – И ушел, не поцеловав.

– Ну и ну, – покачала она головой, когда юноша уже не мог ее слышать. – Что с ним такое?

8

Граф Ширинг приехал в Кингсбридж во вторник ярмарочной недели вместе с сыновьями, другими родственниками, а также свитой из рыцарей и сквайров[6]. Роланд выслал вперед людей, чтобы они разогнали всех с моста. За час до прибытия графа мост перекрыли, чтобы вельможа не уронил достоинство, дожидаясь очереди вместе с простолюдинами. Свита в черно-красных ливреях ехала по лужам под развевающимися знаменами, из-под копыт лошадей на горожан летела грязь. Граф Роланд очень преуспел за последние десять лет при королеве Изабелле и ее сыне Эдуарде III и хотел всем это показать, что свойственно сильным мира сего.

В свите ехал и Ральф. Какое счастье быть сквайром графа Роланда! Его хорошо кормили и одевали, сын сэра Джеральда учился ездить верхом и фехтовать и почти все время проводил на охоте, за играми и развлечениями. За шесть с половиной лет никто не попросил его ни прочитать, ни написать ни единого слова. Следуя за графом мимо скученных лотков, видя устремленные на него завистливые или испуганные взгляды, он жалел торговцев, ползающих в грязи за жалкие пенни.

Граф сошел с лошади у дома аббата. Его младший сын Ричард, епископ Кингсбриджа, вообще-то должен был служить в соборе, однако епископский дворец находился в графском городе Ширинге, в двух днях пути, что устраивало и епископа, которому приходилось решать не только религиозные, но и политические вопросы, и монахов, довольных, что за ними наблюдают не так пристально. Ричарду исполнилось всего двадцать восемь лет, но его отец был близок к королю, а это значило побольше, чем возраст.

Остальная свита свернула к южной части собора. Старший сын графа Уильям, лорд Кастер, велел сквайрам поставить лошадей на конюшню, человек пять рыцарей отправились в госпиталь. Ральф поспешил помочь жене Уильяма, леди Филиппе, сойти с лошади. Он был безнадежно влюблен в эту высокую красивую женщину с длинными ногами и глубоким декольте.

Когда все лошади были ухожены, сквайр отправился к отцу с матерью. Они жили в маленьком домике в юго-западной части города у реки, куда доносился мерзкий запах дубилен. Подходя к дому, Ральф в своей красно-черной ливрее поежился от стыда и порадовался, что леди Филиппа не видит, как низко пали его родители. Он не видел их год, оба постарели. Леди Мод поседела, а сэр Джеральд медленно слеп. Сына угостили монастырским сидром и собранной матерью в лесу земляникой. Отец пришел в восторг от ливрейных цветов.

– Граф еще не сделал тебя рыцарем? – нетерпеливо спросил он.

Каждый сквайр стремился стать рыцарем, но Ральф больше остальных. Отец не забыл унижения десятилетней давности, когда у него отобрали земли и семейство стало иждивенцем аббатства. В тот день в сердце Фитцджеральда-младшего вошла заноза, и боль не утихнет до тех пор, пока он не восстановит фамильную честь. Но не все сквайры становились рыцарями. Тем не менее отец всегда говорил так, будто для Ральфа это лишь вопрос времени.

– Пока нет. Но похоже, мы скоро отправимся на войну с Францией; там-то уж я себя проявлю.

Он старался говорить небрежно и не показать, как мечтает отличиться в сражении. Мать пришла в ужас.

– Почему короли всегда воюют?

---

[6] Сквайр (зд.): сопровождающий.

Отец засмеялся:

– Мужчины созданы для этого.

– Неправда, – резко ответила она. – Я в муках рожала Ральфа вовсе не для того, чтобы какой-нибудь французский меч снес ему голову или в сердце вонзился болт арбалета.

Отмахнувшись, отец спросил:

– Почему ты считаешь, что будет война?

– Король Филипп Французский занял Гасконь.

– Вот оно что. Этого мы, конечно, потерпеть не можем.

Английская корона на протяжении нескольких поколений владела этой провинцией на западе Франции. Купцы Бордо и Байонны имели немалые привилегии и вели дела не столько с Парижем, сколько с Лондоном. Но все-таки там было неспокойно. Ральф добавил:

– Король направил для заключения союза посольство во Фландрию.

– Союзники потребуют денег.

– Поэтому граф Роланд и приехал в Кингсбридж. Эдуард хочет занять у купцов.

– И сколько же?

– Говорят о двухстах тысячах фунтов, по всей стране, в счет будущих налогов на шерсть.

Мать негромко заметила:

– Не стоит королю загонять купцов в гроб.

– Да ну, у торгашей куча денег – посмотри только на их дорогую одежду. – В голосе отца сквозила горечь, и Ральф заметил, что на родителе поношенная льняная рубаха и старые башмаки. – И даже если нет, хотят же они, чтобы французский флот угомонился.

Весь прошлый год французские суда устраивали рейды в Южной Англии, грабя порты и сжигая корабли в гаванях.

– Французы нападают на нас, мы будем нападать на французов, – запричитала мать. – Ради чего?

– Женщине этого не понять! – рявкнул рыцарь.

– Чистая правда, – жестко отозвалась леди Мод.

Ральф сменил тему:

– Как брат?

– Стал хорошим ремесленником, – ответил отец.

Так барышник говорит, что малорослый пони – как раз то, что нужно женщине, подумал сквайр. Мать улыбнулась:

– Влюблен в дочь Эдмунда Суконщика.

– Керис? – Ральф улыбнулся. – Да, она всегда ему нравилась. Мы еще детьми играли вместе. Властная маленькая кокетка, но Мерфину, судя по всему, это не мешало. И что, собирается жениться?

– Думаю, да, – ответила Мод. – Когда закончится срок ученичества.

– Ну, нахлебается. – Ральф встал. – А где он сейчас?

– Работает у северного портала собора, – ответил отец. – Но может, сейчас обедает.

– Я поищу его.

Фитцджеральд поцеловал родителей и вышел. Вернулся в аббатство и прошелся по ярмарке. Дождь перестал. Отражаясь в лужах и поднимая пар от мокрых навесов, ярко светило солнце. Сквайр увидел знакомый профиль – прямой нос и сильный подбородок леди Филиппы, – и сердце его куда-то ухнуло. Она была чуть старше Ральфа – около двадцати пяти. Филиппа стояла у лотка и смотрела на рулон итальянского шелка, а влюбленный не мог оторвать взгляда от ее легкого летнего платья, стекающего с округлых бедер. Юноша отвесил вычурный придворный поклон. Супруга Кастера подняла глаза и слегка кивнула.

– Красивая ткань, – заметил он, пытаясь завязать разговор.

– Да.

В этот момент к ним подошел невысокий молодой человек с нечесаными рыжими волосами – Мерфин. Ральф был рад его видеть.

– Это мой умный старший брат, – представил сквайр.

Подмастерье обратился прямо к Филиппе:

– Купите бледно-зеленый. Он подойдет к вашим глазам.

Сквайр сморгнул. Это граничило с фамильярностью. Однако Филиппа, кажется, не обиделась, лишь с мягким упреком сказала:

– Если мне понадобится мнение мальчика, я спрошу своего сына. – Но улыбнулась почти кокетливо.

Ральф прошипел:

– Это же леди Филиппа, дурак! Прошу прощения за дерзость брата, миледи.

– Но как же его зовут?

– Я Мерфин Фитцджеральд; к вашим услугам в любое время, когда у вас возникнут сомнения относительно шелка.

Ральф взял родича за руку и оттащил, пока тот не ляпнул еще какую-нибудь глупость.

– Не знаю, как тебе это удается, – с раздражением и вместе с тем с завистью буркнул младший брат. – Значит, шелк подойдет к ее глазам, вот как? Если бы я брякнул что-нибудь в таком роде, меня бы высекли.

Он несколько преувеличивал, но Филиппа действительно обычно резко реагировала на дерзости. Ральф не знал, смеяться или сердиться, что леди так мягко отнеслась к Мерфину.

– Но это же я, – ответил Фитцджеральд-старший. – Мечта любой женщины.

Но прозвучало как-то грустно.

– Что-то не так? Как Керис?

– Я сморозил глупость. Потом расскажу. Пойдем посмотрим, пока солнце.

Ральф увидел лоток, с которого монах с пепельно-светлыми волосами продавал сыр.

– Гляди-ка. – Он подошел к лотку: – Этот выглядит аппетитно, брат. Откуда сыр?

– Из Святого Иоанна-в-Лесу. Небольшая обитель Кингсбриджского аббатства. Я тамошний настоятель, меня зовут Савл Белая Голова.

– Прямо слюнки потекли. Обязательно купил бы, но граф не дает сквайрам денег.

Монах отрезал от сырной головы кусок и передал Ральфу.

– Тогда получишь кое-что бесплатно, во имя Иисуса.

– Спасибо, брат Савл.

Уже отойдя, Ральф усмехнулся:

– Видишь? Это так же просто, как отобрать яблоко у ребенка.

– И почти так же достойно восхищения, – ответил Мерфин.

– Вот дурак – раздает сыр всем подряд, да еще с соплями!

– Наверно, считает, что лучше прослыть дураком, чем отказать в еде голодному.

– Ты сегодня прямо язва. Почему тебе можно дерзить леди, а я не могу выпросить у глупого монаха сыра?

Брат улыбнулся, что удивило Ральфа.

– Точно как в детстве, а?

– Точно! – Сквайр не знал, злиться или махнуть рукой. Тут к ним подошла симпатичная девушка с яйцами на подносе – худенькая, с маленькой грудью под домотканым платьем. Ральф улыбнулся ей и, хотя не собирался ничего покупать, спросил: – Сколько?

– Пенни за дюжину.

– Хорошие?

Та кивнула на соседний лоток:

– От тех куриц.

– А у курочек были хорошие петухи?

Мерфин в притворном отчаянии от выходки брата закатил глаза. Однако девушка усмехнулась и включилась в игру:

– Еще бы, сэр.

– А эти яйца приносят удачу?

– Не знаю.

– Ну конечно, откуда же. Девушки в этом ничего не смыслят.

Сквайр пристально смотрел на торговку. Светлые волосы и вздернутый нос. Лет восемнадцать, решил он. Худенькая моргнула и сказала:

– Пожалуйста, не смотрите на меня так.

Ее позвал крестьянин, стоявший у лотка, – несомненно, отец:

– Аннет! Иди сюда.

– Так тебя зовут Аннет, – подхватил Ральф.

Девушка сделала вид, что не слышала отца.

– Кто твой отец?

– Перкин из Вигли.

– Правда? Мой друг Стивен – лорд Вигли. Он тебя не обижает?

– Лорд Стивен справедлив и добр, – как положено, ответила девушка.

– Аннет! Ты мне нужна, – вновь позвал отец.

Ральф понимал, почему Перкин зовет дочь. Он, конечно, не против, если сквайр женится на Аннет: для нее это блестящая партия, – но боится, что тот поиграет с ней и бросит. И прав.

– Не уходи, Аннет из Вигли.

– Не уйду, пока не купите яиц.

– Что одна, что другой, – проворчал Мерфин.

– Да брось ты яйца и пойдем со мной. Прогуляемся по берегу.

Между рекой и стеной аббатства тянулся широкий берег, в это время года покрытый полевыми цветами; там часто прогуливались влюбленные. Но Аннет оказалась не такой уж простушкой.

– Отцу не понравится.

– Да брось ты.

Крестьянину очень трудно противостоять сквайру, особенно если тот в ливрее крупного графа. Поднять руку на одного из графских слуг – оскорбить вельможу. Перкин может попытаться уговорить дочь, но, удерживая ее силой, рискует. Однако подоспела помощь. Молодой голос произнес:

– Привет, Аннет, ты как?

Ральф повернулся. Юноша лет шестнадцати, но ростом почти с Ральфа, широкоплечий, с крупными руками, невероятно хорош собой: правильные черты, словно высеченные соборным скульптором, густые рыжевато-каштановые волосы и такая же, правда, редкая еще, борода. Сквайр спросил:

– Ты кто, черт подери?

– Вулфрик из Вигли, сэр. – Молодой человек был почтителен, но не робок. Он вновь повернулся к Аннет: – Я пришел помочь тебе продавать яйца.

Мускулистый юноша протиснулся между Ральфом и Аннет, загораживая девушку и оттесняя неожиданного соперника. Довольно дерзко, и Фитцджеральд-младший начал злиться:

– Отойди, Вулфрик из Вигли. Ты здесь не нужен.

Юноша так же уважительно, но бесстрашно ответил:

– Я помолвлен с этой девушкой, сэр.

– Истинная правда, сэр, они собираются пожениться, – вставил Перкин.

– Заткнись ты со своими крестьянскими бреднями, – презрительно бросил Ральф. – Плевать мне, замужем она за этим медведем или нет.

Графского сквайра раздосадовало, как с ним говорят вилланы[7]. Еще они будут ему указывать.

– Пойдем, Ральф, – предложил Мерфин. – Я есть хочу, а Бетти Бакстер торгует горячими пирогами.

– Пирогами? – переспросил брат. – Я больше люблю яйца.

Взял с подноса яйцо, выразительно погладил его, затем положил обратно и дотронулся до груди девушки. Она была твердой и имела форму яйца.

– Что вы делаете? – возмущенно воскликнула Аннет, но не двинулась.

Ральф легонько, с удовольствием стиснул грудь.

– Проверяю товар.

– Уберите руки.

– Еще чего.

В этот момент Вулфрик сильно оттолкнул соперника, и Фитцджеральд, никак не ожидая, что крестьянин посмеет прикоснуться к нему, оступился и упал. Кто-то рассмеялся, и удивление сквайра сменилось униженностью. Он в бешенстве вскочил. Меча при нем не было, но на поясе висел длинный кинжал. Однако недостойно набрасываться с оружием на безоружного виллана, можно потерять уважение в глазах рыцарей графа и других сквайров. Придется наказать Вулфрика кулаками. Вышедший из-за прилавка Перкин быстро заговорил:

– Это нелепое недоразумение, сэр, он не хотел, мальчику очень жаль, уверяю вас…

Аннет, однако, не испугалась.

– Ребята, ребята! – Кажется, ей все это очень нравилось.

Ральф не обратил на возгласы никакого внимания. Сделал шаг к Вулфрику, занес правый кулак и, когда тот поднял руки прикрыть лицо, вонзил левый кулак в живот. Вопреки ожиданиям мышцы у крестьянского парня оказались вовсе не рыхлыми, но Вулфрик все же скорчился, поморщился от боли и закрыл руками солнечное сплетение. Правым кулаком Ральф ударил виллана прямо в лицо, в скулу. Тут же заболела рука, но на душе стало легче.

К его удивлению, Вулфрик не рухнул на землю, не застыл в ожидании, что его начнут пинать ногами, а вложил всю силу плеча в правый кулак. Ральфу показалось, что нос его взорвался кровью и болью. Сквайр заревел от гнева. Крестьянин, кажется, сделал шаг назад, поняв весь ужас своего поступка, опустил руки и прижал их к туловищу ладонями внутрь.

Но жалеть было поздно. Ральф бил крестьянина кулаками по лицу, по корпусу, удары так и сыпались, а Вулфрик, пытаясь ослабить их силу, лишь выставлял руки и пригибал голову. Фитцджеральд бил, бил, но вместе с тем не переставал удивляться, почему Вулфрик не убегает, и решил, что деревенщина предпочел синяки и ссадины унижению. Парень с характером, и это приводило Ральфа в еще большее бешенство. Сквайр бил все сильнее, еще и еще, его душила ярость и одновременно восторг.

– Ради Бога, хватит. – Мерфин попытался успокоить брата, положив ладонь на плечо, но тот сбросил ее.

Наконец руки Вулфрика повисли вдоль тела, он зашатался, закрыл глаза и упал. Его красивое лицо было залито кровью. Ральф принялся пинать соперника ногами. Тут к ним подошел плотный мужчина в кожаных штанах.

– Ну все, сквайр, не убивай юношу, – твердо сказал он.

Узнав городского констебля Джона, Ральф крикнул:

---

[7] Вилланы – категория феодально-зависимого крестьянства.

– Он первым напал на меня!

– Ладно, больше не нападет – правда, сэр? – коли валяется на земле с закрытыми глазами. – Джон встал перед Фитцджеральдом. – Лучше бы обойтись без расследования коронера.

Вокруг Вулфрика собрались люди: Перкин, возбужденная Аннет, леди Филиппа, зеваки. Ральф обмяк, нос болел зверски. Дышать он мог только ртом, в глотке стояла кровь.

– Эта скотина сломала мне нос, – прогундосил сквайр.

– Значит, его накажут.

Подошли двое мужчин, похожие на Вулфрика. Отец и старший брат, подумал Ральф. Бросая сердитые взгляды на обидчика, они помогли Вулфрику встать на ноги.

– Сквайр ударил первым, – заговорил толстый Перкин с хитрым лицом.

– Но этот виллан толкнул меня! – вскипел Ральф.

– Сквайр оскорбил его невесту.

– Мало ли что сказал сквайр, – рассудил констебль. – Вулфрику следовало подумать, прежде чем поднимать руку на слугу графа Роланда. Боюсь, граф потребует сурового наказания.

– Разве издали новый ордонанс, констебль Джон, в котором говорится, что людям в ливреях закон не писан? – еле слышно спросил Вулфрик.

Люди одобрительно загудели. Молодые сквайры вели себя вызывающе и часто избегали наказания, поскольку носили ливреи какого-нибудь барона, что глубоко оскорбляло законопослушных торговцев и крестьян.

– Я невестка графа и все видела, – вмешалась леди Филиппа. Она говорила негромко, мелодично, но уверенно, как человек, облеченный властью. – Мне грустно об этом говорить, но вина за случившееся лежит исключительно на Ральфе. Сквайр недопустимо повел себя по отношению к девушке.

– Благодарю вас, миледи, – почтительно отозвался Джон Констебль. Обращаясь уже только к ней, он понизил голос: – Но думаю, графу не понравится, если крестьянский сын избегнет наказания.

Филиппа задумчиво кивнула.

– Нечего размусоливать. Посадите парня в колодки на двадцать четыре часа. В его возрасте это не повредит, но все будут знать, что справедливость восторжествовала. Граф останется доволен, ручаюсь вам.

Джон медлил. Ральф видел, что ему не нравится получать приказы от кого-либо, кроме хозяина – аббата Кингсбриджа. Однако решение Филиппы, несомненно, удовлетворит все стороны. Победитель, конечно, предпочел бы, чтобы Вулфрика высекли, но начинал смутно подозревать, что повел себя совсем не по-геройски и, потребуй он более сурового наказания, пожалуй, выйдет еще хуже. Наконец Джон произнес:

– Прекрасно, леди Филиппа, если вы берете на себя эту ответственность.

– Беру.

– Хорошо.

Констебль взял Вулфрика за руку и увел. Тот уже пришел в себя и шагал твердо. За ним двинулись родные. Наверное, пока наказанный будет сидеть в колодках, они принесут ему воды и еды и будут отгонять всех, кому захочется забросать его камнями и грязью. Мерфин спросил:

– Ты как?

Лицо брата вспухло, как воспаленный мочевой пузырь. Он гундосил, перед глазами плыло, все болело.

– Нормально. Лучше не бывает.

– Хорошо бы монах посмотрел твой нос.

– Нет. – Ральф не боялся драк, но терпеть не мог врачебные процедуры: всякие там кровопускания, банки, вскрытия нарывов. – Мне нужна только бутылка крепкого вина. Отведи меня в ближайшую таверну.

– Ладно, – буркнул Мерфин, но не двинулся, а искоса посмотрел на брата.

– Что с тобой? – спросил тот.

– Ты правда не меняешься.

Драчун пожал плечами:

– А разве кто-нибудь меняется?

9

Книга Тимофея привела Годвина в восторг. История Кингсбриджского аббатства, как большинство подобных книг, начиналась с сотворения Богом земли и неба. Но основное внимание в ней уделялось эпохе аббата Филиппа двухсотлетней давности, когда построили собор. Это время монахи теперь считали золотым веком. Автор книги, брат Тимофей, утверждал, что легендарный Филипп исповедовал железную дисциплину, однако не был лишен сострадания. Годвин не совсем понимал, как такое может совмещаться в одном человеке.

В среду ярмарочной недели, во время занятий перед службой шестого часа, Годвин сидел на высоком табурете в монастырской библиотеке; перед ним на пюпитре лежала открытая книга. Это было его любимое место в аббатстве: просторное, очень светлое, с высокими окнами; в запертом шкафу почти сотня книг. Обычно здесь стояла полная тишина, но сегодня доносился приглушенный гул ярмарки – тысячи людей продавали, покупали, торговались, ссорились; всё перекрывали выкрики торговцев, любителей петушиных боев и травли медведей.

В конце книги позднейшие авторы прослеживали родословную потомков строителей собора вплоть до нынешнего дня. Годвин с радостью – и искренним удивлением – нашел подтверждение уверениям матери о том, что ее предками были Том Строитель и его дочь Марта. Интересно, какие фамильные черты они переняли от Тома. Каменщик должен быть ловким дельцом, и дед Годвина, а также дядя Эдмунд обладали этим качеством. Да и двоюродная сестра Керис тоже, кажется, не промах. Может, Том смотрел на мир такими же зелеными глазами с золотыми пятнышками, как и все они.

Годвин узнал также кое-что о пасынке Тома Строителя Джеке, архитекторе Кингсбриджского собора, который женился на леди Алине и стал родоначальником династии графов Ширингов. Он был предком возлюбленного Керис Мерфина Фитцджеральда. Похоже на правду: молодого Мерфина уже можно назвать выдающимся плотником. В Книге Тимофея упоминались даже рыжие волосы Джека, которые унаследовали сэр Джеральд и Мерфин. Ральф, правда, нет.

Больше всего Годвина заинтересовала глава, где говорилось о женщинах. Судя по всему, во времена аббата Филиппа в Кингсбридже не было монахинь. Женщинам строго-настрого запрещалось входить на территорию аббатства. Автор, цитируя Филиппа, уверял, что по возможности монаху вообще не стоит смотреть на женщин, ради его же блага. Филипп не одобрял общие монастыри, считая, что преимущества совместного хозяйства меркнут по сравнению с возможностями дьявола искушать людей. В таких монастырях, добавлял он, разделение братьев и сестер должно быть максимально строгим.

Годвина ободрила авторитетная поддержка его давно сложившегося мнения. В мужском обществе оксфордского Кингсбриджского колледжа он чувствовал себя хорошо. Университетскими преподавателями, как и студентами, были мужчины, без исключения. Он почти не разговаривал с женщинами семь лет, а по городу ходил с опущенными глазами, умудряясь их даже не видеть. А вот когда вернулся в аббатство, монахини стали ему мешать.

Правда, у них имелась своя крытая аркада, трапезная, кухня и другие строения, но Годвин постоянно встречал их то в церкви, то в госпитале, то еще в каких-нибудь местах общего пользования. И сейчас хорошенькая молодая монахиня по имени Мэр, сидя всего в нескольких футах от него, справлялась по иллюстрированной книге насчет каких-то лекарственных трав. Еще хуже было встречать городских девушек в обтягивающих одеждах, с модными прическами, когда щеголихи свободно разгуливали по аббатству с разнообразными поручениями, приносили на кухню продукты или наведывались в госпиталь. Конечно, по сравнению с высокими принципами Филиппа аббатство пало. Вот ведь лишнее доказательство, что с Антонием монастырскую жизнь охватила какая-то всеобщая дряблость. Но возможно, ему удастся это исправить.

Прозвонил колокол на службу шестого часа, и ризничий закрыл книгу. Сестра Мэр, тоже захлопнув свой справочник, премило улыбнулась ему красными губами. Монах отвернулся и торопливо вышел.

Погода налаживалась: еще шел дождь, но пробивалось солнце. По небу неслись рваные облака, и витражи собора то вспыхивали, то мрачнели. Мысли Годвина тоже метались, отвлекая от молитвы. Он думал о том, как лучше использовать Книгу Тимофея, чтобы вдохнуть в аббатство новую жизнь, и решил поднять этот вопрос на ежедневном братском заседании капитула.

Строители уже много сделали после обрушения в минувшее воскресенье. Мусор убрали, часть собора отгородили веревками. В трансепт внесли и сложили в штабеля легкие каменные плиты. Работы продолжались и тогда, когда монахи запели. В течение дня было так много служб, что иначе строители застряли бы здесь навечно. Мерфин Фитцджеральд, отложив на время дверь, сооружал в южном приделе сложную конструкцию из веревок, перекладин и барьеров. Стоя на ней, каменщики будут выкладывать новый свод. Томас Лэнгли, отвечавший за строительство, беседовал в южном рукаве трансепта с Элфриком, указывая на обрушившийся потолок и, очевидно, обсуждая работу Мерфина.

Из Томаса вышел очень хороший помощник ризничего – решительный, требовательный. Когда строители по утрам опаздывали, что случалось нередко, он разыскивал их и выяснял, куда они запропастились. Если у него и имелся недостаток, так это излишняя независимость: редко докладывал Годвину о ходе дел или спрашивал его мнения – напротив, вел себя будто хозяин, а не подчиненный. Честолюбивого монаха глодало неприятное чувство, словно Томас недооценивает его способности. Возможно, старший Лэнгли – ему было тридцать четыре – считал, что Годвина, которому шел тридцать второй год, под давлением Петрониллы продвигает Антоний. Однако бывший воин ничем не показывал, будто уязвлен. Просто все делал по-своему.

Механически бормоча псалмы, ризничий увидел, что беседу Томаса с Элфриком прервали. В собор быстрым шагом вошел лорд Уильям Кастер, высокий чернобородый мужчина, очень похожий на своего отца и такой же резкий, хотя говорили, что иногда его гнев смягчает жена Филиппа. Он подошел к Томасу и кивком велел Элфрику отойти. Монах развернулся к Уильяму и снова стал похож на рыцаря Томаса Лэнгли, который пришел в аббатство, истекая кровью. Из-за той раны он, вероятно, и потерял руку.

Годвину было очень интересно, о чем идет беседа. Лорд Уильям наклонился вперед и говорил очень настойчиво, оживленно жестикулируя. Томас не испугался и отвечал твердо. Вдруг ризничий вспомнил, что Томас так же держался и десять лет назад, в день появления в аббатстве. Лэнгли беседовал с младшим братом Уильяма, Ричардом, тогда священником, а теперь епископом Кингсбриджа. Может, вздор, но Годвин почему-то решил, что сейчас они говорят о том же. Однако о чем? Что общего у монаха с благородным семейством? Да такого общего, которое за десять лет, кажется, ничуть не утратило своей важности? Лорд Уильям тяжелыми шагами вышел из церкви, очевидно, недовольный, и Томас вернулся к Элфрику.

Разговор десять лет назад кончился тем, что Лэнгли стал монахом аббатства. Годвин помнил: чтобы монастырь принял Томаса, Ричард пообещал некое пожертвование, однако впоследствии никогда больше ни о чем таком не слышал. Интересно, поступило ли оно. За все это время никто в аббатстве, кажется, ничего не узнал о прошлом нового брата, что странно: монахи любят посплетничать. Их было не много – сейчас двадцать шесть, – они постоянно общались и знали друг о друге почти все. У кого на службе состоял Лэнгли? Где жил? Большинство рыцарей имели несколько деревень, получая с них оброк, дававший возможность покупать лошадей, доспехи, оружие. Были ли у Томаса жена и дети? Если да, что с ними стало? Никто ничего не знал.

Если забыть о тайнах прошлого, Лэнгли стал прекрасным монахом, благочестивым и трудолюбивым. Казалось, иночество устраивало его больше, чем жизнь рыцаря. Хоть он и воевал, в нем было что-то мягкое, как во многих монахах. Тесно дружил с братом Матфеем, ласковым добрым человеком, на несколько лет моложе. Никому и в голову не приходило подозревать их в каких-то грехах.

Ближе к концу службы Годвин всмотрелся в мрак нефа и увидел мать. Петронилла стояла одна, неподвижно, как колонна, а солнечный луч освещал гордую седую голову. Интересно, сколько она уже здесь стоит, подумал ризничий. Миряне редко ходили на службы в будние дни, и монах, испытав смешанное чувство радости и тревоги, догадался, что родительница пришла к нему. Вспоминая, чем пожертвовала ради него гордая мать, он готов был рыдать от благодарности. И все же в ее присутствии всегда беспокоился, не мог отделаться от чувства, что сейчас его будут обвинять в каких-то прегрешениях. Когда монахи выходили, Годвин отделился от них и подошел к матери:

– Доброе утро, мама.

Петронилла поцеловала сына в лоб и сказала с тревогой в голосе:

– Ты похудел. Тебе хватает еды?

– Соленая рыба и каша, но много.

– Ты чем-то взволнован. – Она всегда видела его насквозь.

Годвин рассказал ей о Книге Тимофея.

– Может, прочесть эту главу на заседании капитула?

– А остальные тебя поддержат?

– Теодорик и молодые монахи – несомненно. Многие из них недовольны тем, что все время видят женщин. Все-таки они уходили от мира в мужское сообщество.

Мать одобрительно кивнула.

– Это выводит тебя на роль лидера. Великолепно.

– Кроме того, меня любят за горячие камни.

– Какие камни?

– Я ввел новые зимние правила. В морозные ночи перед утреней каждому выдают горячий, завернутый в тряпку камень. Ноги не так мерзнут.

– Очень умно. И все же прежде заручись поддержкой.

– Конечно. Но это в русле того, чему учили в Оксфорде.

– То есть?

– Человек слаб, нельзя полагаться на собственный разум. Мы не можем надеяться понять мир, наш удел – лишь изумленно взирать на творение Божье. Истинное знание приходит только в откровении. Мы не должны подвергать сомнениям принятую догму.

Петронилла слегка нахмурилась. Миряне часто так реагировали, когда ученые люди пытались объяснить им высокую философию.

– И в это верят епископы и кардиналы?

– Да. Парижский университет запретил труды Аристотеля и Фомы Аквинского, потому что они основаны не столько на вере, сколько на разуме.

– А такие рассуждения помогут тебе войти в милость к вышестоящим?

Только это ее и беспокоит. Она хотела, чтобы сын стал аббатом, епископом, архиепископом, даже кардиналом. Годвин хотел того же, но, надеялся, не так цинично.

– Уверен.

– Хорошо. Но я не для того к тебе пришла. Эдмунда постиг удар. Итальянцы могут переехать в Ширинг.

Годвин ахнул:

– Он же разорится.

Но монах пока не понимал, зачем родительница пришла с этим к нему.

– Мой брат надеется, что они останутся, если мы благоустроим шерстяную ярмарку и прежде всего снесем старый мост и построим новый, более широкий.

– Погоди-ка, но ведь Антоний отказал.

– Эдмунд не сдается.

– Ты хочешь, чтобы я поговорил с дядей?

Петронилла покачала головой:

– Его ты не переубедишь. Но если вопрос встанет на заседании капитула, поддержи Эдмунда.

– Пойти против дяди Антония?

– Всякий раз, когда старая гвардия будет принимать в штыки дельные предложения, в тебе должны видеть лидера реформаторов.

Годвин восхищенно улыбнулся:

– Мама, откуда ты столько знаешь про политику?

– Я тебе объясню. – Она отвернулась и уставилась на большую восточную розетку, перенесясь мыслями в прошлое. – Когда мой отец начал торговать с итальянцами, знатные горожане Кингсбриджа решили, что он выскочка. Задирали нос перед ним и его родными и делали все, чтобы помешать. Мать умерла, когда я была подростком, но отец стал рассказывать все мне. – Ее лицо, обычно бесстрастное, исказили горечь и обида: глаза сощурились, губы искривились, щеки горели от перенесенного некогда стыда. – Он понял, что не освободится, если не подомнет под себя приходскую гильдию. И вот как мы решили действовать. – Петронилла перевела дух, как будто снова собирала силы для длительной войны. – Мы ссорили вожаков, натравливали одну партию на другую, заключали союзы, затем их разрывали, беспощадно топили противников и использовали сторонников до тех пор, пока они были нам удобны, а затем бросали. Это заняло десять лет, но в конце концов отец стал олдерменом гильдии и самым богатым человеком города.

Мать уже рассказывала ему о деде, но никогда столь откровенно.

– Так ты ему помогала, как Керис Эдмунду?

Она жестко усмехнулась:

– Да. Только когда Эдмунд перенял дело, мы были самыми знатными горожанами. Мы с отцом поднялись на гору, а брат просто спустился по противоположному склону.

Их прервал Филемон, вошедший в собор из аркады. Высокий, с костлявой шеей, похожий на голубя, он нес ведро: в обязанности двадцатидвухлетнего служки входила уборка. Филемон был явно взволнован.

– Я искал вас, брат Годвин.

Петронилла сделала вид, что не замечает его состояния.

– Здравствуй, Филемон. Разве тебя еще не сделали монахом?

– Не могу внести необходимое пожертвование, мистрис Петронилла. Я ведь из скромной семьи.

– Но ради благочестивых послушников аббатство не раз отказывалось от пожертвований. А ты служка уже много лет, и на жалованье, и без.

– Брат Годвин предлагал меня, но некоторые старшие монахи выступили против.

– Карл Слепой ненавидит Филемона, не знаю почему, – вставил ризничий.

Петронилла пообещала:

– Я поговорю с братом Антонием. Он должен переубедить Карла. Ты верный друг моему сыну, и я хочу, чтобы ты стал монахом.

– Спасибо, мистрис.

– Ну что ж, ты, похоже, сгораешь от нетерпения сказать Годвину нечто наедине. Ухожу. – Она поцеловала сына. – Не забудь, о чем мы говорили.

– Не забуду, мама.

Годвин испытал облегчение, как будто грозовая туча прошла мимо, разразившись над кем-то другим. Как только Петронилла отошла, Филемон прошептал:

– Епископ Ричард!

Ризничий поднял брови. Филемон умел вызнавать чужие секреты.

– Что епископ Ричард?

– Он в госпитале, в одной из отдельных комнат наверху, со своей двоюродной сестрой Марджери!

Хорошенькой Марджери было шестнадцать лет. Ее родители – младший брат графа Роланда и сестра графини Марр – умерли, и девочку взял на воспитание Ширинг. Теперь он хотел выдать ее замуж за сына графа Монмаута. Этот союз существенно укрепил бы положение Роланда как самого влиятельного человека в Юго-Западной Англии.

– И что они там делают? – спросил Годвин, хотя уже догадывался.

Служка понизил голос:

– Целуются!

– Откуда ты знаешь?

– Я покажу.

Филемон двинулся к выходу через южный рукав трансепта. Пройдя через крытую аркаду мужского монастыря, оба по лестнице поднялись в дормиторий, бедно обставленное помещение, где в два ряда стояли простые деревянные кровати с соломенными матрацами. Через стену располагался госпиталь. Филемон подошел к широкому комоду, в котором хранились одеяла, и с трудом отодвинул его. За ним из стены вынимался камень. Интересно, как служка его обнаружил, тут же подумал Годвин и решил: наверное, что-то там прятал. Проныра осторожно, стараясь не шуметь, вынул камень и прошептал:

– Смотрите, скорее!

Годвин помедлил и тихо спросил:

– И за кем ты еще подсматривал?

– За всеми, – удивившись вопросу, ответил тот.

Монах понимал, что сейчас увидит, и испытал неприятное чувство. Подглядывать за негодным епископом, может, нормально для Филемона, но постыдно и ниже достоинства ризничего. Однако любопытство подстегивало. В конце концов он спросил себя, что сказала бы мать, и сразу понял: нужно смотреть.

Отверстие в стене располагалось чуть ниже уровня глаз. Годвин пригнулся. В углу одной из гостевых комнат над госпиталем, перед фреской с изображением Распятия, стояла скамеечка для молитвы, два удобных кресла и несколько табуретов. Когда съезжалось много важных гостей, мужчинам отводили одну комнату, женщинам – другую. Это была явно женская комната, так как на столике виднелись элегантные гребни, ленты и таинственные кувшинчики и флакончики.

На полу на одном из двух соломенных матрацев лежали Ричард, красивый, с волнистыми каштановыми волосами и правильными чертами лица, и Марджери, почти вдвое моложе его, худенькая, с белой кожей и темными бровями. Они не просто целовались.

Епископ целовал ее и что-то нашептывал на ухо. На полных губах девушки играла улыбка. Из-под задранного платья торчали красивые длинные белые ноги, между которыми лежала рука опытного Ричарда. Хотя Годвин и не имел женщин, но почему-то знал, что тот делает. Марджери, приоткрыв рот, влюбленными глазами смотрела на двоюродного брата и тяжело дышала, ее лицо пылало. Может, из-за сладких речей, но Годвин решил, что для Ричарда Марджери игрушка, а та считает, будто он полюбил ее на всю жизнь. Ризничий в ужасе замер. Вдруг Ричард убрал руку, Годвин увидел волнистые волосы и быстро отвернулся.

– Можно, я посмотрю? – попросил Филемон.

Годвин отодвинулся. Это ужасно, но что же теперь делать? И делать ли вообще что-нибудь? Служка приник к дырке и возбужденно прошептал:

– Он ее гладит.

– Хватит, – отрезал Годвин. – Мы достаточно видели. Даже слишком.

Филемон помедлил, затем неохотно отошел и вернул камень на место.

– Мы должны немедленно сообщить о поведении епископа!

– Заткнись и дай подумать, – шикнул монах.

Послушав Филемона, он наживет себе врагов в лице Ричарда, его могущественных родственников и ничего не добьется. Но несомненно, существует способ обратить ситуацию себе на пользу. Годвин попытался рассуждать, как мать. Если ничего не выиграть разоблачением, то, может быть, поставить на молчание? Наверно, Ричард будет благодарен, если тайну сохранят. Такой ход показался более удачным. Но для этого епископ должен знать, что Годвин покрывает его грех.

– Пойдем, – кивнул он Филемону.

Служка придвинул комод к стене. Интересно, слышно ли в соседней комнате, как двигают мебель, подумал ризничий. Вряд ли; кроме того, Ричард и Марджери так увлеклись, что им не до шума.

Спустились вниз. В гостевые комнаты вели две лестницы: одна располагалась в госпитале, другая снаружи, что позволяло важным гостям миновать помещения, где ходили простые люди. Годвин быстро поднялся по наружной лестнице. Перед комнатой замедлил шаг и тихо приказал Филемону:

– Иди следом. Ничего не предпринимай. Молчи. Уйдешь вместе со мной.

Служка поставил ведро на пол.

– Нет, – замотал головой монах. – Возьми.

– Хорошо.

Толкнув дверь, ризничий вошел и громко заговорил:

– Нужно как следует убрать эту комнату. Вылизать все углы… О, простите! Я думал, здесь никого нет.

Время, которое потребовалось Годвину и Филемону, чтобы перейти из дормитория в госпиталь, любовники потратили недаром. Ричард уже лежал поверх Марджери, ее стройные ноги торчали вверх. Понять эту мизансцену превратно было сложно. Епископ замер и посмотрел на Годвина возмущенно, испуганно и виновато одновременно. Марджери вскрикнула и тоже уставилась на вошедшего. Тот выдержал паузу.

– Епископ Ричард! – наконец воскликнул ризничий, изображая изумление. У того не должно остаться никаких сомнений в том, что он узнан. – Но что вы… и Марджери? – Монах будто только теперь все понял. – Простите! – Он развернулся и крикнул Филемону: – Пошел! Прочь!

Служка шустро выбежал из комнаты, гремя ведром. Годвин вышел следом, но в дверях еще раз обернулся. Ричард должен его запомнить. Любовники так и не пошевелились, но Марджери прикрыла рот рукой – аллегория застигнутого преступника, – а выражение лица

епископа свидетельствовало о том, что он судорожно соображает. Хотел что-то сказать, но никак не мог придумать что. Наконец Годвин решил оставить их в этом ужасном положении. Сделано все, что нужно.

Однако, выйдя и не успев даже закрыть дверь, он застыл от страха. По лестнице поднималась Филиппа. Монах тут же понял, что, если о тайне узнает кто-нибудь еще, секрет резко упадет в цене. Нужно предупредить Ричарда.

– Леди Филиппа! – громко поздоровался он. – Добро пожаловать в Кингсбриджское аббатство!

Из комнаты послышалось шуршание. Краем глаза ризничий отметил, что Ричард вскочил. По счастью, Филиппа не сразу прошла к себе, а заговорила с Годвином.

– Вы не могли бы мне помочь? – Оттуда, где стояла леди, не было видно, что происходит в комнате. – Я потеряла браслет. Не очень дорогой, просто резьба по дереву, но я его очень люблю.

– Как неприятно, – сочувственно ответил Годвин. – Я велю братьям и сестрам поискать.

– Я не видел, – встрял Филемон.

– Может, он соскользнул у вас с руки? – спросил монах.

Супруга лорда Кастера нахмурилась.

– Странно, я не надевала его, как приехала. Поднявшись в комнату, первым делом сняла браслет и положила на стол, а теперь не могу найти.

– Может, закатился куда-нибудь в угол. Филемон поищет. Он убирает гостевые комнаты.

Филиппа посмотрела на служку:

– Да, я видела тебя, когда уходила, примерно час назад. Он тебе не попадался, когда ты подметал?

– Я еще не подметал. Как раз пришла мисс Марджери, и мне пришлось прерваться.

– Филемон вернулся, чтобы убрать вашу комнату, но мисс Марджери… – аббат заглянул в комнату, – молится.

Девушка с закрытыми глазами преклонила колени на скамеечке – вероятно, просит прощения за свой грех, с надеждой подумал Годвин. Ричард стоял позади, сложив руки и что-то бормоча. Ризничий отступил в сторону, давая Филиппе пройти. Та подозрительно взглянула на деверя.

– Здравствуй, Ричард. Ты обычно не молишься по будням.

Он приложил палец к губам, указывая на Марджери. Леди не смутилась:

– Марджери может молиться, сколько ей угодно, но это женская комната, поэтому, пожалуйста, выйди.

Епископ, ничем не выдав облегчения, вышел, закрыл дверь, развернулся и уткнулся в Годвина. Может, он и хотел возмутиться, что тот осмелился войти в комнату, не постучав, но чувство вины, видимо, мешало ему с криком наброситься на монаха. С другой стороны, епископ не мог попросить сохранить тайну, ведь тем самым он оказался бы в полной власти ризничего. Повисло гнетущее молчание. Не дав Ричарду оправиться, Годвин сказал:

– Никто ничего не узнает.

Епископ облегченно вздохнул и перевел взгляд на служку:

– А он?

– Филемон хочет стать монахом. Он постигает добродетель послушания.

– Я у вас в долгу.

– Каждый должен исповедовать свои грехи, не чужие.

– И все же я благодарен, брат…

– Годвин, ризничий. Племянник аббата Антония. – Ричард должен знать, что он не с улицы и может наделать шума. Но чтобы угроза стала несомненной, добавил: – Много лет назад, прежде чем ваш отец стал графом, моя мать была с ним помолвлена.

– Я слышал об этом.

Годвин хотел еще сказать: «И ваш отец бросил мою мать, так же как вы бросите несчастную Марджери». Но вместо этого учтиво закруглился:

– Мы могли бы быть братьями.

– Да.

Прозвучал колокол на обед. Троица с облегчением разошлась: епископ направился к дому аббата Антония, Годвин – в монашескую трапезную, а Филемон – на кухню, где помогал подавать.

Подходя через крытую аркаду, заговорщик думал. Его возбудила животная сцена, но, кажется, он поступил правильно. Вроде бы Ричард поверил.

Хранитель тайны сел за стол рядом с Теодориком, бойким монахом на пару лет моложе. Тот не учился в Оксфорде и, следовательно, смотрел на ризничего снизу вверх. Годвин держался с ним как с равным, что льстило Теодорику.

– Только что прочитал, тебе будет интересно. – И хитрец вкратце поведал ему об отношении досточтимого аббата Филиппа к женщинам вообще и монахиням в частности. – Ты уже давно об этом говоришь.

На самом деле Теодорик никогда не высказывался по этому вопросу, но всегда соглашался с более образованным товарищем, недовольным нерешительностью аббата Антония.

– Конечно. – У Теодорика были голубые глаза и светлая кожа, покрасневшая теперь от волнения. – Как мы можем очистить помыслы, если нас постоянно отвлекают женщины?

– Но что же делать?

– Нужно выступить против аббата.

– Ты имеешь в виду, на заседании капитула? – спросил Годвин, как будто это была идея Теодорика. – Да, блестящий план! Но поддержат ли нас остальные?

– Молодые – да.

Молодежь почти всегда критикует старших, подумал ризничий. Кроме того, он знал, что многие монахи тоже предпочли бы монастырь без женщин или такой, где их по крайней мере не видно.

– Если будешь говорить с кем-нибудь до заседания капитула, дай мне знать, как к этому отнесутся.

Теперь Теодорик обойдет всех и будет просить поддержки. Внесли тушеную соленую рыбу и фасоль. Не успел Годвин дотронуться до еды, как встрял Мёрдоу – монах в миру.

Странствующие монахи жили среди мирян, считая, что ведут более праведную жизнь, чем затворники в монастырях, чей обет нестяжания под тяжестью роскошных построек и крупных земельных владений трещал по швам. Монахи в миру не имели собственности, даже церквей – хотя многие отступали от идеала, принимая от благочестивых почитателей земли и деньги. Сохранявшие же верность изначальным принципам жили подаянием и спали на кухнях. За проповеди на рынках и у таверн им бросали мелкие монеты. Но при необходимости они без колебаний столовались и ночевали в монастырях у обычных монахов. Неудивительно, что их убежденность в собственной святости воспринималась остальной братией в штыки.

Мёрдоу был особенно противным: жирный, грязный, жадный, часто пьяный, нередко его видели в компании проституток. Но этот талантливый оратор умел удерживать внимание сотен людей своими красочными, хоть и сомнительными с богословской точки зрения проповедями. Теперь он без знака высших иерархов встал и начал громко молиться:

– Отче, благослови эту пищу для наших бренных падших тел, полных греха, как мертвый пес полон червей…

Молитвы Мёрдоу, как правило, всегда были длинными. Годвин со вздохом отложил ложку.

На заседаниях капитула всегда читали вслух – обычно из правила святого Бенедикта, но часто из Библии и других священных книг. Когда монахи заняли места на покатых каменных скамьях, расположенных кругом в восьмиугольном здании, Годвин подошел к молодому брату, который должен был читать, и спокойно, но твердо сказал, что сегодня это послушание он выполнит сам, и в нужный момент зачитал тот самый отрывок из Книги Тимофея.

Ризничий нервничал. Он вернулся из Оксфорда год назад и с того времени потихоньку шептался по углам о реформировании аббатства, но до сих пор открыто против Антония не выступал. Аббат слаб и ленив, его нужно вывести из апатии. Более того, святой Бенедикт писал: «На заседания капитула нужно приглашать всех, ибо Господь часто открывает пути юным». Годвин вполне имел право поднять на заседании вопрос о более строгом соблюдении монашеского устава. И все же вдруг испугался. Следовало тщательнее продумать, как тактически использовать Книгу Тимофея. Но теперь уже поздно. Ризничий закрыл книгу.

– У меня вот какой вопрос к самому себе и к братии: не пали ли мы по сравнению с эпохой аббата Филиппа в том, что касается разделения братьев и сестер?

На студенческих дебатах он научился тому, что лучше всего выдвигать свой тезис в форме вопроса, отнимая тем самым у противника возможность возразить.

Первым ответил Карл Слепой, помощник и сторонник настоятеля.

– Некоторые монастыри расположены вдали от населенных пунктов, или на необитаемом острове, или в лесу, или высоко в горах, – неторопливо начал он. – В таких обителях братия отрешена от всяких контактов с миром. Кингсбридж всегда был другим. – От его взвешенных слов Годвин заерзал. – Мы находимся в центре большого города, где живут семь тысяч душ. Служим в одном из самых прекрасных христианских соборов. Многие из нас являются врачами, поскольку святой Бенедикт сказал: «Особо нужно заботиться о больных, ибо каждый поступок монаха должен напоминать о самом Христе». Мы лишены роскоши полной изоляции. Господь предназначил нас для другой миссии.

Возмутитель монастырского спокойствия ожидал чего-либо подобного. Карл терпеть не мог, когда переставляли мебель, просто натыкался на нее. Так же он противился любым переменам, опасаясь спасовать перед неизвестностью. Теодорик быстро возразил:

– Тем более мы должны строже соблюдать правила. Живущий рядом с таверной должен особенно старательно избегать винопития.

Монахи одобрительно загудели: они любили остроумные ответы. Годвин кивнул Теодорику, белое лицо которого порозовело от благодарности. Расхрабрившийся послушник по имени Юлий громко прошептал:

– Чего Карлу женщины, он их не видит.

Кто-то из монахов рассмеялся, но многие неодобрительно покачали головой. Годвин решил, что все идет хорошо. Вроде пока чаша весов клонится в его сторону. Тут заговорил аббат Антоний:

– Что именно ты предлагаешь, брат Годвин?

Дядя не учился в Оксфорде, но неплохо умел заставить противника выложить карты на стол. Годвин неохотно ответил:

– Может быть, стоит вернуться к правилам времен аббата Филиппа?

– Что ты хочешь этим сказать? Никаких монахинь?

– Да.

– И куда же им деваться?

– Женский монастырь можно перенести в другое место, он мог бы стать уединенной обителью аббатства, как Кингсбриджский колледж или братство Святого Иоанна-в-Лесу.

Все заволновались. Поднялся шум, с которым аббату не сразу удалось справиться. Раздался голос старшего врача Иосифа, умного, но гордого человека, которого Годвин остерегался.

– Как же мы управимся с госпиталем без монахинь? – Из-за плохих зубов старший брат пришепетывал, отчего казалось, что он пьяный. Но говорил при этом весьма твердо. – Они разносят лекарства, меняют повязки, кормят тяжелобольных, причесывают дряхлых стариков…

Теодорик заметил:

– Все это могут делать монахи.

– А роды? Часто женщинам трудно произвести на свет ребенка. Как же братья станут помогать им совершать подобное… действие?

Многие закивали, но Годвин, предвидевший этот вопрос, предложил:

– А если сестры переедут в старый лепрозорий?

Прокаженным в свое время отвели небольшой остров на реке к югу от города. Когда-то в нем было полно несчастных, но проказа, похоже, исчезла, и теперь там жили только двое престарелых монахов. Остроумный брат Катберт пробормотал:

– Не хотел бы я сообщить матери Сесилии о том, что ей придется поселиться в лепрозории.

Послышался смех.

– Женщинами должны править мужчины, – заметил Теодорик.

– И матерью Сесилией правит епископ Ричард, – возразил Антоний. – Ему и принимать подобные решения.

– Да не допустят этого небеса, – раздался голос казначея Симеона. Этот худой человек с продолговатым лицом выступал против любых предложений, связанных с расходами. – Мы не сможем жить без монахинь.

– Почему? – удивленно спросил Годвин.

– У нас мало денег, – быстро ответил казначей. – Когда нужно восстанавливать собор, как вы думаете, кто платит строителям? Не мы – мы не можем. Платит мать Сесилия. Она же покупает все для госпиталя, пергамент для скриптория, лошадиный корм. За все, чем братья и сестры пользуются совместно, платит настоятельница.

Годвин сник.

– Как же это возможно? Почему мы так зависим от них?

Симеон пожал плечами:

– Уже много лет благочестивые жены завещают женскому монастырю земли и другое имущество.

Но это не вся правда, ризничий был уверен. У монахов тоже немало источников доходов. Важно, как ими распоряжаться. Однако сейчас поднимать подобный вопрос нельзя, а других аргументов он найти не мог. Затих даже Теодорик. Антоний примирительно сказал:

– Ладно, крайне интересный разговор. Спасибо, брат Годвин. А теперь давайте помолимся.

Реформатор был слишком зол, чтобы молиться. Он ничего не добился и побаивался, что совершил ошибку. Когда монахи выходили, Теодорик испуганно посмотрел на собрата:

– Я не знал, что сестры дают так много денег.

– А кто ж знал, – ответил Годвин и, поймав себя на том, что с ненавистью смотрит на Теодорика, поспешил добавить: – Но ты был великолепен. Спорил с ними лучше, чем оксфордские мужи.

Теодорик расцвел.

В это время суток монахам полагалось заниматься в библиотеке или с молитвой прогуливаться по аркаде, но у Годвина имелись другие планы. За обедом и на заседании капитула его неотвязно преследовала одна мысль. Возмутитель спокойствия гнал ее, так как внимания требовали более важные вопросы, но теперь пришел к выводу, что пора проверить свою догадку о том, куда подевался браслет леди Филиппы.

Какие тайники могут быть в монастыре? Монахи спали в общем дормитории, отдельной комнатой располагал только аббат. Даже в отхожем месте братья сидели рядышком над корытом, промывающимся проточной водой из трубы. Им не дозволялось личное имущество, ни у кого не было ни шкафа, ни даже ящика. Но сегодня Годвин увидел настоящий тайник.

Ризничий поднялся в пустой дормиторий, отодвинул комод с одеялами и вынул камень. Стараясь не смотреть в отверстие, Годвин вслепую пошарил, очертив рукой круг. Нащупав справа небольшую щель, просунул туда пальцы и натолкнулся на какой-то предмет – не камень и не застывший строительный раствор. Подцепив находку пальцами, вытащил деревянный резной браслет.

Годвин поднес его к свету. Прочное дерево – может быть, дуб. Внутренняя сторона отполирована, а на внешней аккуратно вырезан замысловатый орнамент из квадратов и диагоналей. Ризничий понял, почему леди Филиппа так любит этот браслет. Монах положил его обратно, задвинул камень и вернул комод на место. Что прохвост собирается с ним делать? Может, конечно, продать за пару пенни, хотя это опасно, потому что браслет легко узнать. Но служка точно не сможет его носить.

Годвин вышел из дормитория и спустился по лестнице во дворик аркады. Он был не в настроении ни заниматься, ни молиться. Ему нужно поговорить о том, что сегодня произошло. Необходимо повидать мать. Она, разумеется, может выбранить его за провал на заседании капитула, но наверняка похвалит за епископа Ричарда. Ему очень хотелось рассказать эту историю. Сыщик и хранитель тайны отправился ее искать.

Строго говоря, это не разрешалось. Монахи не могли разгуливать по городу в свое удовольствие. Нужна причина, и формально, прежде чем выйти за территорию монастыря, они должны спрашивать разрешения аббата. Но у монахов, выполняющих определенные послушания и занимающих некоторые должности, имелись десятки таких причин. Аббатство постоянно вело дела с торговцами – покупало продукты, ткани, обувь, пергамент, свечи, садовые инструменты, лошадиный корм и прочие необходимые товары. Кроме того, оно владело землями почти всего города. А врача могли позвать к больному, который сам не в состоянии прийти в госпиталь. Так что братья на улицах встречались, и с ризничего вряд ли потребуют объяснения, что он делает за пределами монастырских стен. Тем не менее следовало соблюдать осторожность, и, выходя из аббатства, Годвин убедился, что его никто не видит. Он прошел через оживленную ярмарку по главной улице к дому дяди.

Как он и надеялся, Эдмунд и Керис ушли по делам, и, не считая слуг, Петронилла была одна.

– Вот так утешение для матери. Вижу тебя второй раз за день! Заодно и покормлю. – Она налила ему большую кружку крепкого эля и велела кухарке принести блюдо с холодной говядиной. – Как прошло заседание капитула?

Сын подробно ей рассказал, прибавив в конце:

– Я слишком поторопился.

Она кивнула:

– Мой отец всегда говорил: «Никогда не назначай встречу, если не уверен в ее исходе».

Годвин улыбнулся:

– Я это запомню.

– Ну, не важно, думаю, хуже ты не сделал.

Монах с облегчением вздохнул. Мать не рассердилась.

– Но у меня больше нет аргументов.

– Ты заявил о себе как о реформаторе.

– Но при этом выставил себя полным дураком.

– Все лучше, чем ничтожество.

Годвин не был в этом уверен, но, как обычно, сомневаясь в мудрости материнских советов, не стал с ней спорить, а решил подумать потом.

– Еще кое-что интересное.

И Годвин рассказал про Ричарда и Марджери, опустив грубые физиологические подробности. Петронилла удивилась.

– Ричард, должно быть, с ума сошел. Если граф Монмаут узнает, что она не девственница, помолвка будет расторгнута. Граф Роланд придет в ярость. Ричарда могут лишить сана.

– Но ведь у многих епископов есть любовницы?

– Это другое дело. Священник может иметь экономку, которая, по сути, является его женой во всем, кроме названия. У епископа таких может быть несколько. Но лишить девственности знатную невесту незадолго до свадьбы… Даже графскому сыну трудно надеяться после такого остаться клириком.

– И как ты думаешь, что мне делать?

– Ничего. Пока ты действовал превосходно. – Сияя от гордости, она добавила: – В один прекрасный день у тебя будет мощное оружие. Просто не забывай об этом.

– И еще. Я думал, как же Филемон отыскал этот камень, который отходит, и решил, что он уже давно использует его как тайник. И оказался прав: нашел там браслет, который потеряла леди Филиппа.

– Интересно. Сдается, что этот служка будет тебе полезен. Он готов на все, понимаешь? Без совести, без морали. У моего отца был приятель, который делал за него всю грязную работу – распускал слухи, ядовитые сплетни, плел интриги. Такие люди бесценны.

– Думаешь, не нужно докладывать о краже?

– Разумеется, нет. Заставь его вернуть браслет, если считаешь, что это важно. Пусть скажет, что нашел его, когда подметал комнату. Но не выдавай. Гарантирую, ты пожнешь богатый урожай.

– Так что же, мне покрывать его?

– Как бешеную собаку, которая бросается на грабителей. Такие псы опасны, но без них не обойтись.

10

В четверг Мерфин закончил дверь. Работа в южном приделе уже была выполнена, леса стояли. Ему не пришлось делать опалубку для каменщиков, так как Годвин и Томас решили сэкономить, применив его метод. Он вернулся к резьбе и тут же увидел, что дверь почти готова. Примерно час подправлял волосы мудрой деве, еще час – глупую улыбку юродивой, но вряд ли стало лучше. Он медлил, так как все время думал о Керис и Гризельде.

Ему с таким трудом давались разговоры с Керис всю эту неделю. Молодой человек сгорал со стыда. Каждый раз, видя ее, вспоминал, как обнимал Гризельду, целовал, был с ней близок – с женщиной, которая ему даже не нравилась, о любви и говорить нечего. Хотя раньше Фитцджеральд часто думал о близости с Керис, теперь эта мысль его пугала. С Гризельдой все прошло нормально – ну хорошо, не все, но не в этом дело. Он испытывал бы то же самое, будь на месте дочери Элфрика любая другая женщина, не Керис. Сблизившись не с ней, он лишил эту самую близость всякого смысла. Подмастерье смотрел на свою работу, стараясь не думать о Керис и прикидывая, все ли готово.

К северному порталу подошла умница Элизабет Клерк, бледная красавица двадцати пяти лет с облаком белокурых волос. Ее отец являлся епископом Кингсбриджа до Ричарда. Он, как и Ричард, жил во дворце Ширинга, и во время одного из его частых посещений Кингсбриджа епископа покорила служанка «Колокола». Незаконнорожденная Элизабет чувствительно относилась к своему происхождению, бурно реагировала на малейшее проявление неуважения и чуть что обижалась. Но Мерфину девушка нравилась. Когда ему было восемнадцать, она позволяла ему целовать себя и гладить высокую плоскую грудь, похожую на две плошки. Их роман кончился из-за ерунды. Юноша как-то пошутил про похотливых священников, и Элизабет не простила. Но продолжала нравиться.

Красавица тронула его за плечо, посмотрела на дверь и, прикрыв рот рукой, ахнула:

– Да они будто живые!

Мерфин заволновался. Ее похвалу заслужить нелегко. И все-таки нужно держаться скромнее.

– Я просто сделал их разными, а на старой двери все одинаковые.

– Нет, не просто. Девы как будто сейчас сойдут и заговорят с нами.

– Спасибо.

– Но весь собор совсем в другом стиле. Что скажут монахи?

– Брату Томасу нравится.

– А ризничему?

– Годвину? Не знаю. Но если поднимется шум, пойду к аббату Антонию. Тот не станет заказывать новую дверь и платить дважды.

– Ну что ж, – задумалась девушка, – в Библии не говорится, что они все одинаковые. Просто пять мудрых подготовились и встретили Жениха, а пять юродивых тянули до последней минуты и в результате не попали на брачный пир. А что Элфрик?

– Такое не для него.

– Но он твой мастер.

– Его волнуют только деньги.

Элизабет покачала головой:

– Проблема в том, что ты лучше. Это стало ясно несколько лет назад и всем известно. Элфрик никогда этого не признает и потому ненавидит тебя. Можешь пожалеть, что сделал такую прекрасную дверь.

– И всегда-то ты все видишь в черном свете.

– Вот как? – обиделась Клерк. – Что ж, посмотрим. Надеюсь, я ошибаюсь.

Белокурая красавица собралась уходить.

– Элизабет?

– Да?

– Я правда очень рад, что тебе понравилось.

Девушка не ответила, но, кажется, несколько оттаяв, махнула на прощание рукой.

Мерфин решил, что дверь готова, и обмотал ее грубой мешковиной. Все равно показывать Элфрику, почему бы и не сейчас. Дождь прекратился, по крайней мере на время. Фитцджеральд попросил одного работника помочь. У строителей имелся особый способ переноски тяжелых громоздких вещей. Параллельно клали на землю два прочных шеста, а на них перпендикулярно по центру – доски, на которые затаскивали груз, затем люди вставали между шестами с обоих концов и поднимали. Это называлось растяжкой; так же носили больных в госпиталь. Но даже на растяжке дверь оказалась очень тяжелой. Мерфин, правда, был привычен к тяжестям. Мастер никогда не давал ему поблажек из-за хрупкости телосложения, и в результате подмастерье стал удивительно сильным.

Вдвоем с помощником занесли дверь в дом Элфрика. На кухне сидела Гризельда, сегодня еще более аппетитная – грудь даже вроде стала больше. Мерфин терпеть не мог ссориться с людьми и попытался быть приветливым.

– Хочешь посмотреть мою дверь? – спросил он, проходя мимо.

– Чего мне на нее смотреть?

– Она резная. Это притча о мудрых и юродивых девах.

Дочь хозяина невесело усмехнулась:

– Только не надо мне про дев.

Пронесли дверь во двор.

Мерфин не понимал женщин. После того случая Гризельда была холодна с ним. Если она так к нему относится, то зачем это сделала? Девушка ясно давала понять, что больше не хочет. Сказал бы он этой пышке, что разделяет ее чувства – молодого человека в самом деле воротило при воспоминании, – но это оскорбление, и он вообще ничего не говорил.

Поставили растяжку на землю, и помощник Мерфина ушел. Крепкий Элфрик, наклонившись над кучей дерева, считал рейки, постукивая по каждой квадратным бруском в пару футов длиной и высунув язык, что делал всегда, когда приходилось шевелить мозгами. Мастер сердито посмотрел на ученика, и тот, не говоря ни слова, просто развернул дверь и гордо прислонил ее к груде камней. Следуя традиции и образцу, он вместе с тем сделал нечто свое, что приводило людей в восторг. Резчик с нетерпением ждал, когда дверь навесят в собор.

– Сорок семь, – буркнул Элфрик и повернулся к Мерфину.

– Я закончил дверь, – небрежно сказал тот. – Как вам?

Хозяин бросил взгляд на работу. Ноздри его большого носа удивленно раздулись. Затем он без предупреждения ударил Мерфина по лицу бруском, которым отсчитывал рейки. Это был приличный кусок дерева, и удар вышел сильным. От неожиданной боли юноша вскрикнул, оступился и упал.

– Кусок дерьма! – завопил мастер. – Ты обесчестил мою дочь!

Подмастерье хотел возразить, но рот его оказался полон крови.

– Как ты посмел! – рычал хозяин.

Как по сигналу из дома вышла Алиса.

– Змея! – завопила она. – Пробрался в наш дом и позоришь юную девушку!

Делают вид, что так вышло случайно, однако все спланировали, понял Мерфин. Выплюнул кровь и усмехнулся:

– Обесчестил? Она не была девушкой!

Элфрик вновь замахнулся. Фитцджеральд откатился, но полено больно пришлось по плечу. Алиса не унималась:

– Как ты мог поступить так с Керис? Моя бедная сестренка! Если она об этом узнает! Это разобьет ей сердце.

– А ты, конечно, поспешишь ей сообщить, сволочь.

– Но ты не сможешь тайно жениться на Гризельде, – удивилась Алиса.

– Жениться? Я не собираюсь на ней жениться. Да она меня ненавидит!

На этих словах появилась Гризельда:

– Конечно, я не хочу выходить за тебя замуж. Но придется. Я беременна.

Мерфин уставился на нее:

– Это невозможно – мы делали это всего один раз.

Элфрик грубо рассмеялся:

– Для этого достаточно и одного раза, дурак.

– И все-таки я не женюсь на ней.

– Не женишься – вылетишь вон, – набычился хозяин.

– Вы этого не сделаете.

– Почему же?

– Мне все равно, я на ней не женюсь.

Элфрик положил полено и взял топор.

– Боже милостивый! – прошептал Мерфин.

Алиса сделала шаг вперед.

– Элфрик, не убивай.

– Отойди, женщина. – Мастер занес топор.

Всерьез испугавшись, Фитцджеральд на карачках быстро отполз в сторону. Элфрик опустил топор. Но не на Мерфина, а на дверь.

– Не-ет! – завопил тот.

Острое лезвие вонзилось в лицо длинноволосой девы и расщепило древесину.

– Прекратите! – кричал юноша.

Элфрик вновь поднял топор и с силой опустил. Дверь раскололась. Подмастерье вскочил. К его ужасу, по щекам текли слезы.

– Вы не имеете права! – Молодой человек хотел кричать, но издавал лишь какой-то свистящий шепот.

Элфрик занес топор:

– Отойди, козявка, не искушай меня.

Мерфин заметил в глазах мастера безумный блеск и отступил. Хозяин снова опустил топор на дверь. Резчик стоял и смотрел, а по щекам текли слезы.

11

Две собаки, Скип и Скрэп – из одного помета, хоть и не похожие друг на друга, – обрадовались встрече. Скип был коричневым, а Скрэп маленькой и черной. Скип тощий и подозрительный – типично деревенский пес, – а горожанка Скрэп упитанная и благодушная.

Прошло уже десять лет с тех пор, как Гвенда выбрала Скипа на полу комнаты в большом доме торговца шерстью, в день, когда умерла мать Керис. Девочки подружились. Правда, виделись они всего пару раз в год, но рассказывали друг другу все. Дочь бедняка почему-то знала, что может поделиться с подругой чем угодно и это не станет известно ни ее родителям, ни кому другому в Вигли. От души надеялась, что это взаимно: сама она не общалась с кингсбриджскими девчонками и не могла по неосторожности чего-нибудь ляпнуть.

Гвенда приехала в Кингсбридж в пятницу ярмарочной недели. Ее отец отправился на торг продавать шкурки белок, пойманных в силки, которые он расставлял в лесу возле Вигли. Девушка пошла прямо к Суконщице. Как всегда, заговорили про мальчиков.

– Мерфин ходит какой-то странный, – покачала головой Керис. – В воскресенье был нормальный, мы целовались, а в понедельник отводил глаза.

– Он в чем-то виноват, – тут же решила Гвенда.

– Может, это Элизабет. Клерк всегда на него заглядывалась, хотя холодная как ледышка и слишком старая.

– А ты с Мерфином уже это делала?

– Что?

– Ну, ты понимаешь… В детстве я называла это хрюканьем, потому что звуки, которые издают взрослые, похожи на свинские.

– Ах это. Нет, еще нет.

– Почему?

– Не знаю…

– Не хочешь?

– Хочу, но… Скажи, неужели ты собираешься всю жизнь выполнять чьи-то приказы?

Гвенда пожала плечами:

– Да нет, но не очень и боюсь.

– А ты? Ты это уже делала?

– Толком нет. Пару лет назад, просто чтобы посмотреть, что это такое, я разрешила одному мальчишке из соседней деревни. Знаешь, такое приятное тепло, как будто пьешь вино. Но только один раз. А Вулфрику разрешила бы в любой момент.

– Вулфрику? Вот это новости!

– Еще бы. Понимаю, что знаю его с детства, когда он дергал меня за волосы и удирал. Но как-то раз, после Рождества, он вошел в церковь, и я поняла, что Вулфрик стал мужчиной. Ну, может, и не совсем мужчиной, но просто красавец. У него был снег в волосах, а на шее кашне горчичного цвета. Ну такой красивый!

– Ты его любишь?

Гвенда вздохнула. Точно она не знала, но думала о нем все время и не представляла, как будет жить без него. Мечтала похитить и запереть где-нибудь в лачуге далеко в лесу, чтобы он не смог убежать.

– Ну, все ясно, – посмотрев на подругу, улыбнулась Керис. – А он?

Та покачала головой:

– Даже не говорит со мной. Хоть бы сделал что-нибудь, показал, что вообще меня знает. Конечно, он всего-навсего дергал меня за волосы. Но Вулфрик втюрился в Аннет, дочь Перкина. Самовлюбленная корова. А этот ее обожает. Их отцы – самые богатые в деревне. Перкин разводит и продает несушек, а у отца Вулфрика пятьдесят акров.

– Звучит безнадежно.

– Не знаю, – пожала плечами Гвенда. – Почему безнадежно? Аннет может умереть. Вулфрик может понять, что всегда любил меня. Мой отец может стать графом и приказать ему жениться на мне.

Керис еще раз улыбнулась:

– Ты права. Любовь никогда не бывает безнадежной. Я хочу на него посмотреть.

Гвенда встала.

– Я так и думала. Пойдем поищем.

Девушки вышли из дома, собаки поплелись следом. Потоки дождя, заливавшие город почти всю неделю, превратились в мелкую морось, но жуткая грязь на главной улице так и не просохла. Тысячи посетителей ярмарки «подкормили» мусорные кучи гнильем, и всю эту гадость обильно удобрял лошадиный навоз. Когда девушки шлепали по отвратительным лужам, Суконщица спросила у подруги, как дела дома.

– Корова сдохла, – ответила та. – Нужна новая, а я понятия не имею, где отец собирается взять денег. Больше пары белок продать ему нечего.

– Коровы по двенадцать шиллингов в этом году, – озабоченно заметила Керис. – Это сто сорок четыре серебряных пенни.

Тут же посчитала в уме: у Буонавентуры Кароли девушка выучила арабские цифры и утверждала, что они проще.

– Последние годы мы продержались благодаря этой корове, особенно малыши.

Гвенда знала, что такое настоящий голод. Даже несмотря на коровье молоко, четыре младенца у мамы умерли. Неудивительно, что Филемон так хотел стать монахом: чем не пожертвуешь, чтобы иметь сытную еду каждый божий день. Дочь Суконщика спросила:

– И что же собирается делать твой отец?

– Что-нибудь стащит. Корову украсть трудно – ее не засунешь в ранец, – но он наверняка что-нибудь придумает.

На самом деле особой уверенности Гвенда не испытывала. Отец нечестный, но дурак. Чтобы достать корову, он готов на все, плевать ему на закон, но у него просто может не получиться.

Девушки прошли в ворота аббатства и очутились на ярмарке. После шести дней непогоды насквозь промокшие торговцы стали совсем злыми. Продержали товар под дождем, и все зря.

Гвенда очень редко говорила с Керис о разнице в их положении. При каждой встрече подруга тихонько давала ей что-нибудь домой: сыр, копченую рыбу, рулончик ткани, кувшин меда. Та отвечала «спасибо» – она действительно была благодарна, – но больше ничего. Когда отец попытался заставить дочь воспользоваться доверием Керис и обокрасть ее, Гвенда отговорилась тем, что не сможет пойти к подруге снова, а так два-три раза в год обязательно что-нибудь приносит. Даже отец вынужден был признать резонность довода.

Дочь Джоби посмотрела туда, где Перкин продавал кур. Там должна быть Аннет, а там, где Аннет, обязательно и Вулфрик. Девушка оказалась права. Перкин, жирный, хитрый, подобострастный с покупателями и грубый со всеми остальными, стоял за лотком. Аннет ходила с подносом яиц и кокетливо улыбалась. Поднос подпирал ее грудь, пряди светлых волос выбивались из-под шапки и лежали на румяных щеках и длинной шее. Вулфрик был похож на архангела, который ненароком спустился на землю и по ошибке затесался среди людей.

– Вон он, – прошептала Гвенда. – Высокий такой…

– Я поняла, – кивнула Керис. – Так хорош, что можно съесть.

– Теперь ты меня понимаешь.

– А не слишком молод?

– Ему шестнадцать, мне восемнадцать. Аннет тоже восемнадцать.

– Нормально.

– Знаю, что ты думаешь, – скисла Гвенда. – Он для меня слишком красив.

– Вовсе нет…

– Красивые мужчины никогда не влюбляются в уродок, ведь так?

– Ты не уродка…

– Я видела себя в зеркало. – Воспоминание было болезненным, и девушка поморщилась. – Так плакала, когда поняла, на что похожа. У меня большой нос и глаза слишком близко. В общем, как отец.

Керис возразила:

– У тебя красивые мягкие брови и чудесная кожа.

– Но мы не пара.

Вулфрик стоял боком к подругам, демонстрируя свой точеный профиль. Обе восхищенно смотрели на юношу, затем он повернулся, и Гвенда разинула рот. Другая половина лица была в синяках, распухла, глаз закрылся. Девушка подбежала к нему:

– Что случилось?

Вулфрик вздрогнул.

– О, привет, Гвенда. Драка. – Явно смутившись, он отвернулся.

– С кем?

– С каким-то сквайром графа.

– Ты с ума сошел!

– Не волнуйся, все в порядке, – раздраженно бросил юноша.

Он, конечно, не понял, почему Гвенда так волнуется. Может быть, даже решил, что она злорадствует.

– С каким сквайром? – спросила Керис.

Вулфрик вгляделся и по одежде понял, что перед ним состоятельная горожанка.

– Его зовут Ральф Фитцджеральд.

– О, брат Мерфина! – воскликнула Суконщица. – Он ранен?

– Я сломал ему нос, – с гордостью ответил виллан.

– И тебя не наказали?

– Ночь просидел в колодках.

У Гвенды вырвался крик ужаса:

– Бедный!

– Ничего страшного. Брат отгонял всех, кто хотел бросать в меня камни.

– Все равно…

Влюбленная Гвенда страшно испугалась. Темница, не важно какая, казалась ей самой страшной пыткой. Красотка Аннет освободилась от покупателя и присоединилась к разговору.

– А, это ты, Гвенда, – холодно поприветствовала она. Вулфрик, может, и не замечал влюбленности односельчанки, но только не Аннет. Счастливая соперница говорила враждебно и презрительно. – Вулфрик подрался со сквайром, который меня оскорбил. – Дочь Перкина не скрывала гордости. – Просто рыцарь из баллады.

– Я бы не хотела, чтобы он из-за меня опух, – отрезала Гвенда.

– К счастью, это не очень вероятно, правда? – торжествующе улыбнулась торговка яйцами.

– Никогда не знаешь, что может случиться в будущем, – заметила Керис.

Кокетка посмотрела на незнакомку, и на лице ее отразился суеверный испуг, а еще удивление оттого, что подруга этой нищенки так дорого одета. Суконщица взяла Гвенду за руку.

– Приятно повидать жителей Вигли, – любезно попрощалась она. – До свидания.

Девушки ушли. Гвенда прыснула со смеху:

– Ты так осадила Аннет.

– Дура, раздражает. Вот из-за таких, как она, женщин и прозывают по-всякому.

– Нет, ну как она рада, что Вулфрика из-за нее избили! Мне хочется выцарапать ей глаза.

Керис задумалась:

– А кроме того, что красивый, он вообще какой?

– Сильный, гордый, верный – такой точно полезет драться за другого. Из тех, кто будет трудиться на благо своей семьи год за годом, пока глаза не закроются. – Суконщица молчала, и Гвенда продолжила: – Вулфрик тебе не нравится?

– Ты говоришь так, будто он не очень умный.

– Если бы ты выросла с моим отцом, не говорила бы, что кормить семью не очень умно.

– Знаю. – Керис стиснула Гвенде руку. – Я думаю, он тебе подходит, и помогу завоевать его.

Подруга растерялась:

– Это как?

– Пойдем.

Они вышли с ярмарки и двинулись в северную часть города. Суконщица подвела Гвенду к маленькому домику на боковой улочке возле церкви Святого Марка.

– Здесь живет знахарка, – шепнула заговорщица.

Оставив собак на улице, девушки нырнули в низкую дверь. Единственную узкую комнату первого этажа делила надвое занавеска, перед которой стояли стул и скамья. Значит, очаг за занавеской, подумала Гвенда и удивилась, зачем прятать кухню. В чистой комнате в нос ударил сильный, кисловатый запах трав. Не духи, конечно, но не противно. Керис окликнула:

– Мэтти, это я.

Женщина лет сорока с седыми волосами и бледным лицом человека, не бывающего на свежем воздухе, отдернула занавеску. Увидев гостей, улыбнулась, затем строго посмотрела на Гвенду:

– Вижу, твоя подруга влюблена, но парень ее и видеть не хочет.

Та разинула рот:

– Откуда вы знаете?

Хозяйка тяжело опустилась на стул: она была полной и задыхалась.

– Ко мне приходят по трем причинам: болезни, месть и любовь. Ты выглядишь здоровой, слишком молода, чтобы мстить, значит, влюблена. А он, несомненно, к тебе равнодушен, иначе тебе не понадобилась бы моя помощь.

Гвенда покосилась на Керис, та кивнула:

– Я же тебе говорила: знахарка – знает все.

Девушки сели на скамейку и выжидательно посмотрели на Мэтти. Она продолжила:

– Вы живете рядом – возможно, в одной деревне, – но его семья богаче.

– Все верно, – изумилась Гвенда.

Конечно, хозяйка высказывала лишь догадки, но все так точно, будто видит насквозь.

– Он красив?

– Очень.

– И влюблен в самую красивую на деревне девушку.

– Ну, в общем, да.

– И ее семья тоже богаче твоей.

– Да.

Мэтти кивнула:

– Знакомая история. Я могу тебе помочь. Но ты должна кое-что понять. Духи здесь ни при чем. Чудеса совершает только Бог.

Гвенда нахмурилась. Прекрасно известно, что все устраивают духи умерших. Если они тобой довольны, то втолкнут тебе в силки кроликов, дадут здоровых детей и сделают так, что солнце будет светить только на твою пшеницу. Но если ты их чем-то разозлил, напустят в твои яблоки червей, изуродуют во чреве коровы теленка и обессилят мужа. Даже врачи аббатства признают, что молитвы святым помогают лучше лекарств. Мэтти продолжала:

– Не унывай. Сделаю тебе приворотное зелье.

– Это ужасно, но у меня нет денег.

– Знаю. Твоя подруга Керис очень добра к тебе и хочет, чтобы ты была счастлива. Она готова за тебя заплатить. Но принимать зелье нужно правильно. Ты сможешь остаться с юношей наедине на час?

– Да.

– Влей снадобье ему в кружку. Скоро он тебя полюбит. Поэтому и нужно остаться наедине. Если мимо пройдет другая, парень может влюбиться в нее. Так вот, уведи его ото всех и будь поласковей. Он станет думать, что ты самая желанная женщина на свете. Поцелуй, скажи, что он удивительный; если хочешь, люби. Через какое-то время молодой человек уснет. А когда проснется, будет помнить, что провел самые счастливые минуты в твоих объятиях, и потянется к тебе.

– А второй раз не нужно?

– Нет. На второй раз хватит любви и женственности. Женщина может сделать мужчину счастливым, если он даст ей шанс.

Эта мысль понравилась Гвенде.

– А можно поскорее?

– Тогда за дело. – Мэтти встала со стула и кивнула на занавеску: – Проходите. Здесь для тех, кто ничего не понимает.

На кухне селянка увидела чистый каменный пол и большую печь со всякими треногами и крючками – явно больше, чем нужно женщине для готовки. Мощный старый стол с царапинами и невыводимыми пятнами чисто выскоблен; на полке – ряд глиняных кувшинчиков, а в запертом буфете, вероятно, ценные травы, которые Мэтти использует для зелий. На стене широкая грифельная доска с числами и буквами – наверное, рецептами.

– Почему вы прячете все это за занавеской?

– Мужчина, изготовляющий мази и лекарства, называется аптекарем, а женщина, которая делает то же самое, рискует прослыть ведьмой. В городе есть женщина, ее зовут Полоумная Нелл, она ходит по городу и кричит про дьявола. Монах Мёрдоу обвинил ее в ереси. Нелл безумна, это правда, но совершенно безобидна. И все-таки этот святоша хочет затащить ее на суд. Мужчинам нравится время от времени убивать женщин, и Мёрдоу даст им эту возможность, а потом соберет с них деньги, якобы милостыню. Поэтому я всегда говорю, что только Бог совершает чудеса. Я не призываю духов. Просто использую лесные травы и свои наблюдения.

Мэтти говорила, а Керис – так уверенно, будто у себя дома – расхаживала по кухне и даже поставила на стол миску и флакон. Знахарка протянула ей ключ от буфета.

– Возьми три капли маковой эссенции и разведи ложкой чистого вина, – распорядилась хозяйка. – Зелье не должно быть чересчур сильным, иначе он слишком быстро уснет.

Гвенда удивилась:

– Керис, ты будешь делать зелье?

– Я иногда помогаю Мэтти. Не говори ничего Петронилле – ей не понравится.

– Ей не сказала бы, даже если бы у нее загорелись волосы.

Тетка Керис не любила Гвенду – вероятно, по той же причине ей не понравилась бы и Мэтти: обе ниже по положению, что для Петрониллы значит много. Но зачем Суконщица, дочь богача, прислуживает какой-то знахарке с Богом забытой улицы? Пока девушка мешала зелье, Гвенда вспомнила, что подругу всегда интересовали болезни и лечение. В детстве Керис хотела стать врачом, не понимая, почему только священникам разрешается изучать медицину. Девушка не забыла, как та плакала после смерти матери: «Ну почему люди болеют?» Мать Сесилия отвечала ей, что по грехам; Эдмунд говорил, что этого никто точно не знает. Ни тот ни другой ответ девочку не удовлетворил. Может быть, она все еще ищет ответ – здесь, на кухне Мэтти.

Керис влила жидкость в крошечный кувшинчик, заткнула, туго привязала пробку веревкой, стянув концы узлом, и вручила Гвенде. Та, засовывая снадобье в кожаный кошель на поясе, думала, как же ей заполучить Вулфрика на целый час. Храбро сказала, что может это сделать, но теперь, когда прижимала к себе приворотное зелье, задача казалась практически невыполнимой. Вулфрик начинал проявлять признаки беспокойства, стоило ей лишь заговорить с ним. Все свое свободное время он по возможности проводил с Аннет. Какая же у Гвенды может возникнуть необходимость побыть с ним наедине? «Я покажу тебе гнезда диких уток»? Но куда логичнее показать их отцу. Вулфрик немного наивен, но вовсе не глуп – сразу догадается, что это неспроста. Керис дала Мэтти двенадцать серебряных пенни – двухнедельный заработок Джоби, – и Гвенда поблагодарила:

– Спасибо, Керис. Надеюсь, ты придешь ко мне на свадьбу.

Суконщица рассмеялась:

– Вот это я люблю – полная уверенность!

Подруги вернулись на ярмарку. Гвенда решила для начала выяснить, где остановился Вулфрик. Его семья слишком богата, чтобы пользоваться бесплатным ночлегом в аббатстве.

Скорее всего остановились на постоялом дворе. Можно, конечно, ненароком спросить у него или его брата, дескать, просто интересно, какой из постоялых дворов города самый лучший.

Мимо прошел монах, и Гвенда спохватилась, что не зашла к брату. Ей стало стыдно. Отец не навещал Филемона – мужчины ненавидели друг друга уже несколько лет, – но девушка любила брата. Знала, что он хитрый, злой, все время врет, но все-таки любила – ведь дети провели вместе много голодных зим. Обязательно сходит к нему, когда найдет Вулфрика. Но не успели они с Керис дойти до ярмарки, как встретили отца Гвенды.

Джоби стоял возле монастырских ворот, у «Колокола», с человеком в желтой тунике, у которого на спине висел какой-то тюк. На веревке батрак держал коричневую корову. Отец кивнул Гвенде:

– Я нашел корову.

Дочь внимательно ее осмотрела – два года, худая, своенравный взгляд, но вроде здоровая.

– Кажется, ничего, – кивнула она.

– Это Сим Коробейник, – буркнул отец, ткнув большим пальцем в желтую тунику.

Коробейник ходил по деревням, торгуя всякими мелочами – иголками, пряжками, ручными зеркальцами, гребнями. Может, конечно, корова краденая, но отца это не остановит, если цена подходящая. Гвенда спросила:

– А где ты взял денег?

– Вообще-то она не за деньги, – ответил Джоби, отводя глаза.

Гвенда поняла: отец что-то задумал.

– А за что?

– Это как бы обмен.

– И что ты отдаешь ему за корову?

– Тебя.

– Не говори ерунды.

Гвенда не успела договорить, как почувствовала, что на нее набросили веревочную петлю и затянули на теле, так что руки прижались к бокам. Девушка растерялась. Это невозможно. Стала брыкаться, чтобы высвободиться, но Сим еще туже затянул петлю.

– Ну, не бузи, – бросил отец.

Гвенда не могла поверить, что это всерьез.

– Ты что такое говоришь? – недоверчиво спросила она. – Ты не можешь продать меня, дурак.

– Симу нужна женщина, а мне нужна корова, – пожал плечами Джоби. – Очень просто.

Тут Гвенда впервые услышала голос Коробейника:

– Ну и уродка у тебя дочь.

– Но это же смешно! – крикнула пленница.

– Не волнуйся, девочка, – улыбнулся Сим. – Я не сделаю тебе ничего плохого, пока ты будешь хорошо себя вести и делать то, что говорю.

До Гвенды начало доходить, что все всерьез. Мужчины действительно решили поменяться. Ледяная игла ужаса вонзилась ей в сердце, когда она представила возможные последствия.

– Ну хватит шутить, – громко вмешалась Керис. – Немедленно отпустите ее.

Сим не испугался командирского окрика.

– А ты кто такая, чтобы тут приказывать?

– Мой отец – олдермен приходской гильдии.

– Но ты-то нет, – хмыкнул Коробейник. – А если бы и была, у тебя нет власти ни надо мной, ни над моим другом Джоби.

– Вы не можете обменять девушку на корову!

– Почему это? Корова моя, дочь его.

Перебранка привлекла внимание прохожих, люди останавливались и таращились на девушку, связанную веревкой. Кто-то спросил:

– Что случилось?

– Он меняет дочь на корову.

Гвенда заметила, что отец испугался. Хотел все обстряпать по-тихому, но не хватило ума предвидеть реакцию людей. Девушка поняла: прохожие – ее единственная надежда. Керис помахала монаху, который выходил из ворот аббатства.

– Пожалуйста, подойди сюда, рассуди спор. – Суконщица торжествующе посмотрела на Сима. – Аббатство имеет право выносить решение о законности всех сделок, заключающихся на шерстяной ярмарке. Брат Годвин – ризничий. Полагаю, вы признаете его авторитет.

Монах подошел ближе:

– Здравствуй, сестренка Керис. В чем дело?

– Сестренка, вот как, – недовольно проворчал Сим.

Ризничий холодно посмотрел на него.

– О чем бы вы тут ни спорили, я попытаюсь судить справедливо, как служитель Церкви. Надеюсь, вы можете мне довериться.

– Счастлив слышать это, сэр, – подобострастно выгнулся торговец.

Джоби тоже заюлил:

– Я вас знаю, брат. Мой сын Филемон вам очень предан. Вы так добры к нему.

– Хорошо, и довольно об этом. Что здесь происходит?

– Джоби хочет обменять Гвенду на корову, – объяснила Керис. – Скажи ему, что так нельзя.

– Это моя дочь, сэр, ей восемнадцать лет, она девица – значит, я могу с ней поступать как хочу, – захныкал Джоби.

– И все-таки это позорное дело – продавать детей, – покачал головой ризничий.

Джоби решил бить на жалость:

– Ни за что не сделал бы этого, сэр, но только у меня еще трое дома, а я безземельный батрак, мне нечем кормить детей зимой без коровы, а прежняя подохла.

Зеваки одобрительно загалдели. Они-то прекрасно знали всё и про зимнюю нужду, и про крайности, на которые может пойти человек, дабы прокормить семью. Гвенда ослабла от отчаяния. Коробейник заметил:

– Вы можете назвать это позором, брат Годвин, но не грехом.

Сим говорил так, будто знал ответ, и Гвенда поняла, что он произносит эти слова не впервые. С явной неохотой монах признал:

– В Библии есть указание, как следует продавать дочерей в рабство. Книга Исхода, глава двадцать первая.

– Ну вот! – воскликнул Джоби. – Вполне по-христиански.

Керис была вне себя.

– Книга Исхода! – вырвалось у нее.

– Мы не дети Израиля, – вмешалась невысокая коренастая женщина с выступающей нижней челюстью, что придавало ее лицу решительное выражение. Она была бедно одета, но держалась уверенно. Гвенда узнала жену Марка Ткача, Медж. – Сегодня рабства нет.

– А как же подмастерья, не получающие жалованья? Ведь мастер вправе их бить. Или послушники? Или те, кто подрабатывает во дворцах за стол и ночлег?

– Может, у них и нелегкая жизнь, – ответила Медж, – но их нельзя продавать и покупать. Разве не так, брат Годвин?

– Не утверждаю, что продажа законна, – ответил тот. – Я изучал в Оксфорде медицину, а не право. Но не нахожу ни в Святом Писании, ни в учении Церкви оснований для того, чтобы объявить это грехом. – Монах посмотрел на Керис и пожал плечами. – Прости, сестренка.

Медж Ткачиха скрестила руки на груди.

– Что ж, Коробейник, и как ты собираешься вести девушку из города?

– На веревке. Так же, как привел корову.

– Так вот – тебе не удастся провести ее мимо меня и этих людей.

Сердце Гвенды подпрыгнуло. Она не знала, сколько человек поддержат ее, но если дело дойдет до драки, люди скорее встанут на сторону знакомой Медж, чем чужака Сима.

– Мне уже приходилось иметь дело с упрямыми женщинами, – криво усмехнулся торговец. – Особых сложностей с ними не возникало.

Медж схватила веревку.

– Не тронь мою собственность, останешься цела!

Тогда жена Ткача положила тяжелую руку на плечо Гвенды. Сим грубо оттолкнул защитницу, и она попятилась; в толпе прошел ропот неудовольствия. Кто-то сказал:

– Ты бы так не сделал, если бы видел ее мужа.

Раздался смех. Гвенда вспомнила мужа Медж, нежного великана Марка. Если бы только он пришел! Но вместо него подошел Джон Констебль – опыт и нюх выводили его на толпу, стоило ей только собраться.

– Не толкаться, – прикрикнул он. – Это ты шумишь, Коробейник?

У Гвенды опять появилась надежда. Значит, у Коробейника дурная репутация, раз констебль решил, что причиной беспорядков стал именно он. Сим вновь превратился в лизоблюда. Такие перемены, очевидно, давались ему безо всякого труда.

– Простите, мастер констебль, но если человек заплатил условленную с продавцом сумму, ему нужно разрешить уйти из Кингсбриджа с неповрежденным товаром.

– Разумеется, – вынужден был согласиться Джон. Судьба ярмарочного города зависела от того, насколько честно заключаются сделки. – Но что ты купил?

– Эту девушку.

– Вот как. – Джон задумался. – А кто ее продал?

– Я, – отозвался Джоби, – ее отец.

– А эта женщина с большим подбородком, – продолжал Сим, – угрожает, что не даст мне увести девушку.

– Точно так, – подтвердила Медж. – Потому что я еще никогда не слышала, чтобы на кингсбриджском рынке продавали и покупали женщин, и никто такого не слыхивал.

– С собственным ребенком можно делать все, что угодно, – воспрял духом Джоби и вопросительно оглядел толпу: – Кто-нибудь считает иначе?

Гвенда знала, что возражать никто не станет. Кто-то обращался с детьми ласково, кто-то грубо, но все согласятся, что у отца абсолютная власть над дочерью. Девушка гневно взорвалась:

– Вы бы не стояли здесь глухие и немые, если бы у вас был такой отец. Кого-нибудь из вас продавали родители? Скольких из вас в детстве заставляли воровать, когда у вас были маленькие ручки, способные пролезать в кошельки?

Джоби с беспокойством посмотрел на дочь.

– Она бредит, мастер констебль. Мои дети никогда не воровали.

– Не важно, – отмахнулся тот. – А теперь все слушайте меня. Я все улажу. Не согласные с моим решением могут жаловаться в аббатство. Если кто-нибудь начнет драку или еще что-нибудь в этом роде, я арестую всех участников. Надеюсь, это ясно. – Констебль грозно осмотрелся. Никто не возражал, всем было интересно, что он решит. – Не вижу причины,

по которой эту сделку можно признать незаконной, поэтому Симу Коробейнику дозволяется уйти вместе с девушкой.

– Я же говорил… – начал Джоби.

– Заткни свой проклятый рот, дурак, – перебил его Констебль. – Сим, убирайся, да побыстрее. Медж Ткачиха, если ты кого-нибудь ударишь, я посажу тебя в колодки и твой муж меня не остановит. И ты, пожалуйста, молчи, Керис Суконщица; можешь пожаловаться на меня отцу, если хочешь.

Джон еще не закончил, а Сим уже дернул веревку. Гвенда потеряла равновесие, сделала шаг, чтобы не упасть, и пошла по улице, спотыкаясь, почти бегом. Краем глаза она видела, что рядом идет Керис. Затем Джон Констебль схватил дочь олдермена за руку, она развернулась, пытаясь освободиться, и скоро исчезла из поля зрения Гвенды.

Сим быстро шел вниз по грязной главной улице, ослабляя время от времени веревку, чтобы приобретение не упало. Когда они приблизились к мосту, девушка пришла в отчаяние и дернулась назад, но Коробейник с силой рванул привязь, и Гвенда шлепнулась в грязь. Руки ее были связаны, она не могла их выставить и упала навзничь, ударившись грудью, лицо влипло в ил. «Покупка» с трудом поднялась на ноги, изо всех сил сопротивляясь. Как животное, избитая, испуганная, вся в грязи, Гвенда, шатаясь, потащилась за своим новым владельцем по мосту, а потом и по дороге, которая вела в лес.

Сим Коробейник провел Гвенду по Новому городу к тому месту, где вешали преступников и которое носило поэтому название «перекресток Висельников», и свернул на юг, в сторону Вигли. Веревку привязал к собственному поясу, чтобы девушка не смогла удрать, даже если он отвлечется. Скип увязался следом, но торговец бросал в него камни, и, после того как один угодил ему в нос, пес, поджав хвост, отстал.

Через несколько миль, когда солнце начало клониться к закату, Коробейник зашел в лес. Гвенда смотрела во все глаза, но не видела никаких примет, позволивших запомнить дорогу. Однако нечистый делец, судя по всему, знал, куда идти. Через несколько сотен шагов он вышел на тропинку, и Гвенда, заметив следы копыт, поняла, что это оленья тропа. Значит, ведет к воде. И точно, скоро показался небольшой ручей, трава по обе стороны была втоптана в грязь. Сим встал на колени, набрал в ладони чистой воды и напился. Затем повязал Гвенде веревку вокруг шеи, освободив руки, и дернул ее к воде. Несчастная вымыла руки и с жадностью напилась.

– Помой лицо, – велел он. – Ты и без того уродлива.

Девушка умылась, не понимая, какое значение имеет для него ее внешность. Тропа продолжилась и по ту сторону ручья. Сильная Гвенда могла идти целый день, но она была повержена, унижена, напугана и поэтому совсем выбилась из сил. В довершение ко всему не знала, что ее ждет: скорее всего будет хуже, чем усталость, – и все же мечтала дойти до цели, просто чтобы сесть.

Темнело. Оленья тропа вилась между деревьями еще примерно с милю и кончилась у подножия холма. Сим остановился возле толстенного дуба и тихо свистнул. Через несколько секунд из сумрачного леса вышел человек.

– Полный порядок, Сим?

– Полный порядок, Джед.

– Что это у тебя, фруктовое пирожное?

– Тебе перепадет кусочек, Джед, как и остальным, коли найдется шестипенсовик.

Гвенда все поняла. Сим решил сделать из нее проститутку. Стало так невыносимо больно, что она зашаталась и опустилась на колени.

– Шестипенсовик, говоришь? – Голос Джеда доносился словно издалека, но все же она слышала в нем возбуждение. – Сколько лет?

– Ее отец клянется, что восемнадцать. – Коробейник дернул веревку. – Вставай, ленивая корова, мы пришли.

Гвенда встала. «Так вот зачем ублюдок заставил меня умыться», – подумала она и заплакала. Переставляя ноги вслед за Симом, девушка содрогалась от рыданий. Наконец вышли на поляну, в середине которой горел костер. Сквозь слезы девушка разглядела пятнадцать – двадцать мужчин, лежавших на краю поляны, закутавшись в одеяла и плащи. Почти все они посмотрели на нее, и вдруг несчастная увидела одно белое женское лицо с жестким взглядом, но мягким подбородком. Женщина, мельком оглядев новоприбывшую, отвернулась и улеглась в кучу лохмотьев, вероятно, служившую ей постелью. Перевернутая бочка из-под вина и разбросанные деревянные кружки свидетельствовали о том, что тут была пьянка.

Гвенда догадалась, что Сим привел ее в банду разбойников, и застонала. Со сколькими из них ей придется?.. И тут же поняла – со всеми. Торговец поволок ее по поляне к человеку, прислонившемуся к дереву.

– Полный порядок, Тэм, – кивнул Коробейник.

Наверно, это самый известный разбойник графства по прозванию Тэм Невидимка. Его лицо с правильными чертами покраснело от вина. Говорили, будто он благородного происхождения, но такое болтали про всех знаменитых разбойников. Гвенда всмотрелась и удивилась: ему не больше двадцати пяти. Но поскольку убийство разбойника не считалось преступлением, наверно, редко кто из них доживал до старости. Тэм ответил:

– Полный порядок, Сим.

– Я обменял корову Олвина на девушку.

– Хорошо. – У главаря слегка заплетался язык.

– Мы собираем с парней по шесть пенсов, но для тебя, разумеется, бесплатно. Ты, наверно, хочешь первым.

Невидимка уставился на Гвенду налитыми кровью глазами. Ей показалось, что во взгляде его мелькнула жалость, хотя, может, просто хотелось так думать.

– Нет, спасибо. Ступай позабавь парней. Хотя можешь подождать и до завтра. Мы взяли у двух монахов бочонок вина, они везли его в Кингсбридж, и теперь почти все мертвецки пьяны.

Сердце Гвенды захолонуло надеждой: а вдруг обойдется…

– Надо посоветоваться с Олвином, – с сомнением проговорил Сим. – Спасибо, Тэм.

Он поволок «покупку» обратно. В нескольких ярдах натолкнулись на широкоплечего мужчину, который еле держался на ногах.

– Полный порядок, Олвин.

Видимо, эти слова служили разбойникам приветствием и одновременно паролем. Олвин пребывал в той фазе опьянения, когда человеком одолевает уныние.

– Что достал?

– Свежую девушку.

Олвин очень больно, что было вовсе не обязательно, схватил Гвенду за подбородок и развернул лицом к костру. Она невольно заглянула ему в глаза. Тоже молодой, как и Тэм Невидимка, и тот же нездоровый вид, свидетельствующий о беспутном образе жизни. От него пахло вином.

– Боже милостивый, ну ты и выбрал.

Вдруг Гвенда порадовалась, что некрасива. Может, она не заинтересует Олвина.

– Взял что мог, – раздраженно ответил Сим. – Красивую девушку отец не станет менять на корову, а выдаст замуж за сына богатого торговца шерстью.

При слове «отец» Гвенда рассвирепела. Как он мог так с ней поступить?

– Ладно, ладно, не важно. – Олвин кивнул Симу. – У нас всего две женщины, парни сходят с ума.

– Тэм сказал, что лучше подождать до завтра, потому что все напились, но дело твое.

– Тэм прав. Многие уже спят.

Гвенда слегка успокоилась. За ночь всякое может случиться.

– Хорошо, – зевнул Сим. – Я чертовски устал. – Торговец посмотрел на Гвенду: – Ложись. – Коробейник ни разу не назвал ее по имени.

Девушка легла, и Коробейник связал ей руки за спиной и ноги. Затем Сим и Олвин легли один слева от нее, другой – справа. Через несколько минут оба заснули. Пленницу совсем оставили силы, но спать она и не думала. С руками, связанными за спиной, неудобно было в любом положении. Попыталась пошевелить запястьями, но Сим связал ее очень туго: только кожу содрала да веревка впилась.

Отчаяние сменилось беспомощным бешенством. Все рисовала себе, как отомстит похитителям: будет их пороть, а жалкие ублюдки станут ползать перед ней на коленях. Бессмысленные мечты. Гвенда попыталась сообразить, как можно спастись. Сначала ее должны развязать, только тогда можно думать о побеге. Еще желательно как-нибудь добиться того, чтобы ее не преследовали. Это казалось невозможным.

12

Гвенда проснулась от холода. В разгар лета дни стояли прохладные, а на ней было лишь легкое платье. Небо из черного стало серым. В слабом свете девушка обвела поляну глазами: никто не шевелился. Ей нужно по-маленькому. А что, если помочиться прямо в одежде? Чем она будет отвратительней, тем лучше. Но тут же отвергла эту мысль. Это означало сдаться. Сдаваться она не хотела. Но что же делать?

У спящего Олвина к поясу были прикреплены ножны с длинным кинжалом, и пленница начала судорожно соображать. Не была уверена, что у нее хватит духу осуществить план, который вызревал в голове. Просто нужно действовать. Она пихнула Олвина связанными ногами. На третий раз разбойник сел и пробормотал:

– Ты что?

– Мне нужно пописать.

– Только не на поляне. Это правило Тэма. Отойди на двадцать шагов, если по-маленькому, на пятьдесят – если по-большому.

– Вот как, даже у разбойников есть правила.

Олвин тупо уставился на нее. Девушка поняла, что он не умен. Это хорошо. Но грабитель сильный и подлый. Нужно быть очень осторожной.

– Куда же я отойду, я ведь связана.

С ворчанием здоровяк развязал веревку на щиколотках. Первая часть плана сработала. Теперь Гвенда испугалась еще больше. Она с трудом встала. После такой ночи все болело. Сделала шаг, споткнулась и упала.

– Так трудно идти со связанными руками, – заскулила она.

Разбойник не двинулся. Вторая часть плана не сработала. И все-таки нужно попытаться еще. Гвенда встала и пошла к деревьям, Олвин не отставал и считал шаги, загибая пальцы. Загнув пальцы обеих рук, начал заново и, вторично загнув пальцы, скомандовал:

– Стой.

Девушка беспомощно посмотрела на провожатого:

– Но я не могу поднять платье.

Может, на это громила попадется? Олвин молча смотрел на новенькую. Она готова была поклясться, что слышит, как работает его мозг – громыхая, как мельничные жернова.

Разбойник может, конечно, подержать ей платье, как мать ребенку, но это унизительно. А что еще остается? Только развязать руки. Но тогда она может убежать, хотя девчонка невысокая, уставшая, у нее наверняка все затекло, ей не убежать от мужчины с длинными сильными ногами. Он должен прийти к выводу, что риск невелик.

Олвин развязал веревки на запястьях. Гвенда отвернулась, чтобы здоровяк не заметил ее торжествующего взгляда, и потерла руки, восстанавливая кровообращение. Ей хотелось выдавить ему большими пальцами глаза, но вместо этого она как можно нежнее улыбнулась:

– Спасибо. – Как будто грабитель сделал какое-то доброе дело.

Олвин молча смотрел на нее и ждал. Пленница задрала подол и присела на корточки. Думала, он отвернется, но разбойник не сводил с девушки глаз. Она выдержала его взгляд, не желая отдаваться стыду – ведь человеческая надобность так естественна. Рот здоровяка слегка приоткрылся, дыхание сделалось тяжелее.

Теперь предстояло самое сложное. Девушка медленно встала, не сразу опустив платье. Олвин облизнул губы, и она поняла, что разбойник на крючке. Гвенда подошла ближе.

– Ты будешь меня защищать? – спросила она, как маленькая девочка, что давалось ей с трудом.

Грабитель ничего не заподозрил. Не говоря ни слова, лапищей стиснул ей грудь. От боли пленница разинула рот.

– Не так грубо! – Гвенда взяла его руку. – Поласковее. Так лучше.

Громила зарычал, затем схватил ее за шиворот, а другой рукой вытащил кинжал – длиной в целый фут, острый, блестящий, – очевидно, собираясь вспороть платье. Этого нельзя допустить, тогда она останется голой. Гвенда нежно взяла провожатого за запястье, и тот замер.

– Тебе не нужен кинжал. Смотри.

Отступила назад, быстрым движением расстегнула пояс, стащила через голову платье – свою единственную одежду, – расстелила на земле, легла и попыталась улыбнуться. Скорее всего вышла жуткая гримаса. Затем пленница раздвинула ноги. Олвин колебался всего секунду. Держа кинжал в правой руке, спустил штаны, встал на колени и, размахивая кинжалом, пригрозил:

– Если что, вспорю шею.

– Тебе не придется этого делать, – прошептала девушка, отчаянно соображая, какие слова хочет слышать от женщины такой человек. – Мой большой, сильный защитник.

Тот никак не среагировал и неуклюже навалился.

– Не так быстро. – Гвенда стиснула зубы от боли.

Сама помогла ему. Олвин навис над жертвой, перенеся вес на руки. Положив кинжал возле ее головы на траву и накрыв рукоятку правой ладонью, он застонал. Гвенда старалась делать вид, что ей тоже нравится, наблюдала за выражением лица разбойника, заставляя себя не смотреть на кинжал. Ей было страшно и очень противно, но какая-то часть сознания сохраняла спокойствие и способность думать.

Он закрыл глаза и, оперевшись на руки, поднял голову, как животное, почуявшее ветер. Гвенда покосилась на кинжал. Кисть чуть съехала с рукоятки. Она могла схватить кинжал, но вдруг у Олвина хорошая реакция? Посмотрела в искривившееся от напряжения лицо. Здоровяк задвигался активнее. И девушка отвечала ему.

При всем отчаянии, пленница чувствовала, как жар распространяется по чреслам, и очень испугалась за себя. Этот убийца, разбойник, немногим лучше животного, хочет превратить ее в шестипенсовую проститутку! Она делает это, чтобы спасти свою жизнь, а не для удовольствия! И все-таки…

Олвин опять застонал. Теперь или никогда.

Гвенда выхватила кинжал у него из-под руки – здоровяк не заметил. Смертельно боясь, что он все-таки помешает в последний момент, Гвенда решила не медлить. Резко подняла кинжал, отведя плечо. Олвин почувствовал, что новенькая двинулась, и открыл глаза, тут же расширившиеся от испуга. Пленница изо всей силы вонзила кинжал в шею разбойника, под подбородок. Увидев, что клинок не вошел ни в дыхательное горло, ни в подъяремную артерию, выругалась. Олвин заревел от боли и бешенства, но силы не оставили его, и Гвенда поняла, что так близко от смерти не была еще никогда.

Инстинктивно, не думая, левой рукой ударила раненого под ребра. Руки его подогнулись, и грабитель упал. Девушка же пропихнула длинный кинжал дальше, и Олвин всем своим весом навалился на клинок. Острие вошло в голову снизу, кровь хлынула из открытого рта прямо ей на лицо, она отвернулась, не выпуская кинжала. Клинок наткнулся на какое-то препятствие, пронзил его, наконец, глаз разбойника будто взорвался, и Гвенда увидела кончик лезвия, выступивший из глазницы, запачканный кровью и мозгами. Олвин – мертвый или при смерти – рухнул. От навалившегося тела несчастная не могла даже дышать, ее будто прижало к земле упавшее дерево.

К своему ужасу, почувствовала, как по ногам течет семя. Ее исполнил суеверный ужас. Она испугалась больше, чем когда разбойник угрожал ее зарезать. Девушка судорожно выбралась из-под Олвина и, тяжело дыша, встала на трясущиеся ноги. Грудь была запачкана его кровью, а бедра – семенем. Она со страхом посмотрела в сторону разбойничьей поляны. Может, от криков кто-нибудь проснулся?

Дрожа всем телом, натянула платье и застегнула пояс. С трудом оторвала глаза от тела. Гвенду не покидало ужасное чувство, что Олвин еще жив. Знала, что нужно прикончить разбойника, но заставить себя не могла. Ее испугал звук, донесшийся с поляны. Нужно уносить ноги. Она осмотрелась, похватала свои вещи и бросилась к дороге.

Возле большого дуба часовой, с внезапным страхом вспомнила беглянка. Стараясь ступать бесшумно, у дерева пленница действительно увидела его. Джед спал. Она прошла мимо на цыпочках, собрав всю свою выдержку, чтобы не пуститься наутек, но дозорный не пошевелился.

Гвенда нашла оленью тропу и пошла вдоль ручья. Вроде бы погони нет. Смыла кровь с лица и груди, подмылась и напилась, зная, что предстоит долгий путь. Немного успокоившись, двинулась по оленьей тропе, не переставая прислушиваться. Когда разбойники найдут Олвина? Беглянка даже не попыталась спрятать тело. Разобравшись, что случилось, остальные точно бросятся вдогонку, потому что отдали за нее корову. Корова стоила двенадцать шиллингов, а, чтобы заработать такие деньги, ее отец горбатится по полгода.

Вот и дорога. Для женщины путешествовать в одиночку было почти так же опасно, как и бродить по лесным тропам. Банда Тэма не единственная – есть еще сквайры, крестьянские парни, вооруженные головорезы, и всех их может заинтересовать беззащитная женщина. Но сейчас важнее всего улизнуть от Сима и его дружков. Гвенда почти бежала.

Но куда идти? Домой в Вигли? Коробейник может явиться туда и потребовать свою собственность обратно. И гадать нечего, как поступит отец. Нужны верные друзья. Керис. Она повернула на Кингсбридж.

Стоял солнечный день, но по грязной после недавних дождей дороге идти было трудно. Дойдя до вершины холма, беглянка обернулась. Дорога расстелилась перед ней примерно на милю. Вдалеке виднелась одинокая фигура. Желтая туника. Сим Коробейник. Девушка бросилась бежать.

Церковный суд слушал дело Полоумной Нелл в северном рукаве трансепта собора в субботу днем. Председательствовал епископ Ричард, справа от него сидел аббат Антоний, а

слева – личный помощник епископа, суровый черноволосый архидьякон Ллойд. Говорили, всю работу в епархии тащит на своих плечах именно он.

Собралось много народу. Процессы против еретиков являлись неплохим развлечением, а Кингсбридж не развлекался так уже несколько лет. По субботам многие ремесленники и подмастерья заканчивали работу в полдень. Потихоньку закрывалась шерстяная ярмарка, торговцы разбирали лотки и укладывали непроданный товар, покупатели собирались в путь или вели переговоры о сплаве купленного добра на плотах к морскому порту Малкомб.

Ожидая открытия судебного заседания, Керис мрачно думала о Гвенде. Что с ней? Сим Коробейник, конечно, изнасилует ее, но это, пожалуй, не самое худшее, что может случиться. Что ее ждет в роли рабыни? У дочери Суконщика не было никаких сомнений, что Гвенда попытается бежать, но получится ли? А если нет, как торговец накажет ее? Девушка понимала, что может никогда этого не узнать.

Странная выдалась неделя. Буонавентура Кароли не переменил своего решения: флорентийские купцы не вернутся в Кингсбридж – по крайней мере пока аббатство не благоустроит шерстяную ярмарку. Отец Керис и другие крупные торговцы шерстью несколько дней сидели за закрытыми дверьми вместе с графом Роландом. Мерфин ходил молчаливый и мрачный. И опять пошел дождь.

Простоволосую, босую Нелл приволокли в собор Джон Констебль и монах Мёрдоу. Ее единственной одеждой служила безрукавная накидка, закрепленная спереди и обнажавшая костлявые плечи. Повиснув на руках мужчин, она выкрикивала проклятия.

Когда подсудимую успокоили, несколько горожан засвидетельствовали, что слышали ее крики про дьявола. Они говорили правду. Нелл грозила дьяволом все время – за то, что ей не дали милостыни, не уступили дорогу, за то, что кто-то хорошо одет, а то и вообще просто так. Все свидетели утверждали, что после этого с ними что-нибудь случилось. У жены ювелира пропала дорогая брошь; у владельца постоялого двора передохли куры; у одной вдовы на ягодице вскочил болезненный нарыв – это свидетельство вызвало смех, но тоже было засчитано как обвинение, ведь ведьмы славились недобрыми шутками.

Мерфин протиснулся к возлюбленной.

– Как глупо, – возмутилась дочь Суконщика. – В десять раз больше людей могли бы показать, что после проклятий Нелл с ними ничего не случилось.

Подмастерье пожал плечами:

– Люди верят в то, во что хотят верить.

– Ну, это простые люди. А вот епископ и аббат должны бы понимать – они получили образование.

– Мне нужно кое-что тебе сказать, – прошептал юноша.

Керис навострила уши. Может, сейчас она узнает причину его плохого настроения? До сих пор девушка лишь мельком смотрела на друга, а теперь, развернувшись, увидела под левым глазом огромный синяк.

– Что случилось?

Все громко рассмеялись на какую-то реплику Нелл, и архидьякону Ллойду пришлось несколько раз призвать публику к спокойствию. Когда стало чуть тише, Мерфин ответил:

– Не здесь. Пойдем куда-нибудь, где потише?

Керис уже было пошла, но что-то ее остановило. Всю неделю Фитцджеральд изводил ее своей холодностью, а теперь наконец решил поговорить и ждет, что она вскочит как по команде? Почему Мерфин должен решать, когда им говорить? Она ждала его пять дней. Почему бы ему не подождать часок?

– Нет. Не сейчас.

Он удивился:

– Почему?

– Потому что меня это не устраивает. Дай послушать.

Отворачиваясь, девушка заметила, что Мерфин обиделся, и тут же пожалела о своем выпаде; но слово не воробей, а извиняться дочь Суконщика не собиралась. Свидетели закончили. Заговорил епископ Ричард:

– Женщина, ты утверждаешь, что землей правит дьявол?

Керис была в бешенстве. Еретики поклонялись Сатане, считая, что он правит землей, а Бог – только небом. Полоумной Нелл такой сложной схемы даже не понять. Какой позор для епископа Ричарда поддерживать смехотворное обвинение монаха Мёрдоу.

– Засунь себе хрен в задницу! – крикнула Нелл.

Все засмеялись, довольные, что епископу досталось. Церковник пожал плечами:

– Ну что ж, если такова линия защиты…

– Кто-то должен выступить защитником, – заметил Ллойд.

Он говорил уважительно, но было очевидно, что ему не впервые корректировать действия епископа. Никаких сомнений, ленивый Ричард велел помощнику напомнить ему правила.

– Кто будет говорить в защиту? – осмотрев публику, выкрикнул он.

Керис ждала, но никто не вызвался. Девушка не могла позволить этому случиться. Кто-то должен открыть людям глаза на вздорность всей процедуры. Все молчали. Суконщица встала.

– Нелл сумасшедшая, – отчеканила она.

Все заозирались в поисках дурака, вставшего на сторону Нелл. Послышался одобрительный гул – Керис многие знали, – но никто особо не удивился. Эта особа вечно выкидывала какие-нибудь штучки. Аббат Антоний, наклонившись, прошептал что-то епископу на ухо. Ричард объявил:

– Керис, дочь Эдмунда Суконщика, говорит нам, что обвиняемая сумасшедшая. Мы пришли к этому выводу и без посторонней помощи.

Его холодный сарказм только подстегнул защитницу.

– Да она просто не понимает, что говорит! Кричит про дьявола, про святых, про луну и про звезды. Все это имеет не больше смысла, чем собачий лай. С таким же успехом вы можете повесить лошадь за то, что она ржет на короля. – Невольно презрительные нотки вкрадывались в ее голос, хотя она знала, что неразумно выказывать пренебрежение, обращаясь к знати.

Кто-то громко крикнул:

– Верно!

– Но ты слышала, люди свидетельствовали, что ее проклятия наводят порчу, – возразил Ричард.

– Я вчера потеряла пенни, – ответила Керис, – потом разбила яйцо, а оно оказалось тухлым. Мой отец кашлял всю ночь и не мог уснуть. Но нас никто не проклинал. Просто всякое случается.

Многие с сомнением покачали головой. Почти все считали, что за каждым несчастьем, крупным или мелким, стоят темные силы. Девушка потеряла поддержку. Аббат Антоний, осведомленный о ее взглядах – они не раз спорили, – спросил:

– Но ты ведь не думаешь, что Бога следует винить в болезнях, несчастьях, утратах?

– Нет.

– Тогда кого?

Керис повторила его маневр:

– А ты ведь не думаешь, что во всех невзгодах следует винить либо Бога, либо Полоумную Нелл?

– Почтительно говорить с аббатом! – прикрикнул архидьякон Ллойд.

Ему не сказали, что Антоний – дядя Керис. Горожане засмеялись, они-то знали чопорного аббата и его племянницу-вольнодумку.

– Я считаю, что Нелл никому не причиняет вреда. Да, она сумасшедшая, но совершенно безобидная, – закончила Суконщица.

Вдруг вскочил монах Мёрдоу:

– Милорд епископ, жители Кингсбриджа, други! Среди нас бродит зло, понуждая слабых ко греху – ко лжи, чревоугодию, винопитию, к гордыне и плотской похоти. – Людям нравились красочные описания Мёрдоу, которые под видом безоговорочного осуждения будили воображение яркими красками порока. – Но оно не может оставаться невидимым. – Монах повысил голос. – Как лошадь оставляет следы в грязи, как мышь на кухне оставляет крошечные следы в масле, как сластолюбец оставляет свое проклятое семя и во чреве обманутой девушки растет плод, так дьявол должен оставлять свои следы!

Все одобрительно зашумели. Люди знали, что имеется в виду. Знала и Керис.

– Слуг зла можно узнать по клеймам, которые оно накладывает на них. Ведь зло сосет их горячую кровь, как ребенок сладкое молоко из набухшей материнской груди. И как ребенку, ему нужен сосец, откуда сосать, – третий сосец!

Монах доводил публику до экстаза. Каждую фразу Мёрдоу начинал тихо, затем повышал голос, нанизывая один за другим щекочущие образы, и так достигал кульминации. А слушатели жадно внимали, затаив дыхание, и наконец взрывались одобрительными криками.

– Это клеймо темное, мятое, как сосец на чистой коже. Оно может располагаться где угодно. Иногда находится на нежной груди женщины – неестественная мета, коварно выдающая себя за естество. Но больше всего дьявол любит накладывать его на потайные части тела: на чресла, в срамные места, особенно…

– Спасибо, брат Мёрдоу, – громко перебил его епископ Ричард, – не нужно продолжать. Вы требуете, чтобы женщину проверили на наличие клейм дьявола.

– Да, милорд епископ, чтобы, так сказать…

– Хорошо, довольно, вы ясно выразились. – Епископ осмотрелся: – Мать Сесилия здесь?

Настоятельница сидела сбоку на скамье с сестрой Юлианой и несколькими пожилыми монахинями. Полоумную Нелл не могут осматривать мужчины, это в отдельном помещении сделают женщины и доложат о результатах. Естественно, для данной процедуры выбирали монахинь.

Керис не завидовала им. Большинство горожан мыли руки и лицо каждый день, а пахнущие части тела – раз в неделю. Целиком мылись в лучшем случае дважды в год – это было необходимое для здоровья, хотя и опасное действо. Но Полоумная Нелл вообще вряд ли когда-нибудь мылась – лицо грязное, руки перепачканы, пахло от нее, как от навозной кучи. Сесилия встала. Ричард распорядился:

– Пожалуйста, отведите эту женщину в отдельную комнату, снимите с нее одежду, внимательно осмотрите, вернитесь и правдиво изложите, что обнаружили.

Монахини тут же встали и подошли к Нелл. Сесилия мягко заговорила с несчастной и ласково взяла ее под руку. Но Полоумная что-то поняла и вывернулась, раскинув руки. Монах Мёрдоу закричал:

– Вон! Я вижу! Вижу!

Сестры вчетвером удерживали Нелл. Мёрдоу торжествовал:

– Не нужно снимать с нее одежду. Посмотрите под правой рукой.

Нелл опять стала извиваться, бродячий проповедник подошел к несчастной и задрал ей руку вверх.

– Вот! – воскликнул он, указывая на подмышку.

Толпа хлынула вперед.

– Вижу! – крикнул кто-то.

– И я! Я тоже вижу! – послышались голоса.

Керис видела лишь обычную, поросшую волосами подмышку, и вовсе не собиралась рассматривать бедняжку, считая это унизительным. Ну да, наверное, у Нелл там родимое пятно или родинка. У многих такие пятнышки на теле, особенно у пожилых.

Архидьякон Ллойд призвал публику к порядку, и Джон Констебль дубинкой оттеснил толпу. Когда все стихло, Ричард встал.

– Полоумная Нелл из Кингсбриджа, я нахожу, что ты повинна в ереси. Тебя привяжут к телеге, проведут по городу и высекут, затем отведут к развилке дорог, которая носит название перекресток Висельников, где повесят за шею, чтобы ты умерла.

Толпа ликовала. Керис, негодуя, отвернулась. При таком правосудии ни одна женщина не может жить спокойно. Защитница возмущенно посмотрела на терпеливо дожидавшегося ее Мерфина.

– Ладно, – мрачно буркнула она. – Чего тебе?

– Дождь перестал. Пойдем к реке.

Монастырь держал пони для пожилых братьев и сестер и несколько ломовых лошадей для перевозки грузов. Они вместе с лошадьми состоятельных гостей стояли в каменной конюшне на юге аббатства. Кухня, что располагалась по соседству, брала оттуда солому.

Ральф со свитой графа Роланда ждал хозяина. Лошади были оседланы и готовы к двухдневному путешествию обратно в замок Эрлкасл возле Ширинга. Сквайр, удерживая под уздцы своего гнедого Грифа, прощался с родителями.

– Не знаю, почему лордом Вигли сделали Стивена, а мне так ничего и не дали, – говорил он. – Мы ровесники, он держится в седле, фехтует, бьется на турнирах ничуть не лучше меня.

При каждой встрече сэр Джеральд с надеждой задавал ему одни и те же вопросы, и каждый раз Ральф невольно огорчал родителя. Было бы легче переносить свое положение, если бы отец не так явно жаждал его возвышения.

Молодой Гриф был простой верховой лошадью – одиночному сквайру не полагался дорогой военный конь, – но Ральф любил гнедого, который всегда слушался хозяина на охоте. Гриф разнервничался из-за сутолоки у конюшни, ему не терпелось отправиться в путь. Фитцджеральд пробормотал ему в ухо:

– Спокойно, дружок, скоро разомнешь ноги.

Услышав знакомый голос, конь успокоился.

– Будь начеку, не упусти случая угодить графу, – наставлял сэр Джеральд. – Тогда он вспомнит о тебе, когда представится возможность.

Это все прекрасно, думал Ральф, но реальная возможность представится только в бою. Правда, за эту неделю вероятность войны стала чуть больше. Сквайр не присутствовал на встречах Ширинга с торговцами шерстью, но разузнал, что купцы согласились одолжить денег Эдуарду. Они очень хотели, чтобы король решительно пресек французские рейды у южных берегов. А Ральф очень хотел отличиться и постепенно восстановить фамильную честь, утраченную десять лет назад, – не столько ради отца, сколько во утоление собственной гордыни.

Гриф бил землю копытом и мотал головой. Чтобы успокоить его, Фитцджеральд начал ходить с ним взад-вперед, а отец тащился следом. Мать стояла в стороне. Ее беспокоил сломанный нос сына.

Вместе с отцом Ральф прошел мимо леди Филиппы. В удобной обтягивающей одежде для длительных поездок, подчеркивающей полную грудь и длинные ноги, она твердой рукой держала под уздцы резвого скакуна и говорила с мужем, лордом Уильямом. Сквайр всегда

подыскивал предлог заговорить с ней, но часто без толку: он для нее просто один из свиты свекра, леди никогда не заговаривала с ним без надобности. Филиппа улыбнулась мужу и с притворным упреком легонько пихнула в грудь. В душе у Ральфа вскипела обида. Почему же не с ним она делит эти минуты нежности и близости? Ведь дело только в том, что у него, в отличие от Уильяма, нет сорока деревень. Всю жизнь он к чему-то стремится, когда же наконец чего-нибудь добьется? Сын прошел с отцом до конца двора и повернул назад.

Из кухни вышел однорукий монах. Ральф застыл, увидев мучительно знакомое лицо, но не мог вспомнить. Секунду спустя узнал: Томас Лэнгли, рыцарь, десять лет назад схватившийся в лесу с двумя воинами. С тех пор сквайр, в отличие от Мерфина, не видел этого человека. Вместо дорогой рыцарской одежды на нем теперь была коричневая ряса, а на голове – тонзура. Лэнгли немного пополнел, но сохранил воинскую выправку. Когда Томас проходил мимо, Ральф небрежно сказал лорду Уильяму:

– Вот он – тот таинственный монах.

Уильям вскинулся:

– Что ты хочешь сказать?

– Теперь, наверно, брат Томас, некогда бывший рыцарем. Никто не знает, что привело его в монастырь.

– Черт подери, что тебе о нем известно? – В голосе Кастера послышалась угроза, хотя Ральф не сказал ничего обидного.

Может, у него плохое настроение, несмотря на нежности красивой жены. Сквайр пожалел, что затеял этот разговор.

– Я как раз был здесь, когда он появился. – Фитцджеральд помедлил, вспоминая клятву, которую они принесли детьми. Из-за этой клятвы, а также необъяснимого раздражения Уильяма он не сказал всего. – Рыцарь приплелся в город, истекая кровью. Ни один ребенок такого не забудет.

– Как интересно. – Филиппа посмотрела на мужа. – Ты знаешь, что с ним тогда случилось?

– Конечно, нет, – огрызнулся лорд. – Откуда же мне знать?

Она пожала плечами и отвернулась. Ральф с облегчением прошел дальше.

– Лорд Уильям сказал неправду, – прошептал сквайр отцу. – Интересно почему.

– Не задавай больше вопросов про этого монаха, – встревожился тот. – Наверняка какая-то темная история.

Наконец появился граф Роланд с аббатом Антонием. Рыцари и сквайры сели на лошадей. Ральф поцеловал родителей и забрался в седло. От резкого движения в носу заломило, и он заскрипел зубами. Ничего не оставалось, как терпеть.

Ширинг подошел к своему молодому черному коню Виктори с белым пятном над глазом, взялся за поводья и сделал несколько шагов, продолжая беседу с настоятелем. Уильям крикнул:

– Сэр Стивен Вигли и Ральф Фитцджеральд, поезжайте вперед и освободите мост.

Сквайры поскакали по лужайке. Посетители ярмарки втоптали всю траву в грязь. Большинство лотков закрылось, кое-кто уже и уехал, торговали немногие купцы. Сквайры проехали в монастырские ворота. На главной улице Ральф увидел Вулфрика. Левая половина его лица, по которой в основном колотил драчун, вспухла и посинела. Крестьянин стоял у «Колокола» с родителями и братом. Похоже, они собирались домой. «Молись же, чтобы тебе больше со мной не встретиться», – подумал Ральф. Хотел крикнуть что-нибудь оскорбительное, но его отвлек шум толпы.

Из-за огромной толпы молодые люди вынуждены были остановиться на полпути к реке. Сотни мужчин, женщин, детей двигались к мосту, кричали, смеялись, толкались, прокладывая себе дорогу. Фитцджеральд смотрел поверх голов.

Впереди беспорядочной процессии виднелась повозка, запряженная быком. Позади телеги шла привязанная к ней женщина. Ральф видел это не впервые: так нередко наказывали преступников. На приговоренной была только рубаха грубого сукна, стянутая на поясе веревкой, лицо грязное, волосы спутались, и сначала она показалась ему старухой. Затем всадник увидел обнажившуюся грудь и понял, что ей чуть за двадцать. Женщина с трудом шла за телегой, иногда падала, и тогда ее тащили по грязи, пока бродяжке не удавалось подняться на ноги. Рядом следовал городской констебль, сильно стегая голую спину приговоренной бычьим кнутом. Шедшие за повозкой молодые люди издевались, выкрикивали ругательства, бросались грязью и мусором и очень веселились, когда нищенка отвечала проклятиями и плевалась в каждого, кто к ней приближался. Сквайры въехали в толпу.

– Освободите дорогу! – изо всей силы крикнул Ральф. – Дайте дорогу графу!

Стивен тоже что-то кричал. Никто не обращал на них внимания.

К югу от аббатства шел крутой спуск к реке. Берег здесь был скалистый, негодный для погрузки барж и плотов, так что пристани располагались на более удобном южном берегу, в предместье Новый город. Мерфин и Керис уселись на низкий, нависший над водой утес.

После дождей река поднялась и течение стало быстрее. Подмастерье понял почему: берега изменились. Раньше широкий южный берег на этом участке покрывал ил, а за ним простиралось болото. Дальше река вытекала на простор, и в детстве он плавал на спине на тот берег. Однако новые пристани, защищенные от паводков каменными стенами, сузили русло, и то же количество воды устремлялось теперь словно в воронку, река будто торопилась поскорее миновать мост. За мостом поток опять расширялся, и около острова Прокаженных течение замедлялось.

– Я сделал ужасную вещь, – буркнул Мерфин.

К несчастью, сегодня Керис особенно хороша – темно-красное льняное платье, нежная кожа. Она расстроилась из-за суда над Нелл, и во взгляде ее сквозила печаль, отчего у молодого человека засосало под ложечкой. Девушка не могла не заметить, что друг всю неделю избегал смотреть ей в глаза. Но его признание будет, вероятно, хуже всех ее предположений.

Фитцджеральд никому ничего не рассказал после ссоры с Гризельдой, Элфриком и Алисой. Никто не знал, что его дверь погибла. Мерфин очень хотел с кем-нибудь поделиться, но что-то удерживало. Подмастерье не шел к родителям: мать примется читать нотации, а отец скажет, что нужно быть мужчиной. Конечно, можно было бы поговорить с братом, но после той драки с Вулфриком их отношения стали прохладнее. Мерфин считал, что Ральф повел себя как животное, и тот знал это.

Ученик плотника боялся сказать возлюбленной правду и на мгновение задумался почему. Нет, он не очень опасался ее реакции. Суконщица, конечно, может презрительно отпихнуть его – это Керис умеет делать очень хорошо, – но вряд ли скажет что-то такое, чего он сам не говорил бы себе все это время. Он вдруг понял, что боится сделать ей больно. Мог вынести гнев, но видеть ее страдание невыносимо.

– Ты еще любишь меня?

Юноша не ожидал такого вопроса, но ответил сразу:

– Да.

– И я тебя люблю. Все остальное можем решить вместе.

Как бы он хотел, чтобы подруга оказалась права. Так хотел, что даже слезы выступили на глазах, и он отвернулся. По мосту за медленно двигающейся повозкой шла толпа – то Полоумную Нелл вели к перекрестку Висельников в Новом городе. Мост уже запрудили отъезжающие торговцы с повозками, и началась давка.

– Что случилось? Ты плачешь?

– Я был с Гризельдой, – резко сказал он.

Керис разинула рот.

– С Гризельдой? – с сомнением переспросила девушка.

– Мне очень стыдно.

– Я думала, с Элизабет.

– Клерк слишком гордая, чтобы предлагать себя.

Реакция Керис удивила его.

– А, так ты сделал бы это с ней, если бы она предложила?

– Я не это имел в виду!

– Гризельда! Пресвятая Дева Мария, я думала, что достойна большего.

– Это правда.

– Lupa[8].

– Она мне даже не нравится. Это было ужасно.

– Ты говоришь так для того, чтобы я поменьше переживала? Хочешь сказать, что не извинялся бы, если бы тебе понравилось?

– Да нет же!

Керис все истолковывала превратно. Мерфин был в отчаянии.

– А что на тебя нашло?

– Она плакала.

– А, чудесно! Значит, ты это сделаешь с каждой девушкой, которую увидишь в слезах?

– Да что же это такое! Просто пытаюсь объяснить тебе, как все случилось, хотя я в принципе не хотел.

Ее презрение усиливалось с каждым его словом.

– Не пори чепухи. Если бы не хотел, этого не случилось бы.

– Пожалуйста, послушай меня, – взмолился он. – Гризельда меня попросила, я сказал «нет». Потом она заплакала, я обнял ее, чтобы успокоить, а потом…

– Пожалуйста, избавь меня от отвратительных подробностей. Я ничего не хочу знать.

Мерфину стало обидно. Он знал, что поступил гадко, и понимал, что возлюбленная рассердится, но презрение ранило.

– Ладно. – Подмастерье замолчал.

Но молчать Керис уже не желала. Сурово посмотрела и спросила:

– Что-то еще?

Он пожал плечами:

– Чего воздух сотрясать? Ты плюешь на все, что я говорю.

– Просто не хочу выслушивать торжественных извинений. Но ты мне сказал не все.

Фитцджеральд вздохнул:

– Она беременна.

И опять Керис удивила. Ее ярость прошла. Лицо, искаженное гневом, вдруг умиротворилось. Осталась одна печаль.

– Ребенок… У нее будет твой ребенок.

– Может, это и не случится. Иногда…

Суконщица покачала головой:

– Гризельда здоровая, хорошо питается. Никаких причин для выкидыша.

– Я совсем этого не хочу, – произнес Мерфин, не вполне уверенный, что это правда.

– И что собираешься делать? Это твой ребенок. Ты будешь любить его, даже ненавидя мать.

– Мне придется жениться на ней.

Керис разинула рот:

---

[8] Шлюха (*лат.*).

– Жениться? Но ведь это навсегда.

– Я зачал ребенка, и мне заботиться о нем.

– Но провести всю жизнь с Гризельдой!

– Знаю.

– Нельзя этого делать. Подумай. Отец Элизабет Клерк не женился на ее матери.

– Он был епископом.

– А Мод Робертс со Слотерхаус-дич? У нее трое детей, и все знают, что их отец Эдвард Мясник.

– Мясник уже женат, и у них еще четверо детей.

– Но не всегда люди женятся. Ты можешь жить как жил.

– Нет, не могу. Мастер выгонит меня.

Она задумалась:

– Ах вот как, ты уже говорил с Элфриком.

– Говорил? – Мерфин поднес руку к опухшей щеке. – Я думал, он убьет меня.

– А что Алиса?

– Кричала.

– Так и она знает.

– Да. Говорит, что я должен жениться на Гризельде. Твоя сестра и так всегда была против нас с тобой. Не знаю почему.

– Она сама тебя хотела, – пробормотала Керис.

Вот так новость, подумал Мерфин. Чтобы надменная Алиса связалась с каким-то подмастерьем?

– Я никогда ничего не замечал.

– Потому что не смотрел в ее сторону. А чего, ты думаешь, она такая злая? Алиса вышла за Элфрика с отчаяния. Ты разбил сердце моей сестры, а теперь разбиваешь мое.

Фитцджеральд отвернулся. Никогда не считал себя сердцеедом. Почему же все так нелепо получилось? Керис замолчала. Юноша мрачно смотрел в сторону моста.

Давка усилилась. Застряла тяжелая повозка, груженная тюками с шерстью, – наверное, сломалось колесо. Телега с Нелл не могла протиснуться дальше. Вокруг толпились люди, кто-то залез на тюки, чтобы лучше видеть. Граф Роланд со свитой ждал в начале моста, но даже он не мог разогнать людей. Мерфин заметил Ральфа на гнедом. Аббат Антоний, вероятно, провожавший графа, беспокойно махал руками, а люди Ширинга врубались на лошадях в толпу, тщетно пытаясь проложить хозяину дорогу.

Кающийся грешник почему-то встревожился. Что-то не так, будущий мастер чувствовал, хотя сначала и не понял, что именно. Подмастерье присмотрелся к мосту. С понедельника он не думал о трещинах, которые заметил на мощных горизонтальных балочных фермах – голова была забита другими проблемами, – но теперь до него дошло. Похоже, центральный бык не поддерживает балки, а, наоборот, тянет их вниз. Но это означает, что по какой-то причине фундамент под ним исчез. Сообразив это, молодой человек тут же догадался почему. Усилившееся течение реки вымыло грунт под быком. В детстве Мерфин бродил босиком по песчаному берегу, и, когда стоял в воде, убегающие волны вытягивали песок из-под ног. Это всегда приводило мальчика в восторг.

Если он прав, то центральный бык не имеет упора снизу, а просто свисает с моста – отсюда и трещины. Железные скобы Элфрика не помогли – наоборот, усугубили проблему, так как бык теперь не имеет возможности со временем найти на дне новую опору.

Подмастерье решил, что парный бык, тот, что со стороны устья, еще стоит на грунте. Течение, конечно же, сильнее давит на этот. Пока конструкция достаточно прочна, чтобы удерживать мост, – до перегрузок. Но сегодня трещины показались молодому строителю шире, чем в понедельник. И не мудрено. На мосту столпились сотни людей – намного

больше, чем обычно; потом еще тяжелая повозка с мешками, на которую взобрались человек тридцать. Сердце Мерфину стиснул страх – мосту не выдержать такой тяжести. Он слышал голос Керис, но смысл ее слов не доходил до сознания, пока девушка не крикнула:

– Ты меня даже не слушаешь!

– Там может случиться ужасное, – пробормотал юноша.

– Ты о чем?

– Нужно всех согнать с моста.

– Ты с ума сошел? Они мучают Полоумную Нелл. Даже граф Роланд не может проехать. Тебя никто не станет слушать.

– Я боюсь, что мост рухнет.

– Ой, смотри, – воскликнула Суконщица, вытянув руку. – Видишь, кто-то бежит по дороге из леса на том берегу.

«Да при чем тут это!» – раздраженно подумал юноша, но все-таки посмотрел. Точно, молодая женщина, волосы развеваются на ветру.

– Кажется, это Гвенда, – прищурилась Керис.

За ней гнался человек в желтой тунике.

Никогда еще Гвенда не чувствовала такой усталости. Она знала, что на длинных дистанциях лучше всего чередовать бег и ходьбу: двадцать шагов бегом, двадцать шагом. Вспомнила об этом много часов назад, когда заметила Сима. На какое-то время Гвенда потеряла его из виду, но затем, когда ландшафт вновь стал равнинным, увидела, что Коробейник использует тот же трюк. Миля сменялась милей, час проходил за часом, и он нагонял. В полдень девушка поняла, что при таком положении дел преследователь догонит ее прежде, чем она доберется до Кингсбриджа.

В отчаянии беглянка свернула в лес, но далеко от дороги не отходила, боясь заблудиться. Скоро услышала шаги, тяжелое дыхание и разглядела сквозь деревья Сима. Выйдя на ровный участок дороги, он догадается об ее маневре. И точно, через некоторое время Коробейник вернулся. Гвенда стала продираться между деревьями, через определенные промежутки времени останавливаясь и прислушиваясь. Ей долго удавалось прятаться, ведь Симу приходилось прочесывать лес по обе стороны. Но и сама тоже двигалась медленно, поскольку нужно было прокладывать путь через заросли, стараясь при этом не слишком отклоняться от дороги.

Услышав вдалеке гул толпы, Гвенда поняла, что город рядом. Осторожно выглянула из-за кустов на дорогу – пусто, а в четверти мили на севере уже виднеется башня собора. Почти пришла. Беглянка услышала знакомый лай – из придорожных кустов выскочил Скип. Девушка погладила его, пес весело завилял хвостом и стал лизать хозяйке руки. На глазах у нее выступили слезы.

Сима не было видно, и Гвенда рискнула выйти на дорогу, вернувшись к прежней схеме: двадцать шагов бегом, двадцать – шагом. Теперь рядом бежал счастливый Скип, решив, что это новая игра. Каждый раз, меняя шаг, девушка оборачивалась, и на третий раз увидела Сима. Коробейник был всего в нескольких сотнях ярдов. Отчаяние накрыло волной. Захотелось лечь на землю и умереть. Но спасение уже совсем рядом. Она заставила себя двинуться дальше.

Попыталась бежать быстрее, однако ноги болели и не слушались. Лучше всего давался медленный бег вперевалку. Кровь сочилась сквозь дырявые башмаки. Свернув на перекрестке Висельников, беглянка увидела на мосту огромную толпу. Все смотрели в одну сторону, и никто не обращал внимания на Гвенду, которая, спасая свою жизнь, бежала из последних сил, а ее уже нагонял Сим Коробейник.

У нее был при себе только столовый нож, который, может, еще разрежет жареного зайца, но вряд ли выведет из строя человека. Как жаль, что у нее не хватило духу вытащить из башки Олвина его длинный кинжал. Теперь она практически беззащитна.

Справа показались домики предместья, где жили люди, не имевшие средств поселиться в городе, слева – принадлежавшее аббатству пастбище, поле Влюбленных. Гвенда уже слышала хриплое, неровное дыхание Сима. Ужас придал девушке сил. Залаял Скип, но не грозно, а трусливо – он не забыл камень, разбивший ему нос.

Перед мостом блестела огромная лужа липкой грязи, вспененной лодками, копытами, тележными колесами. Гвенда побрела по ней, надеясь только, что тяжелый Сим увязнет еще глубже. Дошла до моста и ввинтилась в толпу, менее плотную по краям. Все смотрели туда, где тяжелая, груженная шерстью телега мешала проехать запряженной быками повозке. Нужно было добраться до дома Керис, который уже показался на главной улице.

– Пустите меня! – кричала Гвенда, протискиваясь вперед.

Кажется, ее расслышал только один человек – Филемон. Брат в беспокойстве разинул рот и постарался пробиться к сестре, но тщетно. Она попыталась протиснуться мимо быка, тащившего телегу, но тот лишь тряхнул мощной головой и отбросил ее в сторону. Беглянка потеряла равновесие, и в этот момент большая рука больно схватила ее.

– Я поймал тебя, дрянь, – дохнул Сим. Притянул девушку к себе и сильно ударил по лицу. У нее не осталось сил сопротивляться. Скип слабо цапнул Коробейника за пятки. – Больше тебе от меня не уйти.

Ее накрыло отчаяние. Все зря: совращение Олвина, убийство, много миль бегом. Она снова очутилась там, откуда бежала, – в плену у торговца. А затем мост как будто поехал.

13

Мерфин увидел, что середина моста прогнулась, будто лошадь, которой переломили хребет. У людей, мучивших Нелл, под ногами поплыло. Все зашатались, хватаясь за соседей. Кто-то упал через перила в воду, затем еще один, еще. Свист и улюлюканье быстро потонули в воплях ужаса.

– Нет! – крикнул подмастерье.

– Что случилось? – недоумевала Керис.

Он хотел сказать: «Все эти люди, все, с кем мы выросли – женщины, которые были к нам добры; мужчины, которых мы ненавидим; дети, которые стараются нам подражать; матери и сыновья, дядья и племянники; суровые учителя, заклятые враги и страстные любовники, – все они сейчас погибнут», – но не мог произнести ни слова.

На какой-то момент – короче вздоха – молодой человек понадеялся, что мост застынет в новом положении. Но нет, он проседал все ниже. Скрепленные скобами балки по очереди вылетали из пазов. Доски полотна, на которых находились люди, вздымались; выскакивали поперечные крепления, поддерживавшие проезжую часть моста; выламывались из дерева железные скобы Элфрика.

Центральная часть моста осела той стороной, что смотрела на исток реки. Повозка с шерстью накренилась, и зевак, стоявших и сидевших на тюках, с силой швырнуло в реку. Огромные бревна с жутким щелчком взлетели в воздух, размозжив головы всем, кто не успел отскочить. Непрочные перила рухнули, и повозка медленно поползла вниз; беспомощные быки в ужасе заревели. Она ползла медленно, как в страшном сне, и с громким всплеском ударилась о воду. В реку стали прыгать и падать десятки зевак, затем больше, больше. На тех, кто пытался выплыть, сверху валились люди и вылетевшие бревна – большие и поменьше. Падали лошади, с ездоками и без, а на них сверху падали повозки.

Первая мысль Мерфина была о родителях. Они не ходили на процесс Нелл и не пойдут смотреть на казнь: мать считала посещение подобных публичных зрелищ ниже своего достоинства, а отца мало интересовала какая-то жалкая сумасшедшая. Но они были в аббатстве, чтобы проститься с Ральфом, а тот на мосту. Подмастерье увидел, как брат пытается обуздать Грифа, который встал на дыбы и бил передними копытами.

– Ра-альф! – завопил он – конечно, глупо. Затем доски, что были под Грифом, полетели в воду и лошадь вместе со всадником исчезли из виду. – Не-ет!

Мерфин перевел взгляд на другой конец моста, где Керис заметила Гвенду, и увидел, как она борется с человеком в желтой тунике. Затем подалась и эта часть, и оба края моста затянула в воду рухнувшая середина.

Река теперь представляла собой массу бултыхающихся людей, обезумевших лошадей, расщепившихся бревен, раздавленных повозок и окровавленных тел. Юноша вдруг понял, что Керис уже нет рядом с ним, она торопилась к мосту – взбиралась на скалы, бежала по склизкому берегу. Девушка обернулась и закричала:

– Скорей! Чего же ты? Идем помогать!

Наверно, так бывает на войне, подумал Ральф: крики, беспорядочная гибель людей, падающие тела, обезумевшие от страха лошади. Это была его последняя мысль, прежде чем земля ушла из-под ног. Сквайр испытывал настоящий ужас и никак не мог понять, что же произошло. Мост, знакомый с детства, вдруг исчез, и они с лошадью падают в пустоту. Затем конь выскользнул из-под седока. Через секунду Ральф упал в холодную реку.

Погрузившись под воду, задержал дыхание. Панический ужас уступил место спокойствию. Ребенком он много плавал – среди владений отца было одно приморское селение – и знал, что рано или поздно его вынесет на поверхность, хотя, может, и не скоро. Вниз тянула одежда для верховой езды и меч. Будь на нем доспехи, остался бы на дне навсегда. Но в конце концов голова показалась над водой, и Ральф глотнул воздуха.

В детстве Фитцджеральд хорошо плавал, но это было давно. Однако тело само вспомнило необходимые движения, сквайр смог удержать голову над водой и стал пробивать себе дорогу к ближнему, северному берегу. Рядом мелькнул красновато-рыжий круп и черная грива Грифа, он плыл в том же направлении.

Наклон головы коня изменился, и Ральф понял, что жеребец нащупал опору. Пловец опустил ноги, встал и побрел к берегу. Илистое дно затягивало. Гриф выбрался на узкий берег под стены аббатства, скоро за ним вышел и Ральф. И оглянулся. В воде барахталось несколько сотен человек, многие окровавлены, куча трупов. Неподалеку Фитцджеральд заметил человека в черно-красной ливрее графа Ширинга, лицом вниз. Сквайр вернулся, вошел в реку, схватил утопленника за ремень и выволок тяжелое тело на берег. Когда перевернул труп, сердце его стиснуло – Стивен. Лицо друга было чистым, но в широко открытых глазах никаких признаков жизни. Торс раздавило всмятку, и Ральф не мог прослушать сердце. «Только что я ему завидовал, – думал он, – а теперь сам оказался в счастливчиках». Испытывая непонятное чувство вины, закрыл Стивену глаза и подумал о родителях. Всего несколько минут назад оставил их у конюшни. Даже если они пошли за ним, то вряд ли успели дойти до моста. С ними должно быть все в порядке. А где леди Филиппа? Ральф восстановил в памяти секунды перед крушением моста. Кастер с женой ехали позади графской процессии и не достигли моста.

Но Ширинг въехал. Сквайр все вспомнил: Роланд верхом на Виктори находился чуть сзади, нетерпеливо пытаясь протиснуться в узкий проход в толпе людей, проложенный Ральфом и Стивеном. Значит, он упал недалеко.

Фитцджеральд вспомнил слова отца: «Будь начеку, не упусти случая угодить графу». А вдруг это и есть тот самый случай, взволнованно подумал молодой человек. Может, и не

надо ждать войны. Может, удастся отличиться сегодня. Вдруг он спасет Роланда – или хотя бы Виктори.

Эта мысль придала сил. Сквайр осмотрел реку. На графе была яркая пурпурная туника и черный бархатный плащ. Сначала ничего нельзя было разобрать в массе тел – живых и мертвых, затем Ральф увидел черного коня с заметным белым пятном над глазом, и сердце его подпрыгнуло. Виктори метался по воде и почему-то не плыл. Может, сломана нога, а то и не одна. Рядом – высокий человек в пурпурно-черном. Вот он – случай Ральфа.

Сквайр сбросил верхнюю одежду – только лишний груз – и, в одних подштанниках плюхнувшись обратно в реку, поплыл к графу. Ему приходилось с трудом продираться между мужчинами, женщинами, детьми. Многие отчаянно гребли навстречу и мешали. Фитцджеральд безжалостно бил их кулаками и наконец добрался до ослабевшего Виктори. На несколько мгновений конь замер, потом начал тонуть; но когда голова его ушла под воду, вновь забился.

– Ничего, малыш, ничего, – шепнул Ральф ему в ухо, хоть был уверен, что тот обречен.

Роланд лежал на спине с закрытыми глазами – или без сознания, или мертвый. Одна нога застряла в стремени – наверно, именно поэтому он и не утонул. Шапка пропала, затылок представлял собой кровавое месиво. После такого никто не выживет, подумал Ральф, но все-таки решил вытащить хозяина. Наверняка полагается награда и за тело, если это тело графа.

Он попытался освободить ногу Роланда из стремени, однако расплющенная железная дужка крепко зажала стопу. Ральф потянулся за ножом, но вспомнил, что тот привязан к поясу, который остался на берегу вместе с одеждой. Но у графа тоже имелось оружие. Сквайр на ощупь вытащил из ножен кинжал. Виктори дергался и мешал отрезать стремя. Всякий раз, как юноша хватался за него, гибнущая лошадь подавалась в сторону, и никак не удавалось поднести кинжал к ремню. Отпихивая коня, он даже порезал себе руку. Наконец Ральф уперся обеими ногами в мощный круп и перерезал ремень.

Теперь нужно вытащить неподвижное тело графа на берег. Фитцджеральд все-таки не очень хорошо плавал и уже задыхался от усталости. Кроме того, из-за сломанного носа мог дышать только ртом, куда все время заливалась речная вода. Оперевшись на бедняжку Виктори, постарался восстановить дыхание, но тело Ширинга, оставшееся без поддержки, начало уходить под воду, и Ральф понял, что его не удержать.

Правой рукой схватив Роланда за щиколотку, он погреб к берегу. Теперь, когда в распоряжении осталась всего одна рука, плыть стало намного сложнее. Сквайр не смотрел на Роланда: если голова графа погрузится в воду, он ничего не сможет сделать. Уже через несколько секунд пловец запыхался, руки и ноги болели.

Этому его не учили. Он был молодым, сильным, всю жизнь участвовал в охоте и турнирах, прекрасно владел мечом, мог оставаться в седле целый день, а вечером одержать победу в кулачном сражении. Но теперь ему понадобились неразработанные мышцы. Шея болела, оттого что приходилось удерживать голову над водой. Постоянно заглатывал воду, кашлял и задыхался, бешено бил левой рукой, но ему удавалось лишь оставаться на поверхности. Ральф тащил тяжелое тело графа, еще больше отяжелевшее от намокшей одежды. К берегу он приближался со скоростью, наводящей на мысли о смерти.

Наконец сквайр нащупал дно. Хватая ртом воздух, он побрел по илу, таща за собой Роланда. Когда вода дошла до бедер, Ральф взял графа на руки, вынес на берег, положил тело на землю и без сил рухнул рядом. Последним усилием припал к груди Ширинга. Под ребрами сильно билось сердце. Граф был жив.

Когда мост рухнул, Гвенда застыла от страха, но внезапное погружение в холодную воду привело ее в чувство. Вынырнув, беглянка очутилась в окружении людей, которые кричали и ссорились. Кто-то опирался на обломки бревен, на них, в свою очередь, повисли

соседи. Первые чувствовали, что их тянет вниз, и отбивались. Все это напоминало ночную драку у кингсбриджской таверны. Было бы смешно, если бы вокруг не гибли люди.

Гвенда набрала воздуху и ушла под воду, а когда снова выплыла, к своему ужасу, увидела прямо перед собой Сима. Выпустив изо рта фонтан, Коробейник начал погружаться в реку, так как, судя по всему, тоже не умел плавать, и в отчаянии попытался опереться на ее плечо. Недавняя пленница тут же ушла вниз. Сообразив, что девушка ему не поможет, Коробейник отпустил ее.

Под водой, задержав дыхание и отчаянно стараясь вырваться из когтей ужаса, девушка подумала: «Я не могу теперь утонуть, после всего, через что прошла». Когда ее вынесло на поверхность, она почувствовала мощный толчок и боковым зрением увидела быка, пнувшего ее за секунду до крушения моста. Судя по всему, животное не пострадало и уверенно плыло к берегу. Гвенда вытянула руку и уцепилась за рог. Бык дернул головой, но затем снова выпрямил мощную шею. Гвенде удалось-таки удержаться. Рядом очутился Скип, он плыл легко, поскуливая от радости, что хозяйка рядом.

Бык плыл к берегу предместья. Гвенда с трудом удерживала рог, рука то и дело норовила соскользнуть. Кто-то схватил девушку, и, обернувшись через плечо, она вновь увидела Сима. Коробейник пытался удержаться за Гвенду и тащил ее вниз. Уцепившись покрепче за быка, беглянка свободной рукой оттолкнула его. Сим плюхнулся в воду, голова его оказалась недалеко от ее ног. Прицелившись, недавняя пленница изо всех сил ударила его в лицо. Сим закричал от боли, но тут же затих, потому что с головой ушел под воду.

Бык нащупал грунт; отряхиваясь и сопя, тяжело выбрался из воды. Гвенда отпустила животное, едва коснувшись ногами дна. Скип испуганно залаял, и девушка с тревогой обернулась. На берегу мучителя не было. Она осмотрела реку, выискивая среди тел и плавающих деревянных обломков желтую тунику. Коробейник плыл, держась за бревно, лягаясь ногами и двигаясь прямо на нее. Бежать она не могла – иссякли силы, мокрое платье стало тяжеленным. На этом берегу спрятаться негде, а на тот теперь не перебраться. Но беглянка не собиралась вновь превращаться в рабыню.

Гвенда видела, что Симу трудно, и воспрянула духом. Бревно удерживало торговца в неподвижном состоянии, но как только он начинал толкаться к берегу, рывки нарушали равновесие. Коробейник налегал на бревно, приподнимался, пытался грести к берегу, но срывался, и голова уходила под воду. Так, ему, пожалуй, не добраться до берега.

И тут Гвенда поняла, что этому нужно поспособствовать. Лихорадочно осмотрелась. В воде полно обломков моста – от огромных досок до щепок. В глаза бросился крепкий обломок около ярда длиной. Она зашла в воду, схватила его и, двинувшись навстречу недавнему хозяину, с удовольствием заметила, как в его глазах вспыхнул страх. Коробейник застыл. Перед ним – женщина, которую он пытался сделать товаром, возмущенная, решительная, со страшной дубиной в руках. Позади – водная пучина. Коробейник двинулся вперед.

Гвенда стояла по пояс в воде и поджидала момент. Сим вновь застыл, и по его движениям она догадалась, что мучитель пытается ногами нащупать дно. Теперь или никогда. Беглянка подняла свое оружие и шагнула вперед. Коробейник понял ее намерения и отчаянно забрыкался, но потерял равновесие: он не мог ни плыть, ни идти, ни нырнуть. Гвенда со всей силы опустила дубину на голову грязного барышника. Глаза Сима закатились, и он рухнул без сознания.

Девушка потянула его за желтую тунику, но не для того, чтобы отпихнуть обратно в реку – он мог выжить. Беглянка схватила голову Коробейника обеими руками и погрузила под воду. Это оказалось труднее, чем она думала, хоть мучитель и был без сознания. Руки соскальзывали с сальных волос. Зажала его голову под мышкой и оторвала ноги ото дна, чтобы своим весом удержать торговца под водой. Кажется, получилось. Сколько нужно вре-

мени, чтобы утопить человека? Шут его знает. Легкие Сима должны уже наполниться водой. Как же ей понять, когда можно отпускать?

Вдруг тонущий дернулся. Гвенда крепче стиснула его голову. Не знала, приходит ли Коробейник в себя или это предсмертные конвульсии. Он дергался сильно, но как-то суматошно. Беглянка нащупала дно, встала твердо и, осмотревшись, еще раз поглубже толкнула негодяя под воду. Никто не обращал на нее внимания: каждый думал лишь о том, как бы выжить. Через несколько секунд движения Сима стали слабее. Скоро он затих. Постепенно и девушка ослабила хватку. Коробейник медленно пошел ко дну. Больше черная душа не всплывет.

Тяжело дыша, Гвенда добрела до берега и без сил опустилась на склизкую землю. На поясе топорщился кошель, который разбойники почему-то не отобрали; ей удалось пронести его через все испытания. Там бесценное приворотное зелье Мэтти Знахарки. Открыв кошель, она увидела лишь глиняные осколки. Флакончик разбился. И Гвенда заплакала.

Суконщица осмотрелась. Первым человеком, совершившим какие-то осмысленные действия, оказался брат Мерфина. Он не пострадал – нос ему сломали раньше. Ральф вытащил из воды графа Ширинга и положил на берегу рядом с телом Стивена в графской ливрее. На голове графа она увидела жуткую рану, возможно, смертельную. Сквайр, в одних мокрых подштанниках, выбился из сил и, кажется, не знал, что делать дальше. Керис думала, как быть.

На этом берегу небольшие илистые участки чередовались с голыми скалистыми выступами. Тут негде положить погибших и раненых, нужно найти другое место. В нескольких ярдах каменная лестница вела к воротам в стене аббатства. Суконщица приняла решение. Указав туда, сказала Ральфу:

– Неси графа в монастырь. Осторожно положи в собор и беги в госпиталь. Скажи первой же монахине, чтобы немедленно позвала мать Сесилию.

Сквайр обрадовался, что нашелся решительный человек, и немедленно подчинился. Мерфин забрел в воду, но Керис его остановила:

– Посмотри на эту толпу идиотов. – Она показала на городской берег. Десятки людей неподвижно таращились на кровавую сцену. – Возьми сильных мужчин. Пусть начинают вытаскивать людей из воды и переносить в собор.

Фитцджеральд замялся:

– Они не войдут в воду.

Керис его поняла. Спасателям придется карабкаться по обломкам, а это может лишь увеличить количество смертей. Но огороды домов на главной улице примыкают к монастырским стенам; из огорода углового дома Бена Колесника можно выйти к реке. Подмастерье подумал о том же.

– Я проведу их через дом Бена.

– Хорошо.

Юноша забрался на скалу, толкнул дверь и исчез. Керис посмотрела на воду. К берегу брел высокий человек, в котором она узнала Филемона. Тяжело дыша, он спросил:

– Ты видела Гвенду?

– Да, прямо перед тем, как рухнул мост. Она убегала от Сима Коробейника.

– Знаю, но где она теперь?

– Не вижу. Лучшее, что ты можешь сделать, это начать вытаскивать людей из воды.

– Я хочу найти сестру.

– Если она жива, то среди тех, кому нужно выбраться из реки.

– Ладно.

Филемон плюхнулся обратно в воду. Керис тоже очень хотелось узнать, как ее родные, но здесь было столько дел. Девушка решила поискать отца при первой же возможности.

Из ворот своего дома вышел Бен Колесник. Этот коренастый увалень с широкими плечами и мощной шеей не привык работать головой. Он спустился к берегу и осмотрелся, не зная, что делать. На земле перед Керис лежал один из людей графа Роланда в черно-красной ливрее – вероятно, мертвый. Дочь Суконщика распорядилась:

– Бен, отнеси его в собор.

Появилась жена Колесника Либ с малышом. Она была посообразительнее мужа и спросила:

– Может, сначала заняться живыми?

– Сперва нужно вытащить всех из воды, чтобы понять, кто мертвый, а кто живой. А на берегу тела оставлять нельзя, они будут мешать спасательным работам. Неси в собор.

Либ поняла, что это разумно.

– Делай, как говорит Керис, Бен.

Здоровяк легко подхватил тело. Суконщице пришло в голову, что быстрее будет переносить тела на растяжках, какие используют строители. Это могут организовать монахи. Но где они? Она хоть и велела Ральфу позвать мать Сесилию, пока никто не появился. Раненым потребуются повязки, мази, вино для промывания ран; на счету каждый монах, каждая монахиня. Нужно сходить за Мэтью Цирюльником: будет много переломанных костей. И за Мэтти Знахаркой – ее отвары облегчат боль. Нужно бить тревогу, но Керис не хотела уходить с берега, не организовав помощь. Где же Мерфин?

К берегу ползла женщина. Девушка зашла в воду и помогла ей подняться на ноги. Мокрое платье облепило фигуру Гризельды, и Керис увидела полную грудь и округлые бедра. Зная, что та беременна, с тревогой спросила:

– Ты как?

– Кажется, ничего.

– Крови нет?

– Нет.

– Слава Богу. – Дочь Эдмунда осмотрелась и, облегченно вздохнув, заметила Мерфина, выходившего с огорода Бена Колесника во главе группы мужчин. На некоторых были графские ливреи. Она крикнула: – Возьми Гризельду, помоги ей дойти до аббатства. Ей нужно отдохнуть. – И ободряюще прибавила: – У нее все в порядке.

Мерфин и Гризельда удивленно посмотрели на нее, и та вдруг осознала странность ситуации. Все трое так и застыли: будущая мать, отец ее ребенка и женщина, которая его любит. Керис опомнилась и принялась раздавать указания.

Гвенда немного поплакала, затем встряхнулась. Плакала она, конечно, не из-за разбитого флакона – Мэтти сделает еще, а Керис заплатит, если обе живы, – а из-за всего, что ей пришлось пережить за последние двадцать четыре часа: от предательства отца до сбитых в кровь ног. Она не раскаивалась, что убила двух человек. Сим и Олвин пытались превратить ее в рабыню и проститутку. Подлецы заслужили смерть. А убийство разбойников даже не считается преступлением. Девушка была рада, что ей удалось вырваться на свободу, и в то же время ее мутило от воспоминаний. Никогда ей не забыть, как умирающий Сим бился у нее под мышкой. Она боялась, что кончик кинжала Олвина, торчащий из его же глаза, будет преследовать ее во сне. Гвенду колотила дрожь.

Тут же попыталась переключиться. Кто еще погиб? Родители собирались уезжать из Кингсбриджа вчера. А Филемон? Керис? Вулфрик, которого она так любит? Девушка посмотрела на реку, и одной тревогой сразу стало меньше. Керис с Мерфином на том берегу, похоже, руководят мужчинами, вытаскивающими людей из воды. Гвенде стало легче: она не

совсем одна в этом мире. Но что с Филемоном? Видела его перед тем, как рухнул мост. Брат должен был упасть недалеко. Но Гвенда никак не могла его найти.

А где Вулфрик? Вряд ли его интересовало, как будут сечь ведьму. Однако их семейство собиралось возвращаться сегодня в Вигли, и возможно – Господи, не допусти, – что они как раз шли по мосту в момент обрушения. Она лихорадочно водила глазами по реке, выискивая рыжевато-каштановые волосы, молилась о том, чтобы увидеть, как Вулфрик плывет к берегу, а не лежит на воде лицом вниз, но так ничего и не увидела.

Гвенда решила перебраться на тот берег. Плавать не умела, но решила, что на прочной доске, которая удержит ее на поверхности, сможет отталкиваться от воды. Найдя подходящее бревно, вытащила, отошла на пятьдесят ярдов вверх по течению, подальше от гущи тел, и снова побрела по воде. Скип бесстрашно последовал за хозяйкой. Плыть оказалось труднее, чем она ожидала, мокрое платье мешало, но все-таки девушка добралась. Подбежала к Керис, и подруги обнялись.

– Что с тобой случилось?

– Я убежала.

– А Сим?

– Он был разбойник.

– Был?

– Его больше нет.

Керис вытаращила глаза. Гвенда поспешила прибавить:

– Он погиб, когда рухнул мост. – Знать подробности не нужно даже лучшей подруге. – Ты видела моих?

– Родители вчера уехали из города, а с Филемоном я говорила несколько минут назад, он искал тебя.

– Слава Богу! А Вулфрик?

– Не знаю. Из реки его не выносили. Его невеста уехала вчера, но родители и брат утром были в соборе, где судили Полоумную Нелл.

– Я поищу его.

– Удачи.

Гвенда побежала вверх по ступеням. На лужайке последние торговцы еще укладывали вещи, и девушка не могла поверить, что они занимаются таким будничным делом, когда только что погибли сотни людей. Потом ей пришло в голову, что они, может быть, еще ничего не знают: ведь это случилось так недавно, хотя казалось, прошла вечность. Пройдя через монастырские ворота, влюбленная очутилась на главной улице. Вулфрик остановился в «Колоколе». Бросилась туда. Возле бочки с элем стоял какой-то испуганный мальчишка. Гвенда, задыхаясь, бросила:

– Я ищу Вулфрика из Вигли.

– Здесь никого нет, – ответил мальчишка. – Я подмастерье, меня оставили сторожить пиво.

Гвенда поняла, что всех позвали к реке. Ринулась на улицу, на выходе столкнулась с Вулфриком и так обрадовалась, что обняла его.

– Ты жив, слава Богу!

– Так это правда, что рухнул мост?

– Да, ужасно. Где твои?

– Уехали. Я остался собрать долги. – Сосед кивнул на маленький кожаный кошель. – Надеюсь, их не было на мосту, когда он рухнул.

– Я знаю, как это выяснить. Пойдем со мной.

Девушка взяла парня за руку, и тот пошел за ней к монастырю, не отняв руки. Никогда еще Гвенда так долго не держала Вулфрика за руку – большую, с загрубевшими от работы

пальцами и мягкой ладонью. Несмотря на все, что случилось, она дрожала. Молодые люди зашли в собор.

– Пострадавших, которых вытаскивают из реки, приносят сюда, – объяснила селянка соседу.

На каменном полу лежало примерно тридцать тел, все время приносили еще. Монахини, рядом с мощными колоннами казавшиеся карлицами, ухаживали за ранеными. Трудился даже слепой регент.

– Кладите мертвых на северную сторону, – говорил он, когда Гвенда и Вулфрик вошли в неф, – раненых – на южную.

Вдруг юноша страшно вскрикнул. Гвенда проследила за взглядом и увидела среди раненых его брата Дэвида. Оба бросились к нему и встали на колени. Дэвид был на несколько лет старше Вулфрика, такой же рослый. Глаза открыты, дышит, но, казалось, никого не видит.

– Дейв, – тихо, но настойчиво позвал молодой человек, – Дейв, это я, Вулфрик.

Гвенда почувствовала что-то липкое и поняла, что Дэвид лежит в луже крови. Вулфрик продолжал:

– Дейв, где мама с папой?

Ответа не было. Девушка осмотрелась и в конце нефа, в северном приделе, куда Карл Слепой велел относить трупы, увидела знакомое лицо.

– Вулфрик, – тихо позвала она.

– Что?

– Твоя мама.

Он встал и осмотрелся.

– О нет, – простонал юноша.

Мать Вулфрика лежала возле сэра Стивена, лорда Вигли, – теперь они стали равны. Как странно, что такая маленькая женщина родила двух таких больших сыновей. При жизни крепкая, энергичная, теперь она казалась хрупкой куклой – белая и тонкая. Вулфрик положил ей руку на грудь, пытаясь прощупать сердце. Изо рта вытекло немного воды.

– Утонула, – прошептал он.

Гвенда положила руку на широкое плечо соседа, пытаясь утешить, но крестьянин даже не заметил. Воин в черно-красной ливрее графа Роланда внес безжизненное тело крупного мужчины. Парень зашатался: его отец. Девушка попросила:

– Положите его здесь, рядом с женой.

Вулфрик окаменел. Он ничего не говорил и, похоже, ничего не понимал. Гвенда тоже была потрясена. Что можно в такой ситуации сказать человеку, которого любишь? Все приходившие в голову слова казались глупыми. Она так хотела его утешить, но не знала как.

Юноша не отрываясь смотрел на тела родителей, а Гвенда перевела глаза на Дэвида. Тот не подавал признаков жизни. Девушка подбежала к нему. Глаза его застыли, он больше не дышал. Положила руку на грудь: сердце не билось. Как все это вынесет Вулфрик? Гвенда вытерла слезы и вернулась к молодому крестьянину. Скрывать правду бессмысленно.

– Дэвид умер.

Вулфрик посмотрел на нее пустыми глазами, словно не понял. Ужасная мысль пришла Гвенде, что, может, от горя парень повредился рассудком. Наконец он произнес:

– Все. Все трое. Все погибли.

Юноша посмотрел на Гвенду, в глазах его стояли слезы. Она обняла возлюбленного, который содрогался от безудержных рыданий, и крепко-крепко прижала к себе.

– Бедный Вулфрик, – повторяла она. – Бедный, бедный, любимый Вулфрик.

– Слава Богу, у меня еще есть Аннет.

Часом позже тела погибших и раненых покрыли почти весь пол. Помощник настоятеля Карл Слепой стоял в средокрестии с тонколицым казначеем Симеоном – своими глазами. Ему пришлось возглавить работы, поскольку Антония никто не мог найти.

– Брат Теодорик, ты? – спросил он, узнав по звуку шагов вошедшего голубоглазого монаха. – Найди могильщика, скажи, чтобы он взял в помощь шестерых сильных мужчин. Нам понадобится по меньшей мере сто могил, а в это время года мы не можем затягивать похороны.

– Иду, брат.

Керис поразилась, как толково распоряжался Карл, несмотря на слепоту. Когда Мерфин организовал работы на реке, она ушла оттуда. Убедившись, что все монахи знают о беде, нашла Мэтью Цирюльника и Мэтти Знахарку и отправилась на поиски своих. На мосту в момент крушения находились только дядя Антоний и Гризельда. Отца девушка нашла у здания гильдии с Буонавентурой Кароли. Эдмунд пробурчал:

– Теперь им придется построить новый мост! – И заковылял к реке помогать вытаскивать людей из воды.

Остальные оказались в порядке: тетка Петронилла готовила дома обед; сестра Алиса сидела с Элфриком в «Колоколе»; двоюродный брат Годвин проверял в соборе, как идут строительные работы. Гризельда отправилась домой отдохнуть. Об Антонии не было никаких известий. Керис не любила дядю, но не желала ему смерти и время от времени с тревогой осматривала тела, которые все несли и несли с берега.

Мать Сесилия и монахини промывали раны, накладывали мед, обеззараживающие средства, повязки и разносили укрепляющий, горячий, сдобренный пряностями эль. Мэтью, опытный полевой хирург, работал вместе с тучной Мэтти. Цирюльник вправлял поломанные руки и ноги, а Знахарка потом выдавала успокоительное.

Керис прошла к южному рукаву трансепта. Там, подальше от шума, сутолоки и крови, старшие врачи-монахи суетились вокруг все еще безжизненного тела графа Ширинга. С него сняли мокрую одежду и накрыли тяжелым одеялом.

– Он жив, – сообщил ей Годвин, – но положение очень серьезное. – Ризничий показал на затылок: – Раздроблена часть черепа.

Голова графа напоминала раздавленную корку пирога, смоченную кровью. В щели даже виднелось серое вещество. Конечно, с такими страшными ранами ничего не поделаешь. Брат Иосиф, видимо, считал так же, поскольку потер большой нос и прошепелявил:

– Необходимы мощи. Только они дадут надежду на выздоровление.

Керис не очень верила в это, но ничего не сказала. Зная, что в данном отношении отличается от остальных, она редко афишировала свои воззрения. Сыновья графа, лорд Уильям и епископ Ричард, стояли тут же. Высокий черноволосый бравый Уильям был более молодой копией человека, лежавшего без сознания. У Ричарда же были более светлые волосы и выпирающий животик. Возле них мялся брат Мерфина Ральф.

– Это я вытащил графа из воды, – напомнил он.

Керис уже второй раз слышала от него эти слова.

– Да, хорошо, – отозвался Уильям.

– А вы ничем не можете помочь графу? – обратилась к монахам Филиппа.

Годвин ответил:

– Самое сильное средство – молитва.

Мощи святого Адольфа покоились в ковчеге под главным алтарем. Когда Годвин и Иосиф ушли за ними, Мэтью Цирюльник наклонился над графом и осмотрел рану на голове.

– Так не лечат, – бросил он.

Уильям резко бросил:

– Что вы хотите этим сказать?

Лорд говорил, как и его отец.

– Череп ничем не отличается от других костей, – ответил Мэтью. – Он может срастись, но нужно правильно свести осколки. Иначе, если криво…

– Вы полагаете, что знаете лучше монахов?

– Милорд, монахи знают, как призвать помощь невещественного мира. Я лишь скрепляю поломанные кости.

– А откуда у вас такие знания?

– Много лет назад я служил хирургом в королевской армии. Войну с шотландцами прошел бок о бок с графом Роландом. Я и раньше видел проломленные головы.

– Вы можете что-нибудь сделать для моего отца?

От напора Уильяма Мэтью заметно нервничал, но говорил уверенно:

– Я бы вынул частички сломанной кости из мозга, промыл их и попытался сложить.

Керис разинула рот. Она не осмелилась бы на такую дерзкую операцию. Как у Цирюльника хватило духу предложить такое? А если он не прав?

Уильям спросил:

– И отец выздоровеет?

– Не знаю, – ответил Мэтью. – Иногда раны головы имеют странные последствия – нарушается ходьба или речь. Все, что я могу, это сложить череп. Если вы хотите чудес, просите святого.

– Так вы не можете обещать успеха.

– Всемогущ только Господь Бог. Люди должны делать то, что могут, и надеяться на лучшее. Однако я считаю, что ваш отец умрет, если рану не обработать.

– Но Иосиф и Годвин читали книги древних.

– А я видел раненых на полях сражений. Одни умирали, другие выздоравливали. Вам решать, кому довериться.

Уильям посмотрел на жену. Филиппа предложила:

– Пусть Цирюльник сделает что может, попросив помощи у святого Адольфа.

– Хорошо, приступайте, – кивнул Уильям.

– Графа нужно положить на стол, – решительно начал Цирюльник. – Возле окна, где на рану будет падать яркий свет.

Уильям щелчком подозвал двух послушников.

– Выполняйте приказы этого человека, – велел он.

Мэтью продолжил:

– Все, что мне потребуется, это миска теплого вина.

Монахи принесли из госпиталя грубо сколоченный стол и поставили его под большим окном южного рукава трансепта. Два сквайра положили на него графа Роланда.

– Пожалуйста, лицом вниз, – попросил Мэтью.

Графа перевернули. У хирурга имелся кожаный ранец, где он хранил острые инструменты, благодаря которым цирюльники и получили свое наименование. Сначала он достал маленькие ножницы и, наклонившись над Ширингом, начал срезать густые черные, но сальные волосы вокруг раны. Срезанные локоны Мэтью отбрасывал в сторону, и когда выстриг вокруг раны круг, ее стало лучше видно.

Вернулся брат Годвин с ковчегом – резной шкатулкой из золота и слоновой кости, где хранилась голова святого Адольфа и фрагменты руки. Увидев манипуляции Мэтью, он возмущенно спросил:

– Что здесь происходит?

Хирург поднял глаза:

– Пожалуйста, если вы поставите реликвии на спину графа, поближе к голове, я думаю, святой направит мою руку.

Годвин медлил и явно злился, что инициативу перехватил простой цирюльник. Лорд Уильям сказал:

– Делайте, как он говорит, брат, или ответственность за смерть моего отца ляжет на вас.

Но ризничий, не двинувшись, обратился к стоявшему в нескольких ярдах Карлу Слепому:

– Брат Карл, лорд Уильям приказывает мне…

– Я слышал лорда Уильяма, – перебил Карл. – Лучше выполнить его пожелание.

Годвин надеялся услышать другой ответ, и лицо его искривилось. С явной неохотой монах поставил священный ковчег на широкую спину графа Роланда.

Мэтью взял тонкие щипчики. Керис завороженно наблюдала, как очень осторожно Цирюльник захватил один осколок за наружный краешек, вместе с налипшими волосами и кожей отделил от головы, не затронув серое вещество под ним, и аккуратно положил в миску с теплым вином. То же самое он проделал еще с двумя осколками. Шум в соборе – стоны раненых, рыдания родных – куда-то отступил. Все молча, неподвижно стояли вокруг Мэтью и безжизненного тела графа. Затем цирюльник занялся осколками, не отделившимися от черепа. Срезал волосы, осторожно промывал маленькой льняной тряпочкой, смоченной в вине, затем пинцетом аккуратно прижимал кость туда, где, как полагал, ей место.

Суконщица едва дышала – такое в воздухе повисло напряжение. Еще никем и никогда она не восхищалась так, как теперь Мэтью Цирюльником. Сколько мужества, сколько умения, сколько уверенности. И он оперирует графа! Если Роланд умрет, его могут повесить. И все же его руки так же тверды, как и руки ангелов над соборными вратами.

Наконец хирург приладил три осколка, которые прежде положил в миску с вином, как будто склеил разбившийся кувшин, натянул кожу и сшил ее быстрыми точными стежками. Теперь череп Роланда в целости.

– Граф должен проспать сутки, – распорядился Цирюльник. – Если проснется, дайте большую дозу успокоительной настойки Мэтти Знахарки. Он должен лежать неподвижно сорок дней и сорок ночей. Если необходимо, привязывайте ремнями.

И попросил мать Сесилию перевязать рану.

Расстроенный, раздраженный Годвин вышел из собора и побежал вниз к берегу. Нет твердой власти: из Карла можно вить веревки. Антоний хоть и слаб, но все-таки лучше слепого регента. Нужно найти его.

Из воды вытащили уже почти все тела. Люди с простыми ушибами, оправившись от испуга, разошлись по домам. Почти всех мертвых и раненых перенесли в собор. Кое-кто еще оставался в воде посреди обломков.

Мысль о том, что Антоний мог погибнуть, страшила и волновала Годвина. Он мечтал о новой власти в аббатстве, более строгом соблюдении правила Бенедикта, безукоризненном ведении финансовых дел, но в то же время сознавал, что дядя ему покровительствует, а поддержки другого аббата он может и не получить.

Мерфин командовал лодкой. Он и еще двое молодых людей в одних подштанниках выплыли на середину реки, где теперь плавало почти все, что раньше было мостом. Все вместе пытались приподнять бревно, чтобы кого-то спасти. Подмастерье был невысок, но помощников подобрал сильных, упитанных. Годвин понял, что это сквайры из свиты графа. Несмотря на хорошую физическую форму, здоровяки, стоя в небольшой лодке, с большим трудом поднимали тяжелое бревно. Ризничий присоединился к группе горожан, терзаемых страхом и надеждой, когда сквайры достали-таки бревно и Мерфин вытащил из воды тело. Осмотрев его, он крикнул:

– Маргарита Джоунс – мертва.

Немолодая Маргарита была тихой, незаметной женщиной. Монах нетерпеливо спросил:

– Ты видишь там аббата Антония?

Молодые люди в лодке переглянулись, и Годвин понял, что слишком поторопился. Но Мерфин крикнул ему в ответ:

– Я вижу рясу.

– Так это аббат! – закричал ризничий. Единственным не найденным пока монахом оставался Антоний. – Как он?

Ученик Элфрика наклонился через борт лодки, но не смог разглядеть и залез в воду. Скоро он крикнул:

– Дышит.

Годвин испытал радость и разочарование.

– Так вытаскивайте скорее! – И спохватился: – Пожалуйста.

Не очень вежливая просьба, но Фитцджеральд нырнул под частично выступающее из воды бревно, сказав что-то сквайрам. Те отпустили бревно, которое держали за конец – оно плавно соскользнуло в воду, – и приготовились схватить то, под которое заплыл Мерфин. Похоже, юноша старался отцепить одежду Антония от досок и щепок. Годвин, переживая, что не может ускорить процесс, велел двум парням, стоявшим рядом:

– Идите в аббатство и скажите монахам, чтобы принесли носилки. Передайте – вас послал Годвин.

Наконец Мерфин выудил из-под обломков неподвижное тело. Подтолкнул его к лодке, и сквайры втащили аббата на борт. Затем подмастерье забрался сам, и суденышко направилось к берегу. Добровольцы вынесли Антония из лодки и положили на носилки, принесенные монахами. Годвин быстро осмотрел дядю. Он дышал, но пульс был слабым, а лицо жутко белым. На голове и груди виднелись лишь ушибы, таз оказался раздавлен. Глава монастыря истекал кровью. Монахи подняли аббата, и Годвин повел их в собор.

– Дайте дорогу! – кричал он.

Настоятеля пронесли в алтарную, самую священную часть. Ризничий велел положить раненого перед главным алтарем. Мокрая ряса облепила страшно изуродованные бедра и ноги Антония, только верхняя часть тела, казалось, принадлежит человеку.

За несколько минут все братья собрались вокруг настоятеля. Годвин забрал мощи у графа Роланда и поместил их подле ног Антония. Иосиф вставил ему в руки украшенное драгоценными камнями распятие. Мать Сесилия встала на колени, отерла лицо аббата тряпочкой, смоченной какой-то успокоительной жидкостью, и повернулась к Иосифу:

– Кажется, сломано много костей. Вы хотите, чтобы его посмотрел Мэтью Цирюльник?

Тот молча покачал головой. Годвин был доволен. Цирюльник опять осквернит святые мощи. Лучше предоставить все Богу. Брат Карл совершил соборование и вместе с монахами запел гимн.

Ризничий не знал, на что надеяться. Уже несколько лет он ждал конца эпохи аббата Антония, но в последний час ему пришло в голову, что дядю сменит совместное правление Карла и Симеона, близких друзей умирающего. Лучше не станет.

В толпе монах увидел Мэтью Цирюльника – тот через плечи братии смотрел на нижнюю часть тела Антония. Возмущенный Годвин уже собирался приказать ему уйти из собора, как вдруг хирург едва заметно покачал головой и ушел сам. Настоятель открыл глаза.

– Слава Богу! – воскликнул брат Иосиф.

Аббат силился что-то сказать. Мать Сесилия, стоявшая рядом на коленях, наклонилась. Губы Антония зашевелились. Годвину стало интересно. Через секунду настоятель умолк. Монахиня потрясенно спросила:

– Неужели это правда?

Все вытаращили глаза.

– Что он сказал, мать Сесилия? – поинтересовался Годвин.

Аббатиса не ответила. Глаза Антония закрылись, и что-то вдруг изменилось. Годвин наклонился. Дядя не дышал. Ризничий положил руку настоятелю на сердце – ничего, схватил запястье, пытаясь прощупать пульс, – ничего. Тогда он встал и провозгласил:

– Аббат Антоний покинул этот мир. Да благословит Господь его душу и вселит в свои святые обители.

– Аминь, – откликнулись монахи.

Теперь выборы, подумал Годвин.

Часть III
Июнь – декабрь 1337 года

14

Кингсбриджский собор стал вместилищем кошмара. Раненые стонали от боли и звали на помощь Бога, святых и матерей. Люди, искавшие родных, находили их среди усопших и принимались выть с горя. Живые и мертвые причудливо переплелись сломанными окровавленными конечностями, рваной мокрой одеждой. Каменный пол стал скользким от воды, крови, ила.

Посреди этого ужаса вокруг Сесилии создался островок, где царило спокойствие и деловитость. Как маленькая шустрая птичка, мать-настоятельница перелетала от одного страждущего к другому. За ней следовала небольшая группка монахинь в капюшонах, и среди них ее старая помощница сестра Юлиана, которую теперь нежно называли Старушкой Юлией. Осмотрев раненого, она говорила, что делать: промыть, смазать, перевязать, напоить травяным отваром. В более серьезных случаях звала Мэтти Знахарку, Мэтью Цирюльника или брата Иосифа. Сесилия говорила тихо, но ясно, ее указания были простыми и решительными. Большинство раненых монахиня успокаивала, а их родных исполняла уверенностью и надеждой.

Керис вдруг живо вспомнила день смерти мамы. И тогда царил ужас и смятение, пусть лишь в ее сердце. И тогда аббатиса знала, что делать. Несмотря на помощь монахини, мама умерла, как умрут сегодня и многие раненые, но в смерти будет порядок, все возможное будет сделано.

Некоторые в болезнях призывали Пресвятую Деву и святых, но от этого Суконщица только еще больше волновалась, так как нельзя знать наверняка, помогут ли духи, услышат ли. Десятилетняя Керис понимала, что мать Сесилия не может помочь так, как святые, но уверенные действия монахини исполняли ее надеждой и смирением, принося душе мир.

Теперь дочь Суконщика стала частью свиты Сесилии. Не то чтобы она пришла к такому решению в результате серьезных раздумий, просто принялась слушаться самого решительного здесь человека, как люди слушались ее на берегу после крушения моста, когда, кажется, никто не знал, что делать. Уверенность и практичность настоятельницы заражали, и окружающие начинали действовать так же спокойно и разумно. В руках у Керис оказалась небольшая миска с уксусом, а красивая послушница по имени Мэр мочила в нем тряпку и смывала кровь с лица Сюзанны Чепстоу, жены торговца деревом.

Трудились без устали до самой ночи. День был длинным, и тела вытащили из воды еще засветло, хотя, наверно, никто так и не узнает, сколько человек утонуло, скольких отнесло течением. Не нашли Полоумную Нелл – вероятно, ее утянула на дно телега. По какому-то несправедливому стечению обстоятельств монах Мёрдоу выжил, лишь вывихнув щиколотку. Он, прихрамывая, тащился к «Колоколу» подкрепиться горячим окороком и крепким элем.

Лечение раненых продолжилось и ночью, при свечах. Некоторые монахини выбились из сил и ушли; других настолько ошеломили масштабы трагедии, что они ничего не понимали, все валилось из рук, и их отправили восвояси, но Керис и еще несколько человек работали до тех пор, пока не убедились, что ничего больше не могут сделать. Где-то около полуночи был завязан последний узелок на последней повязке, и Суконщица, шатаясь от усталости, пошла по лужайке домой.

Отец и Петронилла сидели в столовой и, держась за руки, оплакивали смерть брата Антония. Эдмунд то и дело утирал слезы, а Петронилла рыдала безутешно. Керис поцеловала их, но не знала, что сказать. Боялась, что, если сядет, тут же заснет, и, поднявшись по лестнице, легла на кровать возле Гвенды. Та спала глубоким сном измученного человека и не пошевелилась. Дочь олдермена закрыла глаза, тело ее устало, а сердце болело от горя.

Ее отец скорбел по одному человеку, а на нее давила тяжесть всех смертей. Девушка думала о погибших друзьях, соседях, знакомых, лежавших на холодном каменном полу собора, представляла себе горе их родителей, детей, братьев и сестер; ее будто накрыло черной пеленой, и Керис заплакала в подушку. Не говоря ни слова, Гвенда обняла ее и прижала к себе. Через несколько минут усталость взяла свое, и Керис уснула.

Она открыла глаза на рассвете и, оставив подругу, которая еще толком не проснулась, пошла в собор продолжать работу. Большинство раненых отправили по домам. Тех, кто нуждался в уходе – например, графа Роланда, так и не пришедшего в сознание, – перенесли в госпиталь. Трупы ровными рядами уложили в восточной части церкви до погребения.

Время бежало быстро, почти не было возможности перевести дух. Ближе к вечеру в воскресенье мать Сесилия велела Керис отдохнуть. Та осмотрелась и поняла, что почти вся работа выполнена. И тогда девушка стала думать о будущем.

До этой секунды Керис казалось, что привычная жизнь кончилась и отныне ей придется жить в новом мире ужаса и трагедий. Теперь она поняла: и это пройдет. Погибших похоронят, раненые поправятся, и город худо-бедно вернется к нормальной жизни. Потом она вспомнила, что перед самым крушением моста случилась еще одна трагедия, тоже по-своему страшная.

Она нашла возлюбленного на берегу – подмастерье, Элфрик и Томас Лэнгли организовали пятьдесят добровольцев, вызвавшихся расчистить реку. В сложившейся ситуации размолвка Мерфина с Элфриком, естественно, отступила на второй план. Почти все бревна уже вытащили из воды и свалили на землю, но остов моста, как пожравшее свою жертву огромное животное, еще стоял и в воде, невинно, медленно покачивались невыуженные обломки.

Добровольцы пытались разобрать остатки моста, сильно рискуя, ведь он мог просесть. Центральную часть, наполовину ушедшую под воду, обвязали веревкой, и люди на берегу крепко держали ее. Лодочник направил лодку с Мерфином и великаном Марком Ткачом на середину реки. Добровольцы на берегу застыли, натянув веревку, лодка подплыла поближе к остову, и Марк по команде Фитцджеральда огромным топором дровосека врубился в бревна. Через какое-то время лодка отплыла на безопасное расстояние, Элфрик дал отмашку, и веревку потянули. Большая часть моста рухнула. Все радостно закричали, и добровольцы принялись вытаскивать обломки на берег. Жены принесли хлеб и эль. Томас Лэнгли распорядился сделать перерыв. Пока мужчины отдыхали, Керис и Мерфин отошли в сторонку.

– Ты не можешь жениться на Гризельде, – заявила она без предисловий.

– Я не знаю, что делать. – Подмастерье не удивился ее резкости и решимости. – Все время об этом думаю.

– Пройдемся?

– Давай.

Они отошли от берега и направились по главной улице. После ярмарочной сутолоки в городе наступила тишина как на кладбище. Все сидели по домам, ухаживая за ранеными или оплакивая погибших.

– Думаю, в городе очень мало семей, где никто не погиб или не пострадал. На мосту было не меньше тысячи людей – и тех, что уезжали из города, и тех, что мучили Полоумную Нелл. В церкви больше сотни тел, и мы помогли по меньшей мере четыремстам раненым.

– Пятистам повезло, – мрачно усмехнулся Мерфин.

– Мы тоже могли оказаться на мосту или рядом. Ты и я – мы могли бы сейчас лежать на полу алтаря, холодные, неподвижные. Нам просто подарили оставшуюся часть жизни. И нельзя выбрасывать этот подарок из-за какого-то недоразумения.

– Это не недоразумение, – резко отозвался ученик мастера. – Это ребенок, человек, у него есть душа.

– Ты тоже человек, у тебя тоже есть душа – и удивительная. Посмотри, что ты только что сделал. Работами на реке руководят трое. Один – самый крупный строитель, второй – помощник ризничего аббатства, а третий – просто подмастерье, которому еще нет и двадцати одного года. И горожане слушаются тебя так же, как Элфрика и Томаса.

– Это не значит, что можно забывать о долге.

Вернулись в монастырь. В трех больших западных окнах собора, словно в алтарном триптихе, Керис увидела отражение блеклого солнца и перистых облаков. Зазвонил колокол к вечерне. Девушка взмолилась:

– Вспомни, как часто ты говорил, что хочешь посмотреть архитектуру Парижа и Флоренции. От всего этого отказаться?

– Вероятно, да. Нельзя оставлять жену и ребенка.

– Так ты уже думаешь о ней как о жене.

Мерфин посмотрел на нее и горько сказал:

– Никогда не стану думать о ней как о жене. Я знаю, кого люблю.

Вдруг Керис растерялась. Открыла рот, но не могла вымолвить ни слова. Ком встал в горле, она смахнула слезы и опустила глаза, пытаясь взять себя в руки. Тот притянул ее к себе.

– Ты ведь тоже знаешь?

Дочь Суконщика с трудом подняла голову.

– Знаю?

У нее все поплыло перед глазами. Фитцджеральд поцеловал ее как-то по-новому, такого она еще не испытывала. Нежные, но настойчивые губы будто пытались запомнить это мгновение, и девушка с ужасом поняла, что он целует ее в последний раз. Керис прижалась к нему на вечность, но Мерфин отстранился.

– Я люблю тебя. Но женюсь на Гризельде.

Жизнь и смерть чередовались. Рождались дети, умирали старики. В воскресенье Эмма Мясничиха в припадке ревности чуть не порешила Эдварда, своего любвеобильного мужа, его же огромным топором. В понедельник пропали цыплята Бесс Гемптон – их обнаружили на огне у Глинни Томпсон, после чего Джон Констебль виновную высек. Под Хауэллом Тайлером, который работал на крыше церкви Святого Марка, во вторник переломилась сгнившая балка. Мастер продавил потолок и замертво рухнул на пол.

К среде мост почти разобрали, торчали только спиленные быки; дерево перетаскали на берег. Река стала свободна, баржи и плоты вышли из Кингсбриджа в Малкомб с шерстью и другими товарами, приобретенными на шерстяной ярмарке, чтобы оттуда отправиться во Фландрию и Италию. Когда Керис с Эдмундом подошли к берегу посмотреть, как идут дела, Мерфин из вытащенных бревен мастерил паром.

– Это лучше, чем лодка, – объяснил он. – Можно погрузить скот, тягловых животных, телеги.

Эдмунд мрачно кивнул:

– Для рынка сойдет. А к следующей ярмарке у нас, к счастью, будет новый мост.

– Не думаю, – ответил Мерфин.

– Но ты говорил мне, что постройка моста займет год!

– Деревянного – да. Но новый деревянный мост тоже рухнет.

– Почему?

– Я вам покажу. – Юноша подвел отца и дядю к сваленным обломкам рухнувшего моста и указал на мощные бревна: – Это бывшие быки – кто знает, может, те самые знаменитые, лучшие двадцать четыре дуба Англии, пожалованные аббатству королем. Обратите внимание на концы.

Огромные бревна изначально имели заостренные концы, но с годами острия затупились под водой. Мерфин продолжил:

– Деревянный мост не имеет фундамента. Быки просто зарывают в грунт. Этого недостаточно.

– Но мост простоял сотни лет! – возмущенно воскликнул Эдмунд.

Когда Суконщик спорил, всегда казалось, что он сердится. Фитцджеральд привык и не обращал внимания.

– А теперь рухнул, – терпеливо продолжил он. – Что-то случилось. Да, долгое время деревянные быки стояли, а потом не выдержали.

– Но что могло случиться? Река – она и есть река.

– Ну, во-первых, на том берегу вы построили и обнесли стеной склад и причал. То же сделали и другие торговцы. Старый склизкий берег, где я играл ребенком, почти исчез, и река больше не имеет возможности разливаться на поля. В результате течение стало быстрее – особенно после сильных дождей в этом году.

– Так что, ты хочешь сказать – каменный мост?

– Да.

Эдмунд поднял глаза и увидел Элфрика.

– Мерфин говорит, что на постройку каменного моста уйдет три года.

Тот кивнул:

– Три строительных сезона.

Керис знала, что основное строительство ведется в летние месяцы. Мерфин объяснял ей, что каменные стены нельзя возводить при температуре, когда строительный раствор замерзает быстрее, чем затвердевает. Мастер продолжал:

– Один сезон для фундамента, второй – для пролетов, и третий – для полотна. После каждого этапа работ раствор нужно оставлять на три-четыре месяца, чтобы он осел, и лишь потом приниматься за следующий.

– Три года без моста, – мрачно подытожил Эдмунд.

– Четыре, если не приступить прямо сейчас.

– Нужно бы все просчитать для аббатства.

– Я уже начал, но это большая работа. Мне нужно еще два-три дня.

– Поторопись, пожалуйста.

Суконщик и Керис простились и пошли по главной улице. Эдмунд энергично прихрамывал. Он никогда ни на кого не опирался, только на свою усохшую ногу. Пытаясь сохранять равновесие, размахивал руками, будто бежал. Горожане знали это и уступали ему дорогу, особенно если олдермен спешил.

– Три года! – ворчал он. – Какие убытки для ярмарки! И кто знает, сколько времени нам потребуется, чтобы все отыграть. Три года!

Дома их ждала Алиса. Волосы она, как леди Филиппа, убрала под шапку, чего прежде никогда не делала. Они сидели за столом с теткой Петрониллой, и по их лицам Керис тут же поняла, что разговор шел о ней. Петронилла сходила на кухню за элем, хлебом и свежим маслом и налила кружку Эдмунду.

Тетка поплакала в воскресенье, но с тех пор ее горе по погибшему брату поутихло. Как ни странно, Эдмунд, который никогда Антония особенно не любил, печалился больше: слезы вдруг в самый неожиданный момент наворачивались на глаза, хотя так же быстро и

высыхали. Ему не терпелось поделиться новостями про мост. Алисе было интересно, что думает Мерфин, но Суконщик нетерпеливо отмахнулся:

– Парень гений. Он знает больше, чем многие настоящие строители, хотя все еще подмастерье.

Керис горько бросила:

– Тем хуже, что ему придется провести жизнь с Гризельдой.

Старшая сестра бросилась на защиту падчерицы:

– Что ты имеешь против Гризельды?

– Ничего, – ответила Керис. – Она не любит Мерфина. Твоя подопечная соблазнила его, потому что ее дружок сбежал, вот и все.

– Это тебе Мерфин рассказал? – желчно засмеялась Алиса. – Если мужчина не хочет, то не станет этого делать, поверь мне.

Эдмунд засопел:

– Можно соблазнить мужчину.

– А, так ты на стороне Керис, папа, – взъелась Алиса. – Это меня не удивляет, это в порядке вещей.

– Вопрос не в том, на чьей я стороне, – ответил Суконщик. – Мужчина может не хотеть и жалеть впоследствии, и все же на мгновение желание может взять верх – особенно когда женщина применяет хитрость.

– Хитрость? Ты что же, считаешь, что она его соблазнила?

– Я этого не говорил. Но как я понял, все началось с того, что Гризельда заплакала, а Мерфин принялся ее утешать.

Об этом ему рассказала младшая дочь. Алиса недовольно хмыкнула:

– Ты всегда испытывал слабость к этому упрямому подмастерью.

Вяло жуя хлеб с маслом, Керис между делом фантазировала:

– Полагаю, они народят полдюжины пухлых ребятишек, зять унаследует дело Элфрика и станет еще одним городским ремесленником. Будет строить дома купцам и подлизываться к церковникам в надежде получить договор, как и его тесть.

– И прекрасно! – воскликнула Петронилла. – Станет одним из самых важных людей города.

– Он достоин лучшего.

– Вот как? – притворно удивилась та. – Ты это про сына опустившегося рыцаря, не имеющего и шиллинга на башмаки своей жене? И чего же он, по-твоему, достоин?

Суконщице стало обидно. Да, родители Мерфина – бедные иждивенцы аббатства. Если он примет от мастера-тестя успешное строительное дело, то в самом деле поднимется. И все-таки заслуживает лучшего. Девушка не знала точно, какого будущего желает ему, но чувствовала, что он не такой, как все остальные в городе, и не могла смириться с мыслью, что станет таким же.

В пятницу Керис повела Гвенду к Мэтти Знахарке. Селянка дожидалась в городе Вулфрика, оставшегося на похороны родных. Служанка Эдмунда Илейн высушила ее платье у огня, а Керис перевязала ноги и дала пару старых башмаков.

Дочь Суконщика чувствовала, что Гвенда не рассказала всей правды о том, что произошло в лесу. Сказала, что Сим отвел ее к разбойникам, а она убежала; потом Коробейник за ней гнался и погиб при крушении моста. Джона Констебля эта история удовлетворила: разбойники были вне закона, так что вопрос о том, кому достанется собственность Сима, отпал сам собой. Гвенда свободна. Но Керис не сомневалась – в лесу случилось что-то еще; что-то, о чем подруга не хотела говорить. Керис не давила. Кое о чем лучше помалкивать.

Город хоронил жертв крушения моста. Хоть люди и погибли при чрезвычайных обстоятельствах, ритуал погребения не изменился. Тела нужно обмыть, бедным сшить саваны, богатым сколотить гробы, вырыть могилы и заплатить священнослужителям. Рукоположенные во священники монахи целыми днями посменно проводили поминальные службы на кладбище, расположенном к северу от собора. Не ленились и настоятели шести небольших приходских церквей Кингсбриджа.

Гвенда помогала Вулфрику: она взяла на себя все организационные вопросы, выполняла всю традиционно женскую работу – обмывала тела, шила саваны – и, как могла, утешала. Вулфрик пребывал в прострации. Довольно хорошо продержавшись на похоронах, потом он часами смотрел в никуда, слегка хмурясь, будто решая сложную головоломку.

В пятницу погребения закончились, но исполняющий обязанности аббата Карл объявил, что в воскресенье пройдет специальная поминальная служба по всем погибшим, и Вулфрик остался до понедельника. Гвенда рассказала Керис, что он вроде бы и рад, что рядом живая душа, но оживляется, только когда говорит об Аннет. Суконщица предложила подруге купить еще одну порцию приворотного зелья.

Мэтти Знахарка варила на кухне лекарства. Маленький домик пропах травами, маслом и вином.

– За субботу и воскресенье я израсходовала почти все, что у меня было, – посетовала та. – Нужны запасы.

– Вы, наверно, неплохо заработали, – предположила Гвенда.

– Да, если бы все заплатили.

Керис поразилась:

– Тебя дурят?

– Не все, конечно. Я всегда стараюсь брать вперед, когда им еще больно. Но если у страждущих на тот момент нет денег, трудно отказать. Многие платят потом, но не все.

Дочь олдермена возмутилась.

– И что же они говорят?

– Разное. То дорого, то лекарство не помогло, то им впихивали его насильно – все, что угодно. Но не волнуйся. Честных людей хватает, я не брошу свою работу. Что у тебя?

– Гвенда во время трагедии потеряла твое зелье.

– Это легко поправить. Может, приготовишь его сама?

Мешая порошки, Суконщица спросила Мэтти:

– Сколько беременностей заканчиваются выкидышем?

Гвенда поняла, откуда вопрос: Керис рассказала про Мерфина. Подруги очень долго обсуждали равнодушие Вулфрика и высокие принципы подмастерья. Керис даже думала самой купить приворотное зелье, но что-то ее удерживало. Знахарка пристально посмотрела на нее, но ответила уклончиво:

– Бог его знает. Часто женщина два месяца ходит без кровотечения, а потом оно приходит. Была ли она беременна и потеряла ребенка или еще какая-нибудь причина? Невозможно сказать.

– Понятно.

– Но вы обе не беременны, если вас это беспокоит.

– Откуда вы знаете? – быстро спросила Гвенда.

– Да вижу. Женщина меняется почти сразу же. Не только живот, грудь, но выражение лица, манера двигаться, настроение. Я вижу и знаю такие вещи лучше многих, поэтому меня и называют знахаркой. Так кто же забеременел?

– Гризельда, дочь Элфрика.

– А, да, я ее видела. Уже три месяца.

– Сколько? – удивилась Керис.

– Три месяца или около того. Посмотри на нее. Она никогда не была худышкой, но сейчас просто роскошная. А почему тебя это удивляет? Я полагаю, ребенок от Мерфина?

Мэтти всегда обо всем догадывалась. Гвенда повернулась к подруге:

– Ты вроде говорила, что это случилось совсем недавно.

– Мерфин не сказал точно когда, но, похоже, недавно, и один раз. А теперь получается, что он спал с ней несколько месяцев назад!

Знахарка нахмурилась:

– А зачем ему врать?

– Ну, чтобы оправдаться, – предположила Гвенда.

– Чем же это хуже?

– У мужчин странная логика.

– Я выясню у него, – решила Суконщица. – Прямо сейчас.

Она поставила кувшин и положила мерную ложку. Гвенда спросила:

– А как же мое зелье?

– Сама доделаю, – сказала Мэтти. – Керис слишком торопится.

– Спасибо, – кивнула дочь олдермена и вышла.

Она пошла к реке, но Мерфина там не было. Не оказалось его и в доме Элфрика. Наверное, подмастерье на чердаке каменщиков.

К одной из западных башен была аккуратно подогнана рабочая комната главного каменщика. Керис взобралась туда по узкой винтовой лестнице, расположенной в контрфорсе башни. В стрельчатые окна просторного помещения проникало много света. У стены высилась стопка красивых деревянных шаблонов, которыми пользовались резчики по камню еще при строительстве собора. Их сохранили, и теперь они помогали в восстановительных работах.

На полу располагался так называемый чертежный настил, покрытый штукатуркой. Первый каменщик, Джек Строитель, железными инструментами царапал на нем чертежи. Нужные линии выделялись на грязном полу, но со временем затаптывались и поверх старых царапали новые. Когда чертежей становилось так много, что в них уже трудно было разобраться, пол покрывали новым слоем штукатурки, и цикл повторялся.

Пергамент – тонкая кожа, – на который монахи списывали библейские книги, был слишком дорог для чертежей. На памяти Керис появился новый писчий материал – бумага; правда, ее поставляли арабы, и монахи не пользовались им как изобретением язычников-мусульман. Но и бумага из Италии стоила ненамного дешевле пергамента. А чертежный настил имел еще одно преимущество: плотник клал кусок дерева прямо на рисунок главного каменщика и вырезал нужную деталь в точном соответствии с замыслом.

Будущий мастер на коленях стоял на полу и по чертежу выпиливал из дуба колесо с шестнадцатью зубцами, хотя никаких шаблонов рядом не было. Рядом лежало другое колесо, поменьше. Фитцджеральд на минуту прервался, сложил их вместе и проверил, точно ли сцепляются зубцы. Керис видела такие колеса, шестеренки, на водяных мельницах – они соединяли лопасти мельничного колеса с жерновом.

Мерфин должен был слышать ее шаги по каменной лестнице, но, вероятно, его поглотила работа. Девушка смотрела на него, и любовь в ее сердце боролась с возмущением. С головой ушел в работу: легкое тело склонилось над деталью, ловкие пальцы сильных рук вносят выверенные поправки, лицо неподвижно, взгляд пристальный. Юноша напоминал молодого оленя, опустившего голову к воде. Вот так выглядит человек, когда делает то, для чего рожден, подумала Керис. Это сродни счастью, только больше. Он исполняет свое предназначение. И все-таки она спросила:

– Почему ты мне солгал?

У Мерфина сорвался резец. Молодой человек вскрикнул от боли и посмотрел на палец.

– Господи. – Положил палец в рот.

– Прости. Ты поранился?

– Ничего. Когда я тебе солгал?

– Говорил, что Гризельда соблазнила тебя один раз. А на самом деле вы занимались этим несколько месяцев.

– Нет, неправда. – Он отсасывал кровь из пальца.

– Дочь Элфрика беременна уже три месяца.

– Не может быть, все произошло две недели назад.

– Однако дело обстоит именно так, по ней же видно.

– Ты что, видишь?

– Мэтти Знахарка мне сказала. Почему ты солгал?

Юноша посмотрел ей в глаза:

– Я не лгал. Это случилось в ярмарочное воскресенье. Первый и единственный раз.

– Тогда откуда у Гризельды через две недели взялась уверенность, что она беременна?

– А когда женщины могут быть уверены?

– А ты не знаешь?

– Никогда не спрашивал. В любом случае три месяца назад Гризельда была еще с…

– О Господи! – воскликнула Керис. У нее вспыхнула надежда. – Так это его ребенок. Терстана, не твой. Не ты отец!

– Думаешь? – Мерфин боялся даже надеяться.

– Ну конечно, это же все объясняет. Если бы она вдруг в тебя влюбилась, ходила бы за тобой по пятам. Но ты говорил, она почти с тобой не разговаривает.

– Думал, это потому, что я не хочу на ней жениться.

– Ты ей никогда не нравился. Просто нужен отец ребенку. Терстан удрал – возможно, после того, как она сказала ему, что беременна, – а ты рядом и, оказывается, порядочный дурак, чтобы попасться на ее удочку. О, слава Богу!

– Спасибо Мэтти Знахарке, – облегченно вздохнул Мерфин.

Девушка взглянула на его левую руку. Из пальца шла кровь.

– Да ты из-за меня поранился! – Керис взяла его ладонь и осмотрела порез. Не длинный, но глубокий. – Прости меня, пожалуйста.

– Ничего страшного.

– Да нет. – Она сама точно не знала, что имеет в виду: порез или что-то еще.

Керис поцеловала его руку, почувствовала на губах горячую кровь и принялась отсасывать ее из раны. Фитцджеральд закрыл глаза.

Через неделю после того, как рухнул мост, Мерфин достроил паром. Он доделывал его на рассвете в субботу, перед открытием еженедельного кингсбриджского рынка. Работал всю ночь при свечах, и Керис понимала – у него просто не было времени сказать Гризельде, что ему известно про ребенка Терстана. Девушка с отцом спустилась к реке посмотреть на чудо-паром, когда приехали первые торговцы – женщины из ближних деревень с корзинами, полными яиц, крестьяне на телегах с маслом и сыром, пастухи с овечьими стадами.

Суконщица пришла в восторг от работы Мерфина. Паром мог принять телегу с невыпряженной лошадью, прочные перила не позволяли овцам упасть в воду. По деревянным мосткам повозки удобно въезжали на паром и съезжали. Пассажиры платили пенни, деньги собирали монахи, – паром, как и мост, принадлежал аббатству.

Интереснее всего будущий мастер придумал, как переправлять паром через реку. Он протянул длинную веревку от одного конца парома на южный берег, завел ее за столб и перебросил обратно на северный берег – там она проходила через барабан и возвращалась к другому концу парома. Барабан был соединен деревянными шестеренками с колесом, которое вращал бык: вчера Керис видела, как Фитцджеральд вырезал эти шестеренки. Зубчатые

колесики приводились в зацепление рычагом, барабан вращался в любом направлении – в зависимости от того, в какую сторону двигался паром, – и не нужно было выпрягать и разворачивать быка. Керис пришла в восторг.

– Это очень просто, – отмахнулся Мерфин.

Изумление Керис лишь возросло, когда она рассмотрела подробности. Рычаг просто выводил из зацепа большое зубчатое колесо и передвигал на его место два меньших колеса, в результате чего менялось направление вращения барабана. И все-таки ничего подобного никто в Кингсбридже не видел.

За утро полгорода пришло подивиться на потрясающую новую машину Мерфина. Керис распирало от гордости за него. Рядом стоял Элфрик, объяснял механизм всем желающим и отдавал должное работе Мерфина.

Керис недоумевала, откуда у мастера такое хладнокровие. Он погубил дверь Мерфина, что возмутило бы город, если бы не чудовищная трагедия. Избил подмастерье поленом – у того еще не сошли синяки. Сговорился со своими обманом заставить ученика жениться на Гризельде и воспитывать чужого ребенка. Парень продолжал у него работать, осознавая, что есть вещи поважнее их размолвки. Но девушка не понимала, как Элфрик мог высоко держать голову.

Паром оказался замечательным, но его было недостаточно. Эдмунд указал на тот берег – очередь из повозок и торговцев растянулась на все предместье, сколько видел глаз.

– Быстрее будет с двумя быками.

– Вдвое быстрее?

– Не совсем, нет. Я могу сделать еще одну переправу.

– Вторая уже есть. – Эдмунд кивнул в сторону.

Ян Лодочник перевозил пассажиров на веслах. Он, разумеется, не мог брать повозки, скот и требовал по два пенса. Обычно Ян с трудом наскребал себе на хлеб, дважды в день переправляя монахов на остров Прокаженных. Других дел у него вообще-то не было. Но сегодня к Лодочнику выстроилась очередь. Мерфин кивнул:

– Ну что ж, вы правы. В конце концов паром не мост.

– Это катастрофа, – нахмурился Эдмунд. – Новости Буонавентуры нас уже подкосили. Но это… это может убить город.

– Тогда вам нужен новый мост.

– Не мне, аббатству. Аббат погиб, и никому не известно, когда они изберут нового. Нужно поторопить Карла принять решение. Я к нему. Пойдем со мной, Керис.

Отец и дочь поднялись по улице и вошли в монастырь. Большинство посетителей аббатства направлялись в госпиталь, сообщив привратнику, что им нужно к врачу, но Суконщик являлся слишком важным и слишком гордым гостем, чтобы испрашивать аудиенцию подобным образом. Аббат, конечно, хозяин Кингсбриджа, но Эдмунд – олдермен гильдии, первый среди купцов, сделавших город тем, чем он стал, и общался с аббатом на равных. Кроме того, последние тринадцать лет настоятелем являлся его младший брат. Поэтому он прошел прямо к дому аббата.

В деревянном, как и у Эдмунда, доме на первом этаже располагался большой зал, наверху – две комнаты. Кухни здесь не было, так как для аббата готовили в монастыре. Многие настоятели жили во дворцах – и епископ Кингсбриджа имел прекрасный дворец в Ширинге, – но Антоний ратовал за скромность: лишь удобные стулья, ковры на стенах с изображением библейских сцен и большой камин, создававший уют в зимние холода.

Керис и Эдмунд пришли после завтрака, когда молодые монахи работали, а старшие читали. Карл Слепой находился в зале и был погружен в беседу с казначеем Симеоном.

– Мы должны поговорить о новом мосте, – с места в карьер начал олдермен.

– Хорошо, Эдмунд, – ответил Карл, узнав его по голосу.

Приветствие не отличалось особой сердечностью, и Керис решила, что они пришли не вовремя. Суконщик не менее тонко улавливал нюансы, но всегда шел напролом. Он сел на стул и спросил:

– Как вы думаете, когда состоятся выборы нового аббата?

– Вы тоже можете сесть, Керис, – предложил Карл. Интересно, как он догадался, что и она пришла? – подумала девушка. – Точно неизвестно. Граф Роланд имеет право назначить кандидата, но он еще не пришел в себя.

– Мы не можем ждать. – Суконщице показалось, что отец излишне резок, но такова его манера, и она промолчала. – Строительные работы нужно начинать прямо сейчас. Дерево не годится. Строить необходимо из камня. Это займет три года, а если затянем, то четыре.

– Каменный мост?

– И только каменный. Я говорил с Элфриком и Мерфином. Деревянный мост рухнет точно так же.

– Но расходы!

– Около двухсот пятидесяти фунтов, в зависимости от моста. По подсчетам Элфрика.

Брат Симеон поджал губы:

– Деревянный мост тянет на пятьдесят фунтов, и аббат Антоний на прошлой неделе отверг этот план из-за непомерных расходов.

– И вот вам результат! Сотни жертв, куда больше раненых, погибший скот, повозки, аббат скончался, а граф при смерти.

Карл жестко отчеканил:

– Надеюсь, вы не собираетесь возлагать вину за все это на усопшего аббата Антония.

– Мы не можем утверждать, что его решение пошло на пользу.

– Господь покарал нас за грехи.

Керис приуныла. Эдмунд вздохнул:

– Нам, простым людям, трудно знать замысел Божий. Но одно необходимо понять – без моста город погибнет. Мы уже проигрываем Ширингу. Если Кингсбридж как можно скорее не построит новый каменный мост, то скоро станет маленькой деревней.

– Возможно, это и есть Божий замысел.

Суконщик начал раздражаться:

– А возможно, Господа не устраиваете вы, монахи. Поверьте мне, если шерстяная ярмарка и рынок захиреют, здесь не будет ни аббатства с двадцатью пятью братьями, сорока сестрами и пятьюдесятью служками, ни госпиталя, ни хора, ни школы. Может, не будет даже собора. Епископ Кингсбриджа всегда жил в Ширинге. Что, если богатые купцы предложат ему построить великолепный собор на доходы от их процветающей торговли там? Ни рынка, ни города, ни собора, ни аббатства – вы этого хотите?

Карл встревожился. Ему явно не приходило в голову, что крушение моста в долгосрочной перспективе может повлиять на положение аббатства. Но Симеон повторил:

– Если монастырь не имеет средств построить деревянный мост, то чего уж говорить о каменном.

– Но вам придется его построить!

– А каменщики будут работать бесплатно?

– Разумеется, нет. Им нужно кормить семьи. Но мы уже объясняли, что горожане могут собрать деньги и одолжить их аббатству под мостовщину.

– Отобрать нашу мостовщину! – возмущенно воскликнул Симеон. – Вы опять за свое?

– Сейчас вы вообще ничего не получаете, – вставила Керис.

– Почему же, нам отходит плата за паром.

– Так вы нашли все же деньги заплатить Элфрику.

– Это намного дешевле, чем мост, и то наша казна пострадала.

– Паром работает слишком медленно, его недостаточно.

– Не исключено, что в будущем аббатство сможет построить новый мост. Если Господу будет угодно, он пошлет средства. И тогда мы получим причитающийся нам доход.

– Господь уже послал эти средства. Он внушил моей дочери, как собрать деньги. Такого еще никто не делал.

Карл сухо ответил:

– Пожалуйста, предоставьте нам решать, что замыслил Господь.

– Прекрасно. – Эдмунд встал, за ним Керис. – Мне очень жаль, что вы заняли такую позицию. Это катастрофа для Кингсбриджа и для всех, кто в нем живет, включая монахов.

– Я должен слушаться Господа, не вас.

Отец и дочь направились было к выходу.

– Еще одно, если позволите, – остановил их Карл.

Суконщик развернулся в дверях:

– Разумеется.

– Мирянам не дозволяется свободно заходить на территорию аббатства. В следующий раз, когда вам будет угодно повидать меня, пожалуйста, ступайте в госпиталь и пошлите послушника или служку аббатства найти меня, как полагается.

– Я олдермен приходской гильдии и всегда имел прямой доступ к аббату.

– Никаких сомнений, аббату Антонию, вашему брату, было неудобно настаивать на соблюдении обычных правил. Но эти дни миновали.

Керис посмотрела на отца. Он был в бешенстве и стиснул зубы:

– Ну что ж…

– Да благословит вас Господь.

На грязной лужайке Эдмунд и Керис увидели жалкую горстку лотков. Девушка понимала, как тяжело отцу. Большинство беспокоилось, как прокормить семью. Олдермен беспокоился обо всем городе. На лбу пролегла тревожная складка. В отличие от Карла Эдмунд не станет воздевать руки к небу, а будет ломать голову, как решить проблему. Керис стало так жаль отца, она размышляла, чем помочь, если всесильное аббатство не помогло. Отец никогда не жаловался на груз ответственности, просто брал его на себя. Они вышли из монастыря на главную улицу, и, когда подходили к дому, Керис спросила:

– Что же нам теперь делать?

– Но это же очевидно, – ответил отец. – Нельзя допустить, чтобы Карла избрали аббатом.

15

Годвин очень хотел стать аббатом Кингсбриджа. Всем сердцем. Ему не терпелось реформировать финансы аббатства, навести строгий порядок в управлении землями и другим имуществом, чтобы монахам больше не нужно было ходить на поклон к матери Сесилии. Он хотел возвести стену между братьями и сестрами, а потом между всеми монашествующими и горожанами, чтобы иноки могли дышать чистым воздухом праведности. Но помимо этих высоких целей, ризничий страстно желал власти и титулов. По ночам он уже представлял себя аббатом.

– Прибери в аркаде, – говорил он какому-нибудь монаху.

– Да, отец-настоятель, иду.

Годвину нравилось, как звучит «отец-настоятель».

– Добрый день, епископ, – говорил он дружески, вежливо, но без подобострастия.

И Ричард отвечал, как один видный клирик отвечает другому:

– Вам также добрый день, аббат Годвин.

– Надеюсь, вы довольны, милорд архиепископ? – спрашивал настоятель уже более почтительно, но все же не как подданный, а как помощник большого человека.

– О да, аббат, вы проделали прекрасную работу.

– Ваше высокопреосвященство очень добры.

А может быть, в один прекрасный день, прогуливаясь по дворику подле богато одетого монарха, он скажет:

– Ваше величество оказали нам великую честь, посетив наше скромное аббатство.

– Благодарю вас, отец Годвин, но я приехал к вам за советом.

Ризничий очень хотел стать настоятелем, но не знал как. Думал об этом всю неделю, наблюдая за сотнями похорон и организуя воскресную службу – погребение Антония и одновременно поминальную службу по всем погибшим жителям Кингсбриджа. Однако монах ни с кем не заговаривал о своих чаяниях. Всего десять дней назад он познал цену бесхитростности, отправившись на капитул с Книгой Тимофея и сильными аргументами в пользу реформ, и старая гвардия, словно сговорившись, монолитом придавила его и размозжила, как колесо повозки лягушку. Такое больше не повторится.

В воскресенье утром, когда процессия монахов шла в трапезную на завтрак, один послушник прошептал Годвину, что в северном портале собора его ждет мать. Молодой реформатор незаметно отделился. Пока ризничий неторопливо шел по аркаде, а затем по собору, его тревожило предчувствие, что вчера нечто взволновало родительницу. Петронилла без сна пролежала полночи и утром проснулась с разработанным планом действий. Годвин был его частью. Значит, мать будет крайне нетерпеливой и настойчивой. Скорее всего ее план гарантирует успех, но даже если нет, она все равно будет требовать его выполнения. Петронилла стояла во мраке портала вся мокрая – опять пошел дождь.

– Эдмунд говорил вчера с Карлом Слепым. Брат передал мне, что Карл говорил в такой манере, будто он уже аббат и выборы – простая формальность.

Ее слова прозвучали так, словно виноват в этом Годвин, и монах начал защищаться:

– Старая гвардия сплотилась вокруг Слепого, еще прежде чем остыло тело дяди Антония. Они и слышать не хотят о других кандидатах.

– Хм-м. А молодые?

– Конечно, хотят меня. Им понравилось, как я выступил против аббата Антония с Книгой Тимофея, хоть меня и поставили на место. Но я ничего не ответил.

– А остальные претенденты?

– Лэнгли вне игры. Некоторые не любят его, так как он был рыцарем и по доброй воле убивал людей. Но Томас очень способный, хорошо работает и никогда не задирает послушников…

Петронилла задумалась:

– А какова его история? Почему он стал монахом?

Тревога Годвина постепенно рассеялась. Вроде мать не собиралась бранить за бездействие.

– Сам он говорит, что всегда стремился к благочестивой жизни и, когда оказался здесь на излечении, решил остаться.

– Это я помню. Десять лет назад. Но не знаю, кто его ранил.

– Я тоже. Лэнгли не любит рассказывать о своем кровавом прошлом.

– А кто внес за него пожертвование?

– Как ни странно, и это мне неизвестно. – Годвин всегда поражался способности матери задавать самые важные вопросы. Может, она и тиранка, но он восхищался ею. – Возможно, Ричард. Помню, он обещал. Но своих средств у него не имелось – он тогда был не епископом, а простым священником. Возможно, попросил у графа Роланда.

– Выясни это.

Годвин колебался. Придется изучить все документы в монастырской библиотеке. Библиотекарь брат Августин не посмеет расспрашивать ризничего, но есть люди и повыше. И тогда честолюбцу понадобится правдоподобное объяснение. Если пожертвование поступило в виде денег, а не земель или какого-либо иного имущества – необычно, но возможно, – ему придется изучить все счета…

– В чем дело? – резко спросила мать.

– Ни в чем. Ты права. – Монах еще раз напомнил себе, что материнская тирания – признак любви; наверное, иначе Петронилла не умеет ее выразить. – Должна быть запись. Просто…

– Что?

– О таких пожертвованиях обычно трубят на всех углах. Аббат объявляет об этом в церкви, призывает благословение на голову жертвователя, затем читает проповедь о том, что люди, дарующие монастырям земли, вознаграждаются на небесах. Но я не помню ничего подобного в то время, когда у нас появился Лэнгли.

– Тем более нужно поискать в документах. Я думаю, у этого Томаса есть тайна. А тайна – всегда слабость.

– Я посмотрю. А что мне отвечать тем, кто хочет видеть меня аббатом?

Петронилла улыбнулась:

– Я думаю, лучше отвечать, что ты не собираешься выставлять свою кандидатуру.

Когда Годвин простился с матерью, завтрак уже закончился. По старинному правилу опоздавших не кормили, но трапезник брат Рейнард всегда находил что-нибудь для своих любимчиков. Годвин прошел на кухню и получил кусок сыра с хлебом. Ел стоя, а монастырские служки носили миски из трапезной и чистили железный котел, в котором варилась каша.

Ризничий обдумывал слова матери. И чем больше думал, тем умнее казался ее совет. Если он объявит, что не собирается выдвигать свою кандидатуру, каждое его высказывание покажется незаинтересованным мнением. Он сможет манипулировать выборами, не возбуждая подозрений в том, что действует ради собственной выгоды. А в последний момент сделает свой ход. Теплая волна благодарности родительнице за изворотливость ума и верность неукротимого сердца обдала ему душу. На кухне молодого реформатора и нашел брат Теодорик. Светлокожий монах пылал от возмущения.

– Брат Симеон за завтраком сказал нам, что Карл станет аббатом, – воскликнул он. – И что нужно продолжать мудрые традиции Антония. Слепой ничего не будет менять!

Хитро, подумал Годвин. Казначей воспользовался отсутствием Годвина и с позиции силы заявил то, что вызвало бы возражения ризничего, будь он на завтраке. Заговорщик поморщился:

– Это некрасиво.

– Я спросил, позволено ли другим кандидатам обратиться к монахам таким же образом за завтраком.

Годвин ухмыльнулся:

– Бог с тобой!

– Симеон сказал, что другие кандидаты не нужны. Дескать, у нас не турнир по стрельбе из лука. По его мнению, решение уже принято: аббат Антоний избрал Карла своим преемником, назначив помощником.

– Какая ерунда.

– Точно. Монахи в бешенстве.

Это замечательно, подумал Годвин. Карл обидел даже своих сторонников, лишив их права выбора. Рубит сук, на котором сидит. Теодорик продолжал:

– Я думаю, нужно заставить Карла снять свою кандидатуру.

Годвин хотел воскликнуть: «Ты с ума сошел!», – но укусил себя за язык и попытался сделать вид, будто размышляет над этим предложением.

– Думаешь, так лучше? – спросил он, словно в самом деле сомневался.

Монах удивился:

– Ты о чем?

– Говоришь, братья в бешенстве от Карла и Симеона? Тогда они не проголосуют за Карла. Но если Слепой снимет свою кандидатуру, то старая гвардия выставит новую и, может, лучшую. Например, авторитетного брата Иосифа.

Теодорик был ошарашен:

– Я об этом не подумал.

– Наверно, лучше, если кандидатом стариков останется Карл. Все знают, что он против любых перемен. Слепой стал монахом, так как ему нравится, что каждый новый день не несет ничего нового. Он намерен ходить по одним и тем же дорожкам, сидеть на том же стуле, обедать, молиться, спать в одних и тех же местах. Возможно, причиной тому его слепота, хотя я предполагаю, что он вообще такой. Но это не важно. По его мнению, менять здесь ничего не нужно. Однако многие монахи настроены иначе, поэтому Карла легко обойти. Другой кандидат той же старой гвардии, но ратующий за мелкие, несущественные реформы, победит скорее. – Годвин поймал себя на том, что отбросил показную неуверенность и принялся задавать программу действий. Осекшись, ризничий добавил: – Не знаю, конечно, а ты как думаешь?

– Я думаю, что ты гений, – ответил Теодорик.

«Не гений, – подумал честолюбец, – но быстро учусь».

Он направился в госпиталь, где нашел Филемона, который убирал гостевые комнаты. Их занимал лорд Уильям, оставшийся ждать, пока его отец придет в себя или умрет. С ним была леди Филиппа. Епископ Ричард вернулся в Ширинг, но должен был приехать сегодня на поминальную службу. Годвин отвел Филемона в библиотеку. Тот едва умел читать, но мог оказаться полезным.

В монастыре хранилось более сотни хартий. Большинство из них фиксировали заключение сделок, касающихся земель, в основном возле Кингсбриджа, хотя отдельные владения аббатства были рассеяны по всей Англии, а то и в Уэльсе. Некоторые хартии предоставляли монахам право учреждать обители, строить церкви, бесплатно брать камни из каменоломни во владениях графа Ширинга, делить землю вокруг аббатства на участки под дома и сдавать их в аренду, собирать мостовщину, проводить судебные заседания, а также раз в неделю рынок и шерстяную ярмарку, а также сплавлять товары в Малкомб по реке, не платя владельцам земель, по которым она протекала.

Хартии писались пером и чернилами на пергаменте. Тонкую кожу старательно зачищали, скоблили, белили и растягивали, чтобы она стала пригодной для письма. Длинный пергамент сворачивали в свитки, перевязывали тонкими кожаными ремешками и хранили в обитом железом сундуке. Он запирался на замок, но ключ хранился тут же, в библиотеке, в маленькой резной шкатулке.

Открыв сундук, Годвин недовольно нахмурился. Хартии не аккуратно лежали кучками, а были запиханы кое-как. Некоторые оказались измяты, обтрепались, все без исключения запылились. «Их нужно хранить в хронологической последовательности, – подумал ризничий, – пронумеровать, а список с номерами прикрепить к внутренней стороне крышки, чтобы каждый документ было легко отыскать. Если я стану аббатом…»

Филемон по одной вытаскивал хартии, сдувал пыль и клал на стол перед Годвином. Службу не любили почти все. Кое-кто из пожилых монахов не доверял ему, но только не Годвин: трудно испытывать неприязнь к человеку, который относится к тебе как к богу. Боль-

шинство привыкли к нему – он уже так давно в аббатстве. Претендент на пост аббата помнил его еще мальчиком, высоким и неуклюжим, который всегда торчал возле монастыря, расспрашивая братьев, какому святому лучше молиться и видели ли монахи когда-нибудь чудо.

Большинство документов писали на одном листе дважды. Затем между идентичными текстами большими буквами выводили слово «хирограф» и по этому слову зигзагом разрезали пергамент на две части. Потом половинки складывали, и, если хирограф совпадал, это служило доказательством, что оба документа подлинные. На некоторых хартиях имелись дыры – вероятно, там, куда живую еще овцу укусило насекомое. Другие были обгрызены – видимо, мышами.

Конечно, все хартии были на латыни. Свежие читались легче, но старинный шрифт давался Годвину с трудом. Сначала монах искал дату, ведь целью его являлась хартия, написанная вскоре после службы всем святым десять лет назад. Он просмотрел все и ничего не нашел.

Ближайшим по времени являлся документ, составленный несколько недель спустя, в котором граф Роланд давал позволение сэру Джеральду перевести земли во владение монастыря, в обмен на что аббатство прощало рыцарю долги и брало его вместе с женой на пожизненное иждивение.

Годвин не очень расстроился. Скорее наоборот. Либо Томаса приняли в монастырь без обычного пожертвования – что само по себе странно, – либо документ хранится в другом месте, подальше от любопытных глаз. В любом случае мать права и у Лэнгли действительно есть тайна.

Хотя в некоторых богатых монастырях старшим церковникам выделяли отдельные кельи, в Кингсбридже все, кроме настоятеля, спали в одной большой комнате. Почти наверняка искомая хартия о приеме Томаса находится в доме аббата, который теперь занимает Карл.

Это усложняло дело. Слепой не позволит Годвину там шарить. Хотя шарить-то, может, и не придется. Скорее всего где-нибудь на видном месте стоит шкатулка или ларец с личными документами покойного аббата: дневник поры послушничества, дружеские письма от архиепископа, проповеди. Вероятно, после смерти Антония старик уже все просмотрел, но это вовсе не значит, что он разрешит Годвину сделать то же самое.

Раздумывая, монах нахмурился. Если Эдмунд или Петронилла попросят просмотреть бумаги покойного брата, Карлу будет сложно отклонить такую просьбу. Но прежде Слепой может кое-что изъять. Нет, искать нужно тайком.

Зазвонил колокол на службу третьего часа. Годвин понял, что единственное время, когда Карла наверняка не будет в доме, это соборная служба. И придется пропустить часы. Потребуется правдоподобное объяснение, а найти его нелегко: он ризничий, единственный человек, который ни при каких обстоятельствах не должен пропускать службы. Но выбора не было.

– Подойди ко мне на службе, – велел монах Филемону.

– Хорошо, – встревожился тот. Служкам не разрешалось заходить в алтарь во время службы.

– Зайди сразу после начала и пошепчи что-нибудь на ухо. Не важно что. Не обращай внимания на мою реакцию, продолжай шептать.

Филемон беспокойно нахмурился, но кивнул в знак согласия. Для Годвина он сделает все.

Ризничий вышел из библиотеки и присоединился к процессии, двигавшейся в собор. В нефе стояло всего несколько человек: большинство горожан придут позже, на поминальную службу. Монахи заняли свои места в алтаре, и служба началась.

– Господи, помилуй, – взмолился Годвин вместе с остальными.

Начался первый гимн. Появился Филемон. Все монахи уставились на него, как бывает, когда по ходу знакомой церемонии случается что-то необычное. Брат Симеон неодобрительно насупился. Регент Карл почувствовал смятение и удивился. Служка подошел к Годвину и наклонился.

– Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, – прошептал он.

Монах сделал вид, что удивился, но не прервал его, а Филемон продолжал читать первый псалом. Через несколько секунд Годвин энергично потряс головой, как бы отклоняя некую просьбу. Затем вновь прислушался. Ризничий хотел, чтобы его пантомима оставила впечатление, будто возникла сложная проблема. Может, он потом скажет, что его матери необходимо было немедленно переговорить с ним о похоронах брата и она угрожала войти в алтарь, если Филемон не передаст известие Годвину. Личность Петрониллы в сочетании с семейным горем делала эту историю вполне правдоподобной. Когда служка дочитал до конца псалом, хитрец в рясе смиренно встал и вышел из алтаря.

Оба спешно обошли собор. В доме аббата молодой служка подметал пол. Он не посмеет задать вопрос монаху. Может потом наябедничать Карлу, что приходили Годвин и Филемон, но будет поздно.

Ризничий считал дом аббата позором. Он меньше дома дяди Эдмунда на главной улице, в то время как настоятель должен иметь подобающий его сану дворец, как у епископа. А в этом сарае ничего величественного. Да, стены покрыты коврами с библейскими сценами, они сдерживают сквозняки, но все убранство какое-то блеклое, не внушающее почтения, – все как покойный Антоний.

Монах и Филемон быстро все осмотрели и скоро нашли то, что искали. Наверху в спальне, в сундуке возле скамеечки для молитв лежал довольно большой баул из мягкой козьей кожи имбирно-коричневого цвета, красиво шитый алой нитью. Наверняка дар какого-нибудь набожного городского кожевника. Филемон пристально смотрел на Годвина: тот открыл баул, в котором увидел около тридцати пергаментов, переложенных защитными льняными тряпочками. Ризничий быстро их просмотрел.

Какие-то скучные записи про псалмы: вероятно, Антоний когда-то думал написать книгу толкований, да так и не написал. Более всего Годвина удивило лирическое стихотворение на латыни. Заголовок «Virent oculi» говорил о том, что оно адресовано человеку с зелеными глазами. У дяди Антония, как и у всех членов семьи, были зеленые глаза с золотыми пятнышками.

Годвин недоумевал, кто автор. Не так уж много женщин свободно владеют латынью, чтобы писать стихи. Или автор мужчина? Пергамент старый, пожелтевший: любовная история, если таковая имела место, произошла в юности покойного настоятеля. Может, Антоний и не был таким уж сухарем, как казалось Годвину. Филемон спросил:

– Это что?

Монах почувствовал себя виноватым. Он заглянул в укромный уголок личной жизни дяди и пожалел об этом.

– Ничего, просто стихотворение.

Взяв в руки следующий пергамент, ризничий замер. Хартия, датированная Рождеством 1327 года. Десять лет назад. Речь шла о пятистах акрах возле Линна в Норфолке. Владелец на тот момент недавно умер. Бесхозные владения передавались Кингсбриджскому аббатству и оговаривался ежегодный оброк – зерном, руном, телятами, цыплятами. Выплачивать его аббатству должны были вилланы и свободные крестьяне. Указывалось имя крестьянина, назначаемого старостой и отвечавшего за ежегодные поставки в монастырь. Документ предусматривал также денежные выплаты вместо продуктов – доминирующая ныне практика, особенно когда земли далеко от местожительства владельца.

Обычная хартия. Каждый год после сбора урожая представители десятков таких деревень появлялись в аббатстве, привозя монахам добро. Из ближних селений приезжали ранней осенью, остальные – в разные сроки до Рождества. В документе указывалось, что дар пожертвован в благодарность за то, что монастырь принял сэра Томаса Лэнгли в монахи. Ничего особенного. Но подпись на документе привлекала внимание. Хартию подписала королева Изабелла.

Вот это уже интересно. Неверная супруга Эдуарда II подняла мятеж против короля, посадив на престол своего четырнадцатилетнего сына. Вскоре свергнутый король умер, и аббат Антоний ездил на погребение в Глостер. Томас появился в монастыре примерно в это же время.

Несколько лет в Англии хозяйничали королева и ее фаворит Роджер Мортимер, но недавно, несмотря на молодость, их оттеснил от власти Эдуард III. Новому королю было двадцать четыре года, однако правил он крепкой рукой. Мортимер умер, а Изабелла в свои сорок два года поселилась в роскошном, но уединенном замке Райзинг в Норфолке, недалеко от Линна.

– Вот оно! – Годвин повернулся к Филемону. – Лэнгли стал монахом благодаря королеве Изабелле.

Филемон нахмурился:

– Но почему?

Служка хоть и неучен, но сообразителен.

– А в самом деле, почему? – задумался монах. – Может, она хотела вознаградить его или заставить замолчать, а может, и то и другое. Ведь это случилось в год свержения короля.

– Должно быть, Томас оказал ей какую-то услугу.

Годвин кивнул:

– Например, доставил какую-нибудь записку, или открыл ворота замка, или выдал планы короля, или заручился для нее поддержкой важного барона. Но почему это тайна?

– Это не может быть тайной, – покачал головой Филемон. – Казначей должен знать. И в Линне все должны знать. Староста ведь говорит с кем-то, когда приезжает сюда.

– Но если никто не видел этой хартии, то как можно знать, что за всем этим стоит Лэнгли?

– Так вот она, тайна: королева Изабелла внесла пожертвование за Томаса.

– Воистину так.

Аккуратно переложив листы пергамента льняными тряпочками, Годвин засунул их обратно в баул, а баул в сундук. Филемон спросил:

– Но почему это нужно хранить в тайне? В таком пожертвовании нет ничего бесчестного или позорного. Обычное дело.

– Не знаю почему, да нам это и не нужно. Вполне достаточно того, что кто-то пытается сохранить секрет. Пойдем.

Честолюбец ликовал. У Лэнгли есть тайна, и он, Годвин, об этом знает. Это власть. Теперь он может выдвинуть на должность аббата кандидатуру брата Томаса. Но в глубине души снедала тревога: однорукий вовсе не дурак.

Заговорщики вернулись в собор. Литургия скоро закончилась, и ризничий начал готовиться к поминальной службе. По его указанию шестеро монахов поставили гроб с телом Антония на возвышение перед алтарем, а вокруг разместили свечи. Уже собирались люди. Годвин кивнул двоюродной сестре Керис, которая повязала черный шелковый платок, и заметил Томаса. Тот вместе с послушником нес большое красивое кресло – епископский престол, или кафедру, которая и давала собору статус кафедрального. Годвин тронул его за руку.

– Пусть это сделает Филемон.

Монах ощерился, решив, что собрат предлагает помощь калеке:

– Я справлюсь.

– Знаю, что справишься. Мне нужно поговорить с тобой.

Лэнгли был старше Годвина на три года, но в монастырской иерархии ризничий стоял выше. Тем не менее он всегда робел перед Томасом. Помощник неизменно почтительно относился к нему, но тому казалось, что ровно настолько, насколько требуется, не больше. Обмануть его будет непросто, а именно это Годвин и намеревался сделать.

Лэнгли передал Филемону престол и отошел следом за ризничим в боковой придел.

– Говорят, что ты можешь стать аббатом.

– То же самое говорят о тебе, – ответил Томас.

– Я не буду выдвигать свою кандидатуру.

Бывший рыцарь поднял брови:

– Ты удивляешь меня, брат.

– По двум причинам. Во-первых, мне кажется, ты лучше справишься с этой работой.

Томас удивился еще больше. Видимо, он не предполагал в Годвине подобной скромности. И был прав: ризничий лгал.

– Во-вторых, у тебя больше шансов. – Вот теперь честолюбец говорил правду. – Молодые предпочитают меня, но ты нравишься всем.

Лэнгли сощурил красивые глаза. Он искал ловушку.

– Я хочу тебе помочь, – продолжал между тем ризничий. – Убежден, следует выбрать аббата, который реформирует монастырь и приведет в порядок хозяйство.

– Думаю, мне это по силам. Но чего ты хочешь за поддержку?

Годвин понимал, что ничего не просить нельзя. Томас все равно не поверит. Он заготовил правдоподобную ложь:

– Я хочу стать твоим помощником.

Однорукий монах кивнул, но согласился не сразу.

– И как ты собираешься мне помогать?

– Прежде всего обеспечу тебе поддержку города.

– Считаешь, для этого достаточно иметь в дядьях Эдмунда Суконщика?

– Не так все просто. Городу нужен мост. Карл ничего не обещает. Город не хочет видеть его аббатом. Если я скажу олдермену, что ты начнешь строить мост сразу после избрания, за тебя встанут все.

– Но тогда многие монахи за меня не проголосуют.

– Я не был бы так категоричен. Не забудь, выбор братьев должен одобрить епископ. Епископы, как правило, достаточно осторожны и оглядываются на мнение мирян. Ричард не станет нарываться на неприятности. Поддержка города очень важна.

Годвин видел, что Томас ему не верит. Лэнгли пристально смотрел на него, и ризничий взмок, изо всех сил стараясь ничем себя не выдать. Однако Томас согласился с его доводами:

– Разумеется, нам нужен новый мост. Какая глупость со стороны Карла уходить от решения этого вопроса.

– Пообещаешь построить мост?

– Ты весьма настойчив.

Интриган прикрылся руками:

– Я вовсе не хотел. Конечно, следует делать то, что считаешь Божьей волей.

Томас вновь прищурился. Он не верил в бескорыстие собрата, но все же ответил:

– Я буду молиться.

Ризничий понял, что большей ясности сегодня от Лэнгли не добиться, а давить сильнее боялся.

– Я тоже. – Он отошел.

Томас действительно будет молиться. Для себя ему почти ничего не нужно. Если решит, что на то воля Божья, выставит свою кандидатуру, нет – нет. В данный момент Годвин больше ничего не мог сделать.

Гроб с телом Антония стоял в кругу свечного пламени. Собор заполнился горожанами и крестьянами из окрестных деревень. Претендент на дом аббата поискал глазами Керис. Сестра стояла в южном рукаве трансепта и осматривала леса Мерфина в приделе. Годвин любил вспоминать те времена, когда Керис была маленькой, а он – всезнающим старшим братом. Монах обратил внимание, что после крушения моста дочь дяди Эдмунда ходила мрачной, но сегодня повеселела, и Годвин обрадовался: он любил ее.

– У тебя, кажется, все хорошо, – ризничий коснулся ее руки.

– Да, – улыбнулась та. – Любовный узел развязался. Но тебе этого не понять.

– Да куда уж.

«Ты и понятия не имеешь, – подумал Годвин, – сколько любовных узлов среди монахов. Но зачем мирянам знать о монашеских грехах?»

– Хорошо бы твой отец поговорил с епископом Ричардом по поводу постройки нового моста.

– Моста? – скептически переспросила Керис. Ребенком она боготворила его, но все в прошлом. – А зачем? Это же не его мост.

– Избранного монахами аббата должен одобрить епископ. Вот если бы Ричард дал понять, что не утвердит того, кто не собирается строить мост. Некоторые братья останутся при своем, но будут и такие, которые решат, что нет смысла голосовать заведомо впустую.

– Понятно. Ты в самом деле думаешь, что отец может помочь?

– Не сомневаюсь.

– Я передам.

– Спасибо.

Зазвонил колокол. Годвин незаметно вышел из собора во дворик и влился в процессию монахов. Полдень. За утро проделана хорошая работа.

16

Рано утром в понедельник Вулфрик и Гвенда отправились в дальний путь из Кингсбриджа домой. Керис и Мерфин смотрели, как они плывут на новом пароме, и Фитцджеральд остался доволен. Правда, деревянные шестеренки быстро изотрутся. Лучше бы, конечно, железные, но… Девушка думала о другом.

– Гвенда так влюблена, – вздохнула дочь Суконщика.

– Вулфрик ей не светит.

– Откуда ты знаешь? Она решительная. Посмотри только, как девушка убежала от Коробейника.

– Но Вулфрик помолвлен с этой Аннет, которая намного красивее.

– Красота еще не все в любви.

– За что я благодарю Бога каждый день.

Девушка рассмеялась:

– Мне нравится твое смешное лицо.

– Вулфрик подрался из-за Аннет с моим братом. Наверно, он любит ее.

– У Гвенды есть приворотное зелье.

Молодой человек насупился.

– Ты считаешь, что девушка имеет право женить на себе мужчину, который любит другую?

С минуту Керис молчала. Нежная шея покраснела.

– Я об этом не думала. Разве это то же самое?

– Почти.

– Но она не заставляет его, она просто хочет, чтобы юноша ее полюбил.

– Пусть добьется этого безо всякого зелья.

– Теперь мне стыдно, что я ей помогала.

– Поздно.

Вулфрик и Гвенда сошли с парома, помахали друзьям и зашагали по предместью; рядом семенил Скип. Мерфин и Керис вернулись на главную улицу, и девушка бросила:

– Ты еще не говорил с Гризельдой?

– Как раз собираюсь. Не могу понять, хочу я или боюсь.

– Тебе нечего бояться. Это она лгала.

– Так-то оно так. – Фитцджеральд потрогал лицо. Синяки почти сошли. – Надеюсь только, Элфрик не полезет опять драться.

– Хочешь, пойду с тобой?

Он очень этого хотел, но покачал головой:

– Я заварил всю кашу, мне ее и расхлебывать.

Остановились возле дома Элфрика.

– Удачи, – пожелала Керис.

– Спасибо.

Мерфин быстро поцеловал ее, удержался, чтобы не поцеловать еще, и вошел в дом. Хозяин сидел за столом и ел хлеб с сыром. Перед ним стояла кружка с элем. На кухне подмастерье увидел Алису и служанку. Гризельды не было.

– Где ты пропадал? – спросил Элфрик.

Мерфин решил, что если ему бояться нечего, то действовать надо бесстрашно, и не ответил на этот вопрос.

– А где Гризельда?

– Спит еще.

Фитцджеральд крикнул наверх:

– Гризельда! Мне нужно с тобой поговорить.

Мастер буркнул:

– Времени нет разговаривать. Нужно работать.

Мерфин снова крикнул:

– Гризельда, вставай!

– Э-э-э, – насторожился хозяин, – ты кто такой, чтобы тут командовать?

– Вы ведь хотите, чтобы я на ней женился?

– И что?

– А то, что пора привыкать слушаться мужа. – Юноша вновь крикнул: – Спускайся, или тебе придется узнать кое-что от других.

Гризельда высунулась из-за перил.

– Иду, – раздраженно пробурчала она. – Что случилось-то?

Мерфин подождал, пока дочь хозяина спустится.

– Я знаю, кто отец ребенка.

Глаза девушки потемнели от страха.

– Не будь дураком, ты и есть отец.

– Нет, Терстан.

– Я не спала с ним! – Дочь посмотрела на отца. – Честно, не спала.

– Она не врет, – нахмурился Элфрик.

Из кухни выглянула Алиса:

– Это правда.

– Я спал с Гризельдой в воскресенье ярмарки – пятнадцать дней назад. Гризельда на третьем месяце.

– Нет!

Мерфин жестко посмотрел на Алису.

– Ты это знала, правда? – Та отвернулась. – И все-таки солгала. Даже родной сестре.

– Ты не можешь знать, на каком она месяце, – покачал головой Элфрик.

– Да посмотрите же на нее! – воскликнул Фитцджеральд. – Не видите, как округлился живот? Не сильно, но заметно же.

– Что ты в этом понимаешь? Мал еще.

– Ага, именно на это вы и рассчитывали, правда? И почти сработало.

Элфрик погрозил подмастерью пальцем.

– Ты спал с Гризельдой и женишься на ней.

– Нет, не женюсь. Она меня не любит. Терстан сбежал, и ваша дочь переспала со мной, чтобы у ребенка был отец. Я знаю, что поступил неправильно, но не собираюсь наказывать себя на всю оставшуюся жизнь.

Элфрик встал.

– Ты женишься – и знаешь это.

– Нет.

– Придется.

– Нет.

Мастер побагровел и закричал:

– Ты женишься на ней!

– Сколько раз повторять? Нет!

Элфрик понял, что дело серьезно.

– В таком случае вон из моего дома и чтоб ноги твоей здесь не было.

Мерфин ждал этого и испытал облегчение. Значит, больше аргументов у мастера нет.

– Ладно.

Подмастерье двинулся на кухню, но хозяин загородил ему дорогу:

– Ты куда это?

– На кухню, за вещами.

– За инструментами, ты хочешь сказать.

– Да.

– Они не твои. Их покупал я.

– Подмастерью всегда выдают его инструменты в конце… – Мерфин осекся.

– Ты не отбыл положенный срок, поэтому никаких инструментов не получишь.

А вот этого юноша не ожидал.

– Я работал шесть с половиной лет!

– А должен был семь.

Без инструментов нечего делать.

– Это нечестно. Без них не вступить в гильдию плотников.

– А уж об этом я позабочусь, – злорадно усмехнулся Элфрик. – Интересно, как ты объяснишь, почему это подмастерью, вышвырнутому за то, что переспал с дочерью хозяина, причитаются бесплатные инструменты. Все плотники гильдии были подмастерьями, и у большинства есть дочери. Приземлишься на мягкое место.

Молодой человек понял, что хозяин прав. Алиса добавила:

– Вот ты и влип, дружок.

– Да, влип, – кивнул Мерфин. – Но что бы там ни случилось, это лучше, чем жизнь с Гризельдой и ее родственничками.

Этим же утром Фитцджеральд отправился в церковь Святого Марка на похороны Хауэлла Тайлера, надеясь найти нового хозяина. Разглядывая расписанный деревянный потолок – в церкви не было каменных сводов, – он увидел дыру в форме человеческого тела, мрачное свидетельство того, как погиб Хауэлл. Там все прогнило, со знанием дела говорили строители на похоронах, но прозрели они слишком поздно – Тайлера уже не было в живых. Стало ясно, что крыша слишком непрочная, чинить ее нет смысла, надо сносить и класть новую. А значит, церковь придется закрыть.

Приход Святого Марка располагался в самой бедной, северной части города. Он получал средства от одного-единственного и далеко не богатого хозяйства в десяти милях, которое держал брат священника. Кроме того, отцу Жофруа причиталась десятина, выплачиваемая примерно тысячей прихожан. Но даже имевшие что-то за душой обычно уверяли, что у них в домах шаром покати, и десятина эта составляла очень скромную сумму. Жофруа, на котором сегодня была совсем старенькая ряса, крестил, венчал, хоронил, запрашивая намного меньше, чем аббатство. Его прихожане рано женились, часто рожали и быстро умирали, так что работы священнику хватало и концы с концами сводить удавалось. Но если он закроет церковь, заработков не будет и платить строителям станет нечем. Следовательно, работа по восстановлению крыши встанет.

На похороны пришли все строители города, включая Элфрика. Мерфин пытался делать вид, что ничего не случилось, но давалось это ему с трудом: большинство уже знали о том, что Элфрик выгнал подмастерье. С ним поступили несправедливо, но, увы, он не совсем без вины. Керис, дружившая с молодой женой Хауэлла, стояла вместе с родными покойного. Фитцджеральд подошел к ней и все рассказал.

Затем бывший подмастерье стал думать про крышу. Должен существовать способ снять ее, не закрывая церкви. Обычно, когда работы оттягивали слишком долго и дерево прогнивало до такой степени, что уже не держало рабочих, вокруг церкви ставили леса и сбрасывали бревна внутрь. Таким образом, до настила новой крыши храм стоял под открытым небом. Но наверняка можно построить вращающуюся лебедку, с опорой на стену, с ее помощью по одному снять бревна крыши и не бросать их вниз, а сразу перекидывать через стену. Тогда деревянный потолок можно убирать, когда уже будет постелена крыша.

На кладбище Мерфин всматривался в людей и думал, кто из них возьмет его на работу. Он решил подойти к Биллу Уоткину, второму после Элфрика строителю в городе, с которым тот был на ножах. На голове у Билла блестела лысина в обрамлении черных волос – вроде природной монашеской тонзуры. Уоткин поставил почти все жилые дома в Кингсбридже. Как и Элфрик, он держал каменщика, плотника, нескольких рабочих и пару подмастерьев.

Хауэлл был бедным, и его похоронили не в гробу, а в саване. Когда отец Жофруа ушел, Мерфин подошел к Биллу.

– Здравствуйте, мастер Уоткин, – по-деловому поздоровался он.

Тот ответил не особенно тепло:

– Чего тебе, маленький Мерфин?

– Я ушел от Элфрика.

– Знаю. И знаю почему.

– Вы узнали эту историю от Элфрика.

– Узнал то, что нужно.

Мерфин понял, что будущий хозяин даром времени не терял, до и по ходу поминальной службы излагая всем свою версию случившегося. Фитцджеральд был уверен, что мастер никому не рассказал, как Гризельда пыталась приспособить на роль отца Мерфина вместо Терстана. Но понимал также, что оправдываться неправильно. Лучше признать ошибку.

– Понимаю, что поступил дурно, и мне очень жаль, но я хороший плотник.

Билл кивнул:

– Новый паром говорит сам за себя.

Юноша воспрянул духом:

– Вы возьмете меня?

– Кем?

– Плотником. Вы же сами сказали, что я умею работать.

– А у тебя есть инструменты?

– Элфрик не отдал.

– И был прав, потому что ты не закончил ученичество.

– Тогда возьмите меня подмастерьем на шесть месяцев.

– И отдать тебе потом ни за что ни про что набор инструментов? Мне это не по карману.

Инструменты были дорогими, потому что больших денег стоили железо и сталь.

– Тогда возьмите на жалованье – я накоплю на свой инструмент.

Это займет очень много времени, но Мерфином двигало отчаяние.

– Нет.

– Почему?

– Потому что у меня тоже есть дочь.

Это уже оскорбительно.

– Вы же знаете, что я не гроза девушек.

– А пример другим подмастерьям? Если тебе сойдет это с рук, почему бы остальным не попытать счастья?

– Но это же несправедливо!

Билл пожал плечами.

– Может, ты по-своему и прав. Но спроси у любого плотника в городе. Думаю, все скажут то же самое.

– Что же мне делать?

– Не знаю. Думать надо было, перед тем как ее тискать.

– И вам все равно, что вы теряете хорошего плотника?

Билл опять пожал плечами.

– Нам больше работы останется.

Мерфин отвернулся. Вот этим-то гильдии и плохи, с горечью подумал он, там с радостью гонят людей – и за дело, и под надуманными предлогами. Нехватка рук лишь увеличивает их заработок. К чему порядочность?

Вдова Хауэлла ушла со своей матерью. Керис, выполнив долг, подошла к возлюбленному:

– Чего ты такой мрачный? Ты ведь почти не знал Хауэлла.

– Мне, наверно, придется уехать из Кингсбриджа, – ответил юноша.

Девушка побледнела.

– Это еще почему?

Фитцджеральд передал ей разговор с Биллом Уоткином.

– Вот так, никто в Кингсбридже меня не возьмет, а без инструмента какая самостоятельная работа? К родителям? Но я не могу лишать их куска хлеба. Так что придется искать работу там, где не знают про Гризельду. Со временем, может, накоплю денег, куплю молоток, резец, перееду в другой город и попытаюсь вступить в гильдию плотников.

Излагая Керис этот план, Мерфин начал осознавать весь ужас положения. Он словно впервые увидел знакомое лицо и опять был очарован сияющими зелеными глазами, аккуратным носиком и решительным подбородком. Рот не вполне гармонировал с остальным лицом: слишком большой, слишком полные губы. Лишил лицо правильности: чувственная природа брала верх над деятельным умом. Рот, созданный для любви, и мысль о том, что

придется уехать от этих вишневых губ, наполнила Мерфина отчаянием. Суконщица пришла в бешенство:

– Это незаконно! Они не имеют права!

– Я тоже так думаю. Но, судя по всему, делать нечего. Придется смириться.

– Погоди секунду. Давай подумаем. Ты можешь жить с родителями, а обедать у нас.

– Я не хочу стать приживалой, как мой отец.

– Ты и не будешь приживалой. Купишь инструмент Хауэлла Тайлера. Его жена только что сказала мне, что хочет за них один фунт.

– У меня вообще нет денег.

– Займи у моего отца. Ты всегда ему нравился – я уверена, он даст.

– Но нанимать плотника, не состоящего в гильдии, против правил.

– Правила можно нарушать. Не может быть, чтобы в городе не нашлось ни одного смельчака, который не плюнул бы на гильдию.

Мерфин понял, что позволил старшим согнуть себя, и был благодарен Керис за ее отказ примириться с поражением. Конечно, она права: необходимо остаться в Кингсбридже и бороться с несправедливым порядком. Кроме того, он знает одного человека, который очень нуждается в его способностях.

– Отец Жофруа, – пробормотал юноша.

– Он в сложном положении? Что-то случилось?

Мерфин рассказал про крышу.

– Так пойдем к нему, – тут же решила Керис.

Отец Жофруа жил в маленьком домике при церкви. Молодые люди застали его за приготовлением обеда – соленой рыбы с тушеными овощами. Тридцатилетний священник воинского сложения, высокий, широкоплечий, с грубоватыми манерами, славился тем, что всегда заступался за бедных. Бывший подмастерье с порога заявил:

– Я могу починить вам крышу так, что не придется закрывать церковь.

Жофруа вскинулся:

– Если это правда, Господь услышал мои молитвы.

– Нужно построить лебедку, с ее помощью поднять бревна крыши и перенести их на кладбище.

– Тебя прогнал Элфрик. – Священник бросил при этом смущенный взгляд на Керис.

– Я все знаю, святой отец, – кивнула она.

– Он выгнал меня, потому что я отказался жениться на его дочери, – объяснил Мерфин. – Но Гризельда носит не моего ребенка.

Жофруа покачал головой:

– Говорят, с тобой поступили несправедливо. Охотно верю. Я не очень люблю гильдии – там редко принимают бескорыстные решения. Но все-таки ты не закончил ученичества.

– А может кто-нибудь из членов гильдии плотников починить вам крышу, не закрывая церковь?

– Я слышал, тебе даже не дали инструментов.

– Позвольте мне решить эту проблему.

Священник задумался.

– Сколько ты хочешь?

Фитцджеральд вытянул шею.

– Четыре пенса в день плюс стоимость материалов.

– Это жалованье поденного плотника.

– Если не справлюсь с работой настоящего плотника, выгоните меня.

– Дерзко.

– Просто говорю, что смогу это сделать.

– Уверенность в своих силах не самый страшный на свете грех. А если церковь не нужно будет закрывать, четыре пенса в день мне по силам. Сколько тебе потребуется времени, чтобы построить эту твою лебедку?

– Самое большее две недели.

– Я ничего не заплачу, пока не буду уверен, что получится.

Мерфин вздохнул. Он совсем без денег, но ничего, как-нибудь. Жить будет у родителей, а обедать у Эдмунда Суконщика. Выкрутится.

– Купите материал и откладывайте мое жалованье до того дня, когда я сниму с крыши первое бревно и аккуратно перенесу его на землю.

Жофруа медлил.

– Моя репутация… Но у меня нет выбора.

Он протянул руку. Недоучившийся плотник пожал ее.

17

Всю дорогу от Кингсбриджа до Вигли – а это двадцать миль, целый день пути – Гвенда ждала момента воспользоваться приворотным зельем, но увы. Вулфрик ничего не подозревал, напротив, был открыт и дружелюбен. Сосед рассказывал о своих родных, о том, как плакал, просыпаясь и вспоминая, что их гибель ему не приснилась. Юноша был внимателен, спрашивал, не устала ли Гвенда, не передохнуть ли. Говорил, что все его упования связаны с землей, что она перейдет его потомкам, что, благоустраивая – выпалывая на полях сорняки, ставя загоны для овец и выкорчевывая камни с пастбища, – он выполняет свое предназначение. Даже гладил Скипа.

К концу дня девушка любила его пуще прежнего. Но увы, юноша держался с ней как приятель, товарищ, друг – кто угодно, только не возлюбленный. В лесу, связанная веревкой Сима Коробейника, Гвенда так хотела, чтобы мужчины не были дикими животными, а теперь ей мечталось, чтобы в Вулфрике хоть чуть-чуть проснулась необузданная страсть. Весь день пускалась на мелкие уловки с целью пробудить его интерес. Якобы случайно открывала крепкие, хорошей формы ноги. Поднимаясь в гору, глубоко дышала, выставляя грудь. При любой возможности дотрагивалась до возлюбленного: касалась руки или опиралась на плечо. Ни одна из этих хитростей не возымела ни малейшего действия. Гвенда знала – она некрасива, но обладает чем-то, что нередко заставляет мужчин пристально смотреть на нее и дышать сквозь зубы. Однако Вулфрик не поддавался.

В полдень сделали привал и поели хлеба и сыра, которые взяли с собой, но воду пили из источника, с ладоней, и она не могла дать ему зелье. И все-таки испытывала настоящее счастье. Возлюбленный принадлежал ей целый день. Гвенда смотрела на него, говорила, веселила, сочувствовала и время от времени даже дотрагивалась. Девушка уверяла себя, что может и поцеловать в любой момент, просто сейчас не хочется. Они как будто были женаты. Но все слишком быстро кончилось.

Домой пришли к вечеру. Деревня стояла на пригорке, с которого во все стороны полого спускались поля, и здесь всегда дули ветры. После двухнедельной сутолоки Кингсбриджа Вигли показалась маленькой и тихой – лишь отдельные грубые хижины вдоль дороги, ведущей к усадьбе и церкви, единственной каменной постройке. Усадьба была не больше городского купеческого дома, с жилыми комнатами на втором этаже. Приличные дома еще имели священник и несколько крестьян, но в основном лачуги перегораживала надвое стенка, по одну сторону которой держали скотину, а по другую располагалось помещение, служившее всей семье и кухней, и спальней.

Один из добротных домов принадлежал семье Вулфрика. Запертые двери и закрытые ставни придавали ему заброшенный вид. Осиротевший крестьянин прошел мимо, к другому

большому дому, где жила Аннет. Небрежно помахал подружке и с радостной улыбкой свернул во двор нареченной.

Гвенда испытала резкое чувство утраты, как будто кончился хороший сон, но взяла себя в руки и пошла по полю. Благодаря июньским дождям пшеница и ячмень зазеленели, но теперь им нужно солнце, чтобы созреть. Деревенские женщины медленно передвигались вдоль рядов посевов, выдирая сорняки. Некоторые помахали соседке рукой.

Приближаясь к дому, Гвенда разволновалась и разозлилась. Она не видела родителей с того дня, как отец продал ее Симу Коробейнику за корову. Почти наверняка он считал, что дочь еще у Сима. Увидев ее, Джоби потеряет дар речи. Что он скажет? И что она скажет отцу, который предал родную кровь? Девушка была уверена, что мать ничего не знает о сделке. Скорее всего отец наплел ей, что Гвенда, к примеру, сбежала с любовником. Мать придет в бешенство. Гвенде очень хотелось обнять малышей – Кэт, Джоуни, Эрика. Только теперь она поняла, как соскучилась по ним.

Их дом стоял в конце трехсотакрового поля, его загораживали деревья на опушке леса. Он был даже меньше крестьянских лачуг – единственную комнату семья по ночам делила с коровой. Такие дома назывались мазанками: жерди втыкали в землю, переплетали их мелкими веточками, как корзину, а дыры замазывали клейкой смесью ила, соломы и коровьего навоза. В соломенной крыше проделывали отверстие, куда выходил дым из очага на земляном полу. В мазанках жили всего несколько лет, потом их приходилось ставить заново. Сейчас дом показался Гвенде убогим, как никогда. Девушка поклялась себе, что не останется здесь на всю жизнь, каждый год-два рожая детей, большинство из которых умрут от голода.

В сотне ярдов от дома заметила отца – он с кувшином шел ей навстречу по меже. Наверно, направлялся к матери Аннет, Пегги Перкин, которая варила эль на всю деревню. В это время года у отца всегда водились деньги, так как в полях было много работы. Джоби увидел дочь не сразу.

Гвенда внимательно смотрела на его худую фигуру – рубаха до колен, потрепанный колпак, самодельные сандалии, привязанные к ногам соломой. Родитель шел осторожно и одновременно небрежно: он всегда производил впечатление неуверенного чужака, который пытается делать вид, что находится у себя дома. Из-за близко посаженных глаз, большого носа и широкого выступающего подбородка лицо его казалось бугристым треугольником. Гвенда знала, что похожа на него. Отец украдкой глянул на женщин, работавших в поле, как будто не хотел, чтобы те заметили, как он за ними наблюдает.

Подойдя ближе, Джоби оглядел дочь с нехорошим прищуром, быстро опустил глаза и тут же опять поднял. Выставив подбородок, Гвенда твердо смотрела на отца, и на его лице отразилось изумление.

– Ты? Что случилось?

– Сим Коробейник вовсе не коробейник, а разбойник.

– А где он?

– В аду, папочка. Там-то вы с ним и встретитесь.

– Ты что, убила его?

– Нет. – Девушка уже давно решила, что будет врать. – Его убил Бог. Сим шел по кингсбриджскому мосту, и тот рухнул. Бог наказал его за грех. А тебя еще нет?

– Бог милует добрых христиан.

– И это все, что ты можешь мне сказать? Что Бог милует добрых христиан?

– Как ты убежала?

– Напрягла мозги.

Джоби прищурился.

– Умная девочка.

Гвенда подозрительно всмотрелась в лицо отца:

– Какую еще гнусность ты задумал?

– Умная девочка, – повторил он. – Ступай к матери. На ужин получишь кружку эля. – И пошел дальше.

Беглянка нахмурилась. Кажется, отца не очень беспокоило, что скажет мать, когда узнает правду. Может, рассчитывает, что дочь постесняется рассказать ей? Что ж, в таком случае он ошибается.

Кэт и Джоуни играли в грязи перед домом. Завидев Гвенду, они вскочили и бросились к ней. Скип громко залаял. Девушка обняла сестер, вспомнив, как думала, что никогда их больше не увидит; в эту секунду она была страшно рада, что воткнула кинжал в башку Олвина.

Мать на кухне кормила маленького Эрика молоком, придерживая кружку, чтобы не пролить ни капли. Увидев дочь, она вскрикнула от радости, поставила кружку на стол, встала и обняла ее. Гвенда заплакала и, разрыдавшись, уже не могла остановиться. Плакала, потому что Сим вел ее из города на веревке, потому что позволила Олвину взять себя, плакала по всем людям, что погибли на мосту, и потому, что Вулфрик любит Аннет. Когда рыдания несколько поутихли, она смогла проговорить:

– Мама, отец продал меня. Продал за корову, я была у разбойников.

– Это нехорошо, – покачала головой мать.

– Хуже, чем нехорошо! Он подлый, злой… он дьявол.

Мать отстранилась:

– Не говори так.

– Но это правда!

– Он твой отец.

– Отцы не продают детей как скотину. У меня нет отца.

– Джоби кормил тебя восемнадцать лет.

Гвенда в недоумении смотрела на нее.

– Как ты можешь быть так жестока? Он продал меня разбойникам!

– И привел нам корову. Теперь у нас есть молоко для Эрика, хоть у меня и высохла грудь.

Девушка медленно выговорила:

– Ты защищаешь его!

– У меня больше никого нет, Гвенда. Твой отец не принц и даже не крестьянин. Безземельный батрак. Но он делал для нас все, что мог, почти двадцать пять лет. Работал, когда получалось, и воровал, когда приходилось. Благодаря ему выжили и ты, и Филемон, и при попутном ветре он сделает то же самое для Кэт, Джоуни и Эрика. Да, он грешил, но без него нам было бы хуже. Поэтому не называй его дьяволом.

Гвенда онемела. Она едва привыкла к мысли, что отец предал ее. А теперь оказывалось, что мать ничуть не лучше. Девушка растерялась. Это было похоже на то, когда мост ушел из-под ног: она с трудом понимала, что происходит.

Вошел отец с кувшином эля. Снял с полки над очагом три деревянные кружки и весело сказал:

– Ну, давайте выпьем за возвращение нашей непутевой девочки.

После долгой дороги Гвенде хотелось есть и пить. Она взяла кружку и жадно отпила, но, зная подходы отца, спросила:

– Что ты задумал?

– Как тебе сказать… На следующей неделе ярмарка в Ширинге, так?

– И что?

– Ну… можно повторить.

Девушка не поверила своим ушам.

– Повторить что?

– Я тебя продам, ты уйдешь с покупателем, а потом убежишь и вернешься домой. С тобой ведь ничего не случилось?

– Ничего не случилось?!

– А у нас теперь корова за двенадцать шиллингов. Мне ведь почти полгода нужно работать за такие деньги.

– А потом? Что потом?

– Ну там, другие ярмарки… В Винчестере, Глостере, откуда я знаю. – Джоби долил ей эля. – Поверь мне, это куда лучше, чем – помнишь? – срезать кошельки у сэра Джеральда.

Недавняя пленница отставила кружку. Во рту появилась горечь, как будто съела что-то тухлое. На языке вертелись грубые слова, гневные обвинения, проклятия, но она молчала. Буря чувств оказалась куда сильнее негодования. Какой смысл ругаться? Она все равно никогда больше не сможет ему верить. И мать не отступилась от него – значит, ей тоже нельзя верить.

– Что же мне делать? – громко спросила Гвенда, но не для того, чтобы получить ответ. Вопрос девушка задавала самой себе.

Дома она стала товаром, которым торгуют на ярмарках. Что же ей делать? Уйти? С ужасом беглянка поняла, что это больше не ее дом. Открытие потрясло до основания. Она прожила в нем всю жизнь, но теперь почувствовала себя беззащитной. Нужно уходить. Не на следующей неделе и даже не завтра утром – сейчас.

Идти некуда, но это дела не меняет. Остаться, есть хлеб, который отец бросил на стол, означает покориться его власти. Тем самым она признает: ею можно торговать. Девушка пожалела, что выпила первую кружку эля. Нужно было отказаться и тут же уйти из его дома. Старшая дочь посмотрела на мать:

– Ты не права. Он дьявол. И легенды говорят правду: когда заключаешь сделку с дьяволом, в конце концов приходится платить больше, чем казалось сначала.

Мать отвернулась. Гвенда встала, накренила полную кружку, и эль пролился на пол. Скип тут же принялся его слизывать. Отец рассердился:

– Я заплатил за этот кувшин целый фартинг!

– Прощайте.

И Гвенда вышла из дома.

18

В следующее воскресенье девушка после службы осталась в церкви на заседание манориального суда, который должен был решить судьбу ее любимого. Собралась вся деревня. Иногда здесь проводили настоящие судебные слушания по вопросам невыплаченных долгов, спорных границ между полями, обвинений в краже или изнасиловании, но чаще принимали практические решения – например, когда начинать пахоту на общинной бычьей упряжке.

Теоретически вилланов судили лорды. Но законы, установленные в Англии почти три века назад вторгшимися из Франции норманнами, обязывали следовать обычаям предков, и для исполнения законов лордам приходилось обсуждать вопросы с двенадцатью присяжными – видными сельчанами. Так что на практике дело нередко сводилось к договору между лордом и жителями деревни.

Вигли осталась без лендлорда. Сэр Стивен погиб при крушении моста. Эту новость принесла Гвенда. Она же сообщила, что граф Роланд, обязанный назначить нового лорда, при смерти. В день их с Вулфриком ухода из Кингсбриджа граф пришел в себя, но его тут

же свалила такая сильная лихорадка, что он не мог договорить до конца ни одной фразы. Вигли приходилось ждать.

Это было в порядке вещей. Лорды часто отсутствовали: уходили на войну, уезжали на заседания парламента, сутяжничали, а то и просто торчали в свите своих графов при королевском дворе. Роланд всегда назначал наместника, обычно одного из своих сыновей, но в данном случае не мог сделать и этого. В отсутствие лорда деревней управлял староста – уж как мог.

Обязанности старосты, или рива, состояли в выполнении решений землевладельца, что неизбежно давало ему определенную власть над сельчанами. Границы этой власти зависели от личных предпочтений лорда: кто-то контролировал своих старост жестко, кто-то – спустя рукава. Сэр Стивен отпустил поводья, но граф Роланд был необычайно строг.

Нейт служил старостой при сэре Стивене, до него при сэре Генри и, вероятно, останется при следующем лорде. Этот маленький, кривой и худой горбун отличался необычайной энергией. Хитрый и жадный, он использовал свою небольшую власть, при любой возможности вымогая с сельчан взятки.

Гвенда не любила Нейта. Она ничего не имела против его жадности: этим пороком обладают все старосты. Но обида искорежила Рива не хуже его физического уродства. Его отец был старостой селений графа Ширинга, но Нейту эта высокая должность не досталась, и в том, что пришлось опуститься до мелкой Вигли, староста винил свой горб. Похоже, он ненавидел всех молодых, сильных и красивых. В часы досуга Рив любил выпивать с отцом Аннет – за счет последнего.

На сегодняшнем заседании решался вопрос, что делать с большим наделом семьи Вулфрика. Крестьяне находились не в равном положении, и наделы у них были неодинаковые. Единицей измерения служила виргата – земельный участок, который мог обрабатывать и от которого мог кормиться один человек, – в этой части Англии составлявший тридцать акров. Однако большинство крестьян Вигли держали полвиргаты – пятнадцать или около того акров. Им приходилось искать дополнительные средства пропитания: ловить птиц в лесах, рыбу в реке, что текла по Ручейному полю, делать из обрезков дешевой кожи пояса и сандалии, ткать шерсть кингсбриджских купцов или незаконно охотиться на королевских оленей. Лишь немногие крестьяне имели больше виргаты. Перкин держал сто акров, отец Вулфрика – девяносто. Таким зажиточным крестьянам обрабатывать землю помогали сыновья, родственники либо наемные батраки – как отец Гвенды.

Когда виллан умирал, землю, которую он держал, могли наследовать вдова, сыновья и замужняя дочь. Но на получение наследства требовалось разрешение лорда, кроме того, существовал довольно высокий налог – гериот. В нормальной ситуации наследниками Сэмюэла автоматически стали бы двое его сыновей и не было бы никакой необходимости в судебных слушаниях. Братья сложились бы, уплатили гериот, а затем либо разделили землю, либо обрабатывали ее совместно, договорившись с матерью. Но один из сыновей Сэмюэла погиб вместе с отцом, и все усложнилось.

Таким образом, сегодня решалось будущее Вулфрика, и тот факт, что он собирался провести это будущее с другой женщиной, не умалял тревоги Гвенды. Может, она и думала иногда в сердцах, чтоб он нищенствовал со своей Аннет, но всерьез не могла этого пожелать любимому. Девушка хотела, чтобы он был счастлив.

Когда закончилась служба, из усадьбы принесли большое деревянное кресло и две скамьи. Нейт уселся в кресло, присяжные заняли скамьи, все остальные остались стоять.

Вулфрик говорил просто:

– Мой отец держал девяносто акров. Пятьдесят из них держал еще его отец, а сорок – его дядя, который умер десять лет назад. Поскольку моя мать погибла, как и брат, а сестер у меня нет, я являюсь единственным наследником.

– Сколько тебе лет? – спросил Нейт.

– Шестнадцать.

– Ты еще даже не мужчина.

Похоже, Нейт собирался усложнить дело. Гвенда понимала почему. Он хотел взятку. Но у Вулфрика денег не было.

– Возраст еще не все, – отвечал юноша. – Я выше и сильнее многих взрослых мужчин.

– Дэвид Джонс наследовал отцу в восемнадцать, – заметил присяжный Аарон Яблочник.

– Восемнадцать не шестнадцать, – отозвался горбун. – Я не помню, чтобы шестнадцатилетний вступал в права наследства.

Дэвид не являлся присяжным и поэтому стоял рядом с Гвендой.

– У меня и не девяносто акров! – крикнул он.

Раздался смех. У Джонса было полвиргаты, как у большинства присутствующих.

– Девяносто акров – очень много для одного человека, к тому же мальчишки. Ведь до сих пор землю возделывали трое, – заговорил другой присяжный, Билли Говард двадцати с небольшим лет. Он безуспешно ухаживал за Аннет – наверно, поэтому и взял сторону Нейта. – У меня всего сорок акров, а во время сбора урожая мне приходится нанимать батраков.

Кое-кто закивал. Гвенда приуныла. Дело складывалось не в пользу ее любимого.

– Тут уж я ничего не могу поделать, – насупился Вулфрик.

Нейт спросил:

– А у тебя есть деньги платить батракам?

Вулфрик скис. Гвенда с трудом удерживалась, чтобы не броситься к нему.

– Кошель моего отца пропал во время крушения моста, а все, что было у меня, я потратил на похороны, – развел он руками. – Но могу предложить батракам часть урожая.

Староста покачал головой.

– Все в деревне работают целыми днями на своей земле, а у кого ее нет, уже наняты. Никто не бросит работу за деньги ради доли урожая, которого, может, еще и не будет.

– Я соберу урожай! – в отчаянии воскликнул молодой человек. – Если нужно, буду работать день и ночь. Всем докажу, что управлюсь с землей.

Его красивое лицо горело, Гвенде захотелось вскочить и прокричать что-нибудь в его защиту. Но мужчины качали головами. Все понимали, что одному человеку не справиться с наделом в девяносто акров. Нейт обратился к Перкину:

– Он помолвлен с твоей дочерью. Ты можешь для него что-нибудь сделать?

Тот задумался.

– Может, на какое-то время перевести землю на меня? Я могу заплатить гериот. А потом, когда женится на Аннет, заберет землю обратно.

– Нет! – быстро ответил юноша.

Гвенда понимала почему. Перкин хитер невероятно. Все время до свадьбы он потратит на то, чтобы придумать, как не возвращать зятю землю. Рив спросил у Вулфрика:

– Если у тебя нет денег, как же ты заплатишь гериот?

– У меня будут деньги, когда я соберу урожай.

– Если соберешь. И даже тогда может не хватить. Сэмюэл уплатил три фунта за землю отца и два фунта за надел дяди.

Гвенда ахнула. Пять фунтов – целое состояние. Как же Вулфрику собрать такие деньги? Это, наверно, все семейные сбережения. Староста продолжал:

– Кроме того, гериот обычно платят до получения наследства, а не после сбора урожая.

– В данной ситуации, Нейт, ты мог бы пойти навстречу, – вмешался Аарон Яблочник.

– Ты так считаешь? Идти навстречу может лорд, который распоряжается своим имуществом. А когда навстречу идет староста, выходит, он разбазаривает чужое добро.

– Мы все равно только предлагаем. Никакое решение не будет окончательным до одобрения нового лорда Вигли, кто бы им ни стал.

Строго говоря, это так, подумала Гвенда, но вряд ли новый лорд отменит решение о наследовании сыном отцу. Вулфрик напомнил:

– Сэр, гериот моего отца составлял меньше пяти фунтов.

– Нужно посмотреть документы.

Нейт ответил очень быстро, и Гвенда догадалась, что он ждал этого возражения. Староста часто придумывал какие-нибудь предлоги для перерывов во время суда. Скорее всего предоставлял таким образом возможность сторонам предложить ему взятку. Может, думал, что у Вулфрика все-таки есть какие-то деньги.

Двое присяжных принесли из ризницы шкатулку с решениями манориального суда, написанными на длинных листах пергамента, свернутых в свитки. Нейт, умевший читать и писать – староста обязан быть грамотным, чтобы писать отчеты лорду, – принялся рыться в шкатулке.

Гвенда понимала, что возлюбленный действует неправильно. Его простых слов и очевидной честности недостаточно. Горбун больше всего хочет получить гериот для лорда. Перкин старается застолбить землю за собой. Билли Говард стремится уничтожить Вулфрика просто из ревности. А у молодого наследника нет денег на взятку. К тому же он наивно считает, что, если докажет свою правоту, вопрос будет решен по справедливости. Не чувствует ситуации. Дочь Джоби не могла не научиться всяким хитростям и поможет ему. Вулфрик в своей речи не учел интересы сельчан. Она сделает это за него. Гвенда повернулась к Дэвиду Джонсу:

– Странно, что всем наплевать.

Тот пристально посмотрел на нее:

– Ты о чем это, хозяйка?

– Да, Сэмюэл погиб неожиданно, но речь-то о том, что сын наследует отцу. Если вы сейчас дадите Нейту взять верх, скряга начнет мудрить во всех подобных случаях. Всегда придумает, почему наследование якобы незаконно. Вы не боитесь, что потом горбун оставит с носом ваших сыновей?

Дэвид заерзал.

– Может, ты и права, подруга. – И Джонс повернулся к соседу с другой стороны.

Гвенда понимала также, что Вулфрик совершает ошибку, требуя принять окончательное решение сегодня же. Лучше просить временного, его присяжные одобрят скорее. Нужно поговорить с ним. Юноша стоял с Перкином и Аннет. Когда Гвенда приблизилась к ним, хитрый землепашец напрягся, Аннет задрала нос, но Вулфрик был вежлив, как всегда.

– Привет, спутница. Я слышал, ты ушла из дома.

– Отец угрожал продать меня.

– Еще раз?

– Да без конца, пока я буду убегать. Решил, что нашел бездонный кошель.

– И где ты живешь?

– Меня взяла к себе вдова Губертс, работаю на барской запашке. Пенни в день, с восхода и до заката. Нейт любит, когда его батраки возвращаются домой усталыми. Думаешь, он даст тебе, чего ты хочешь?

Вулфрик поморщился:

– Кажется, не собирается.

– Женщина поступила бы иначе.

Юноша удивился:

– И как поступила бы женщина?

Аннет метнула на соседку свирепый взгляд, но Гвенда сделала вид, будто не заметила.

– Женщина не стала бы настаивать, когда всем понятно, что сегодня все равно ничего окончательно не решить. Не стала бы рисковать и добиваться «да», которое в любом случае останется «может быть».

Вулфрик задумался:

– И что бы она сделала?

– Попросила бы разрешить ей пока просто работать на земле, а окончательное решение принять, когда появится новый лорд. Сообразила бы, что пройдет время и все привыкнут к мысли о том, что она держит эту землю, и тогда одобрение нового лорда покажется простой формальностью. Добилась бы своего, не дав возможности обсуждать вопрос.

Вулфрик мялся:

– Но…

– Понимаю, это не совсем то, чего ты хочешь, но больше тебе сегодня не светит. Да Нейт и не может тебе отказать – ведь именно ему отчитываться за урожай.

Сирота покивал, обдумывая эту мысль.

– Ну да, все увидят, как я собираю урожай, и привыкнут. И потом уже будет несправедливо лишать меня наследства. И я смогу заплатить гериот или хотя бы часть.

– Так ты окажешься намного ближе к цели, чем сейчас.

– Спасибо. Ты очень умная.

Он пожал ей локоть и повернулся к Аннет. Та тихо что-то проворчала. Перкин приуныл. Гвенда отошла. «Лучше бы ты мне не говорил, что я умная, – подумала она. – Лучше бы сказал, что я… что? Красивая? Не смешите меня. Любовь всей твоей жизни? Это Аннет. Настоящий друг? К черту дружбу. Так чего же я хочу? Почему изо всех сил стараюсь помочь?» Ответа у девушки не было. Она увидела, как Дэвид Джонс энергично втолковывает что-то присяжному Аарону Яблочнику. Нейт замахал свитком:

– За наследство родителя отец Вулфрика Сэмюэл уплатил тридцать шиллингов и один фунт – за наследство дяди.

Шиллинг – это двенадцать пенни. Правда, монет достоинством в один шиллинг не существовало, но все равно считали в шиллингах. Фунт – это двадцать шиллингов. Нейт сперва назвал вдвое большую сумму.

– Земля отца должна переходить сыну, – убежденно твердил Дэвид Джонс. – Новый лорд не может по своему усмотрению выбирать наследников.

Все одобрительно загудели.

– Я знаю, Нейт, что сегодня нельзя принять окончательное решение, – заговорил Вулфрик, – и готов подождать нового лорда. Прошу лишь позволить мне работать на земле. Я соберу урожай, клянусь. А если не сдержу слова, вы ничего не потеряете. Если же у меня получится, вы мне ничего не обещали. Когда появится новый лорд, обращусь к его милости.

Нейт встревожился. Гвенда не сомневалась, что скряга очень надеялся выудить из этой ситуации денег – скорее всего ждал взятки от Перкина, будущего тестя Вулфрика. Она всматривалась в лицо старосты, который мялся и думал, под каким предлогом отказать молодому наследнику в более скромной просьбе. Кто-то заворчал, и Нейт понял – заминка производит плохое впечатление.

– Ладно, – изрек он, будто оказывал великую милость, хотя выглядело это не очень убедительно. – Что скажут присяжные?

Аарон Яблочник, коротко посовещавшись с товарищами, подытожил:

– Просьба Вулфрика скромна и разумна. Пусть ему отойдет земля отца, пока не будет назначен новый лорд Вигли.

Гвенда с облегчением вздохнула. Рив промямлил:

– Благодарю присяжных.

Слушания закончились, и люди потянулись домой на обед. Большинство сельчан ели мясо раз в неделю, обычно по воскресеньям. Даже Джоби и Этна, как правило, готовили жаркое из белок или кабана, а в это время года легко можно было наловить крольчат. У вдовы Губертс в котле варилась баранья шейка. Выходя из церкви, Гвенда поймала взгляд Вулфрика.

– Здорово, – улыбнулась девушка, поравнявшись с ним. – Староста не смог тебе отказать, хотя и хотел.

– Это твоя идея, – с придыханием ответил юноша. – Ты додумалась, что мне нужно сказать. Не знаю, как тебя и благодарить.

Ей очень хотелось подсказать ему как, но она удержалась. Когда шли по кладбищу, Гвенда спросила:

– Как же ты соберешь урожай?

– Не знаю.

– Возьмешь меня?

– У меня нет денег.

– Не важно, я буду работать за еду.

Молодой наследник остановился у ворот, развернулся и посмотрел соседке прямо в глаза.

– Нет, Гвенда. Не думаю, что это удачная мысль. Аннет не понравится, и, если честно, она будет права.

Гвенда вспыхнула. Вулфрик высказался предельно ясно. Если бы он отказался от ее помощи, например, потому, что она слишком слабая, то не нужно таких взглядов, не нужно упоминать невесту. Гвенда с болью поняла: возлюбленный знает о ее чувствах и отказывается от помощи, не желая поощрять безнадежную любовь.

– Ладно, – прошептала девушка, опуская глаза. – Как скажешь.

Он тепло улыбнулся:

– Спасибо, что предложила.

Гвенда молча развернулась и ушла.

19

Гвенда встала затемно. Она спала на усыпанном соломой полу. Даже во сне девушка непонятным образом чувствовала время и просыпалась перед рассветом. Когда Гвенда откинула одеяло, вдова, спавшая тут же, даже не пошевелилась. Молодая батрачка нащупала заднюю дверь и вышла во двор. Скип, отряхнувшись, засеменил следом.

С минуту она стояла неподвижно. В Вигли, как всегда, дул прохладный ветер. Ночь была не очень темной, и удалось различить очертания птичника, отхожего места, грушевого дерева. Гвенда не видела дома Вулфрика, но услышала рычание его собаки, привязанной перед небольшим овечьим загоном. Девушка тихонько окликнула пса, тот узнал ее голос и успокоился.

Стояла полная тишина – но ее жизнь с некоторых пор вообще наполнилась тишиной. Всегда жила в крошечном домике с кучей детей, вечно кто-то из них просил есть, хныкал, поцарапавшись, плакал от обиды или беспомощно и сердито кричал. Никогда не подумала бы, что ей будет этого не хватать, и скучала с тихой вдовой; та любезно беседовала, однако с не меньшим удовольствием и молчала. Иногда Гвенде так хотелось услышать детский крик, просто взять ребенка на руки и понянчить.

Подошла к старому деревянному ведру, сполоснула руки, лицо и вернулась в дом. В темноте нашарила стол, открыла хлебницу и отрезала толстый кусок недельной свежести

хлеба. Затем, жуя на ходу, вышла. Она встала первая. Крестьяне работали от восхода до заката, а в это время года дни были длинными, тяжелыми. Люди ценили каждую минуту отдыха. Одна Гвенда трудилась в утренние и вечерние сумерки.

Когда шла по полю, рассвело. В Вигли было три больших поля: Сотенное, Ручейное и Долгое. На каждом из них поочередно раз в три года засевали разные злаки. Пшеницу и рожь, самые ценные, сеяли в первый год; на второй – менее важные овес, ячмень, горох, фасоль, на третий год поле оставляли под паром. В этом году на Сотенном поле поспевали пшеница и рожь, на Ручейном – второсортные злаки и бобы, а Долгое лежало под паром. Поля были разделены на пахотные полосы размером примерно в один акр, и надел каждого виллана состоял из нескольких таких полос на каждом из полей.

Гвенда прошла на Сотенное поле и начала полоть один из рядов Вулфрика, в который раз выдирая упорный щавель, ноготки, посконник и обходя пшеничные стебли. Девушка была счастлива работать на его земле, помогать ему – не важно, знает он об этом или нет. Каждый ее наклон облегчал его труд; с каждым выдранным сорняком увеличивался его урожай. Влюбленная словно делала юноше подарок. Работая, она думала о нем, вспоминала его лицо, смех, слышала голос – низкий голос мужчины с порывистыми еще интонациями юноши. Гладила зеленые побеги пшеницы, воображая, что это волосы любимого.

Полола до восхода солнца, затем перешла на барскую запашку и принялась работать за деньги. Хотя сэр Стивен погиб, его урожай все равно нужно снимать – преемник потребует строгого отчета о вырученных средствах. На закате, заработав на хлеб, Гвенда пойдет на другую часть надела Вулфрика и будет работать там до темноты, а если выйдет луна, то и дольше.

Она ничего не говорила Вулфрику, но что можно утаить в деревне, где живет двести человек. Вдова Губертс – довольно деликатно – спросила батрачку, на что та надеется.

– Знаешь ведь, он женится на дочери Перкина; ты не сможешь этому помешать.

– И все-таки я хочу, чтобы он собрал урожай и получил землю, – ответила Гвенда. – Вулфрик это заслужил. Он честный, добрый и готов трудиться на износ. Я хочу, чтобы он был счастлив, даже если женится на этой дряни.

Сегодня манориальные батраки снимали на Ручейном поле ранний урожай гороха и фасоли лорда. Вулфрик рыл поблизости дренажную канаву: после июньских дождей земля заболотилась. Гвенда смотрела, как он работает: в одних штанах и башмаках, широкая спина склонилась над лопатой, мерные движения. Юноша трудился без устали, как мельничное колесо. Только блестящий пот выдавал, что ему нелегко. Днем с кувшином эля, хлебом и сыром, завернутыми в мешковину, к жениху пришла Аннет. Зеленая лента в волосах очень ее красила.

Нейт Рив прозвонил в колокол, все прервались и отошли на опушку леса в северной части поля. Староста раздал манориальным батракам сидр, хлеб и лук: обед являлся частью их жалованья. Гвенда села, прислонилась к грабу и стала смотреть на Вулфрика и Аннет с восторгом приговоренного, наблюдающего, как палач сооружает виселицу.

Сначала Аннет, как обычно, кокетничала, потряхивала головой, хлопала ресницами, шутливо шлепала Вулфрика, якобы ругая его. Затем посерьезнела, что-то настойчиво стала объяснять, а он, казалось, не понимает. Оба пару раз глянули в сторону Гвенды, и девушка догадалась, что речь идет о ней. Наверно, невеста Вулфрика узнала, что нищая соперница по утрам и вечерам работает на его земле. Скоро сердитая дочь Перкина ушла, и Вулфрик принялся задумчиво дожевывать хлеб.

Пообедав, до конца перерыва все отдыхали. Те, кто постарше, растянулись на траве и дремали, молодые болтали. Осиротевший крестьянин, подойдя к Гвенде, присел на корточки.

– Ты полола мои ряды.

Девушка не собиралась извиняться.

– Аннет, наверно, выбранила тебя.

– Она не хочет, чтобы ты на меня работала.

– А чего же она хочет? Чтобы я воткнула сорняки обратно?

Юноша обернулся и понизил голос, хотя все, конечно, догадывались, о чем говорили молодые люди.

– Я знаю, ты желаешь мне добра, и благодарен тебе, но от этого одни неприятности.

Гвенда была так рада, что Вулфрик рядом. От него исходил запах земли и пота.

– Тебе нужна помощь. А от Аннет не много проку.

– Пожалуйста, не говори о ней плохо. Вообще не говори о ней.

– Хорошо, но один ты не соберешь урожай.

Крестьянин вздохнул:

– Если бы солнце… – И Вулфрик поднял глаза на небо, затянутое плотными облаками, – крестьянский инстинкт. Посевы боролись с холодом и влажностью.

– Ну разреши же мне помочь тебе, – попросила Гвенда. – Скажи Аннет, что без меня тебе не справиться. Муж – хозяин жены, а не наоборот.

– Я подумаю.

А на следующий день юноша нанял батрака. Этот странник появился под вечер. Сельчане собрались выслушать его историю. Человека звали Грэм, он пришел из Солсбери, где у него сгорел дом, а жена и дети погибли при пожаре. Он направлялся в Кингсбридж, где надеялся найти работу – например, в аббатстве. Его брат был там монахом. Гвенда вскинулась:

– Как зовут твоего брата? Может, я его знаю. Мой брат Филемон тоже много лет в аббатстве.

– Джон. – В монастыре было два монаха по имени Джон, но прежде чем девушка успела спросить, который из них брат Грэма, погорелец продолжил: – В дорогу я взял немного денег, чтобы покупать еду, но меня ограбили, и я остался на бобах.

Этот человек вызывал сочувствие. Вулфрик предложил ему ночлег. На следующий день, в субботу, за еду, ночлег и долю урожая новый батрак начал на него работать. Грэм трудился не покладая рук всю субботу. Молодой человек неглубоко пахал свою незасеянную землю на Долгом поле, уничтожая чертополох. Это была работа на двоих: батрак подстегивал лошадь, а Вулфрик направлял плуг. В воскресенье отдыхали.

В воскресенье же, увидев в церкви Кэт, Джоуни и Эрика, Гвенда разрыдалась. Она и не догадывалась, как ей не хватает брата и сестер. Всю службу держала Эрика на руках. Потом мать резко отчитала дочь:

– Ты помрешь из-за Вулфрика. Из-за того, что полешь его землю, он тебя не полюбит. Парень души не чает в этой пустышке Аннет.

– Знаю. Но я хочу ему помочь.

– Тебе нужно уехать. Нечего здесь делать.

Гвенда понимала, что мать права.

– Ладно. После их свадьбы.

Мать понизила голос:

– Пока ты здесь, не спускай глаз с отца. Он не отказался от мысли заполучить еще двенадцать шиллингов.

– Ты что такое говоришь?

Этна пожала плечами.

– Он теперь не может меня продать, – напряглась батрачка. – Я ушла из дому. Джоби не кормит, не защищает меня. Я работаю на лорда Вигли. Отец больше не может мной распоряжаться.

– Просто будь повнимательней.

И больше дочь не выжала из матери ни слова.

У церкви погорелец Грэм заговорил с Гвендой, задавал участливые вопросы и предложил после обеда прогуляться. Она сразу поняла, что пришелец подразумевает под прогулкой. Работник Вулфрика ушел несолоно хлебавши, а позже девушка видела его с желтоволосой Джоаной, пятнадцатилетней дочерью Дэвида Джонса, маленькой глупышкой, польстившейся на любезности.

В понедельник в предрассветных сумерках Гвенда полола пшеницу Вулфрика на Сотенном поле, и сосед, задыхаясь, подбежал к ней. Она оставила без внимания его недовольство и продолжала каждый день утром и вечером помогать ему, чем, вероятно, и довела до ручки. Что же молодой здоровяк с ней сделает, побьет? Учитывая упорство Гвенды, ему, вероятно, ничего не будет. Все подтвердят, что он просил не полоть его ряды, а после ухода из отчего дома за нее некому вступиться. Упрямица испугалась. Мигом вспомнила, как Вулфрик расквасил нос Ральфу. «Не будь дурой, – сказала она себе. – Парень частенько дрался, но еще никто не видел, чтобы он бил женщину или ребенка». И все-таки от его бешенства девушке стало не по себе. Но случилось другое. Юноша прокричал:

– Ты не видела Грэма?

– Нет, а что?

Он подбежал ближе и, тяжело дыша, остановился.

– Ты здесь уже сколько?

– Я пришла до рассвета.

Плечи Вулфрика обвисли.

– Тогда по этой дороге его уже не догнать.

– Что случилось?

– Он исчез. А вместе с ним и моя лошадь.

Так вот почему возлюбленный в ярости. Лошади очень дороги, их имели только зажиточные крестьяне, такие как его отец. Гвенда вспомнила, как быстро Грэм сменил тему, когда она спросила его про брата. Конечно, никакого брата в монастыре у него никогда не было, как не было и погибших при пожаре жены и детей. Чужак лгал, желая вызвать доверие сельчан, чтобы потом их ограбить.

– Какие же мы дураки, что слушали его.

– А я дурнее всех, что пустил негодяя в свой дом, – горько кивнул Вулфрик. – Он оставался ровно столько, чтобы животные привыкли к нему. Лошадь спокойно пошла за ним, а собака не залаяла.

У Гвенды заболело сердце. Вулфрик остался без лошади в тот самый момент, когда она нужнее всего.

– Не думаю, что Грэм ушел этой дорогой, – задумчиво произнесла девушка. – Он не мог исчезнуть раньше, чем я пришла, ночь была слишком темная. А пойди он здесь, я бы его увидела. – В деревню вела всего одна дорога, заканчивавшаяся у господской усадьбы. Но в полях множество троп. – Скорее всего бежал между Ручейным и Долгим полями. Это самый короткий путь в лес.

– В лесу лошадь не может идти быстро. Может, еще нагоню.

Вулфрик развернулся и побежал обратно.

– Удачи! – крикнула вслед Гвенда, и юноша, не оборачиваясь, благодарно махнул рукой.

Однако удача не улыбнулась крестьянину. Ближе к вечеру, неся в господский амбар мешок гороха с Ручейного поля, на Долгом Гвенда заметила любимого. Он вскапывал землю лопатой – значит, не догнал Грэма. И не вернул лошадь. Девушка поставила мешок на землю и подошла к нему:

– Ты не справишься. У тебя здесь тридцать акров, а пропахано где-то десять. Невозможно перекопать двадцать акров.

Отводя глаза, он упорно продолжал копать.

– Я не могу пахать. У меня нет лошади.

– Впрягись в плуг сам. Ты сильный, а плуг у тебя легкий. Ведь нужно всего-навсего выкорчевать чертополох.

– А кто будет править плугом?

– Я.

Осиротевший землепашец посмотрел на Гвенду и покачал головой.

– Ты потерял семью, теперь лошадь. Тебе не справиться. И нет другого выхода, кроме как разрешить мне помочь.

Юноша посмотрел вдаль, на поля, в сторону деревни, и несчастная влюбленная поняла, что он думает об Аннет.

– Завтра рано утром, – продолжила Гвенда.

Вулфрик перевел на нее взгляд, разрываясь между любовью к земле и желанием угодить Аннет.

– Я тебе постучу, – не унималась Гвенда, – и остальное мы пропашем вместе.

Она развернулась и пошла, затем остановилась, обернулась. Молодой землепашец не сказал «да». Но и не сказал «нет».

Пахали два дня, затем косили, затем собирали ранние овощи. Гвенда больше не зарабатывала денег и не могла платить вдове Губертс за ночлег и еду. Тем не менее нужно было где-то ночевать, и она перебралась в коровник к Вулфрику, все ему объяснив. Он не возражал.

На следующий день Аннет не принесла Вулфрику обед, и влюбленная батрачка стала готовить на двоих: кувшин эля, хлеб, вареные яйца или холодную грудинку с зеленым луком и свеклой. И вновь юноша принял это новшество, не сказав ни слова.

У девушки оставалось еще приворотное зелье. Маленький флакончик в крошечном кожаном кошельке незаметно висел на груди. Она могла добавить его в эль во время обеда, но что делать потом, в поле, среди бела дня?

Каждый вечер молодой хозяин уходил к Перкину ужинать, и девушка оставалась одна. Возвращался он часто мрачный, но ничего ей не говорил, и Гвенда догадывалась, что он отбивался от Аннет. Вулфрик ложился спать и перед сном ничего не ел и не пил, так что воспользоваться зельем она не могла.

В первую после исчезновения Грэма субботу Гвенда варила себе на ужин овощи с соленой свининой. У Вулфрика оставалось полно съестных припасов на четверых взрослых. Хотя уже наступил июль, вечера оставались холодными, и, поужинав, она подбросила в очаг полено. Села, стала смотреть, как его подхватывает огонь, и думала о простой, предсказуемой жизни, которую вела до недавнего времени. Как же так получилось, что эта жизнь рухнула подобно кингсбриджскому мосту?

Дверь открылась, и девушка решила, что пришел Вулфрик. Когда юноша возвращался, она всегда удалялась в коровник, но радовалась тем немногим приветливым фразам, которыми обменивались перед сном. Гвенда нетерпеливо подняла глаза, ожидая увидеть его красивое лицо, но испытала не просто разочарование.

Вошел ее отец. За ним девушка разглядела грубой наружности незнакомца. Сильно испугавшись, Гвенда вскочила.

– Что тебе нужно?

Скип враждебно залаял, но при этом трусливо попятился. Джоби ощерился:

– Ну, девочка моя, чего же ты боишься, я же твой папа.

С острым беспокойством она вспомнила предупреждение матери.

– Кто это? – спросила Гвенда, указав на незнакомца.

– Иона из Эбингдона, торговец шкурами.

Может, этот Иона когда-то и был торговцем, мрачно подумала девушка, может, он и впрямь из Эбингдона, но башмаки его сильно изношены, одежда грязная, а сальные волосы и спутанная борода не видели городского цирюльника уже несколько лет. Изо всех сил делая вид, что не испугалась, Гвенда бросила:

– Уходите.

– Я же говорил тебе, что она упрямая, – усмехнулся Джоби. – Но хорошая девочка. И сильная.

– Не волнуйся, – отозвался Иона, облизывая губы и рассматривая дочь приятеля. В легком суконном платье та вдруг почувствовала себя голой. – Я в свое время объездил не одну кобылицу.

Девушка не сомневалась, что отец исполнил угрозу и опять ее продал. А она-то, уйдя из дома, считала себя в безопасности. Конечно, сельчане не позволят похитить батрака. Но сейчас темно, и, прежде чем кто-нибудь поймет, что произошло, Иона с приобретением может оказаться далеко-далеко.

Помощи ждать неоткуда. И все-таки Гвенда не собиралась сдаваться без боя. Она отчаянно осмотрелась в поисках какого-нибудь оружия. Полено дюймов в восемнадцать, которое несколько минут назад бросила в огонь, занялось лишь на одном конце, другой же просто сам просился в руки. Девушка быстро наклонилась и схватила его.

– Ну брось, перестань, – заворковал Джоби. – Ты ведь не хочешь подпалить любимого папочку.

Он подошел ближе. Гвенда взбесилась. Как этот негодяй смеет говорить про любимого папочку? Мерзавец пытается ее продать! Вдруг очень захотелось ему врезать. Униженная дочь подскочила и с яростным воплем ткнула отцу горящее полено прямо в лицо.

Джоби отпрыгнул, но Гвенда, обезумев от бешенства, наступала. Громко залаял Скип. Отец, закрываясь руками, пытался отбиться, но его старшая дочь тоже была сильной и вновь ткнула пылающим поленом в лицо. Несчастный торговец завопил от боли, грязная борода вспыхнула, послышался отвратительный запах паленого мяса.

Иона обхватил Гвенду сзади, прижав руки к бокам. Девушка выронила полено. Пламя тут же расползлось по соломе на полу. Скип в ужасе выбежал из дома. Пленница извивалась, но удивительно сильный торговец шкурами оторвал ее от земли.

Вдруг в дверях появилась высокая фигура. Гвенда на мгновение увидела силуэт, который тут же исчез. Она почувствовала, как ее бросили на пол, и ненадолго потеряла сознание. Когда же пришла в себя, Иона, стоя на коленях, связывал ее руки веревкой.

Вновь появилась высокая фигура, и Гвенда узнала Вулфрика с большим дубовым ведром. Он быстро вылил воду на горящую солому, загасив пламя, затем перехватил ведро, размахнулся и ударил Иону по голове.

Хватка бродяги ослабла. Гвенда пошевелила запястьями, веревка поддалась. Вулфрик вновь замахнулся ведром и еще сильнее огрел Иону. Тот, закрыв глаза, рухнул на пол. Джоби рукавом сбил огонь с бороды, затем опустился на колени и завыл от боли. Молодой хозяин поднял потерявшего сознание торговца шкурами за шиворот.

– Это вообще кто?

– Его зовут Иона. Отец хотел меня ему продать.

Вулфрик поднял покупателя за пояс, поднес к передней двери и вышвырнул на улицу. Джоби застонал.

– Помоги. У меня лицо горит.

– Помочь, говоришь? Ты поджег мой дом, напал на мою батрачку и просишь помощи? Пошел вон!

Жалобно поскуливая, Джоби поднялся и заковылял к выходу. Гвенда прислушалась к себе и не нашла в душе никакого сострадания. Те остатки любви, которую она еще испы-

тывала к отцу, он сегодня уничтожил. Теперь девушка лишь надеялась, что ей больше не придется с ним разговаривать. В заднюю дверь вошел Перкин со светильником.

– Что происходит? Вроде кто-то кричал.

Из-за спины выглядывала Аннет.

– Джоби приходил с каким-то разбойником, – ответил Вулфрик. – Они пытались увести Гвенду.

– Тебе, видать, досталось, – проворчал сосед.

– Да нет, ничего.

Молодой крестьянин спохватился, что еще держит ведро, и поставил его на пол. Аннет спросила:

– Ты поранился?

– Да нет.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Просто хочу спать.

Перкин и Аннет поняли намек и ушли. Судя по всему, шума больше никто не слышал. Вулфрик запер двери и посмотрел на Гвенду:

– Ты как?

– Трясет немного.

Она села на скамью и облокотилась на стол. Хозяин подошел к буфету.

– Выпей вина, подкрепись.

Вынул небольшой бочонок, поставил на стол и снял с полки две кружки. Гвенда насторожилась. Может, сейчас? Нужно собраться и действовать быстро. Вулфрик налил вина и понес бочонок обратно в буфет. У нее не больше двух секунд. Когда юноша встал к ней спиной, она сняла с шеи мешочек, на ощупь вытащила флакончик, трясущимися руками сорвала пробку и вылила содержимое ему в кружку.

Вулфрик повернулся, когда девушка надевала мешочек обратно на шею. Гвенда поправила платье, будто приводя себя в порядок. Будучи настоящим мужчиной, хозяин дома ничего не заметил и уселся напротив. Она подняла кружку:

– Ты меня спас. Спасибо.

– У тебя руки трясутся. Ужас какой-то.

Выпили. Гвенда думала, когда подействует зелье. Вулфрик добавил:

– Это ты меня спасла – тем, что помогаешь на поле. Я тебя должен поблагодарить.

Выпили еще.

– Не знаю, что хуже, – покачала головой батрачка. – Иметь такого отца, как мой, или, как ты, не иметь вовсе.

– Мне тебя очень жаль, – задумчиво отозвался Вулфрик. – У меня по крайней мере хорошие воспоминания о родителях. – Юноша допил вино. – Вообще-то я не пью вина, мне не нравится, когда все начинает кружиться, но сейчас здорово.

Гвенда внимательно наблюдала за ним. Мэтти Знахарка говорила, что испивший зелья должен в нее влюбиться. И точно, скоро Вулфрик начал смотреть на нее, как будто видел впервые, и через какое-то время улыбнулся:

– Знаешь, у тебя такое милое лицо. Доброе-доброе.

Теперь нужно по-женски, по-хитрому его соблазнить. Но Гвенда с ужасом поймала себя на том, что совершенно не знает, как это делается. Женщины, подобные Аннет, только тем и занимаются. Однако, вспомнив, как соседка жеманно улыбается, поправляет волосы, хлопает глазами, поняла, что не будет и пытаться. Так глупо.

– Ты добрый, – произнесла она, пытаясь выиграть время. – Но в твоем лице есть что-то еще.

– Что?

– Сила. Та сила, что исходит не от крепких мускулов, а от решительности.

– Сегодня я действительно чувствую себя сильным, – усмехнулся молодой землепашец. – Ты сказала, что никто не в состоянии перекопать двадцать акров. Сейчас мне кажется, я смог бы.

Девушка накрыла его руку своей.

– Отдохни. Копать успеется.

Он посмотрел на ее маленькую руку на своей большой ладони.

– У нас кожа разного цвета, – удивился Вулфрик, будто сделав открытие. – Смотри, у тебя смуглая, а у меня розовая.

– Разная кожа, разные волосы, разные глаза. Интересно, на кого был бы похож наш ребенок?

При этой мысли Вулфрик улыбнулся. Затем до него дошел смысл ее странных слов, и юноша посерьезнел. Наверно, если бы Гвенда не так напряженно пыталась понять его отношение к ней, внезапная перемена показалась бы ей смешной. Вулфрик медленно произнес:

– У нас не будет детей. – И убрал руку.

– Не будем об этом, – отчаянно выпалила влюбленная.

– Тебе не хочется иногда?.. – Он запнулся.

– Чего?

– Тебе не хочется иногда, чтобы мир был не таким, какой есть?

Гвенда встала, обошла стол и остановилась перед юношей.

– Нет, не хочется. Мы одни, на дворе ночь. Ты можешь делать все, что хочешь. Все. – Она посмотрела ему прямо в глаза. – Все.

Молодой хозяин ответил на ее взгляд, и девушка, почувствовав себя победительницей, увидела в его лице желание. Да, для этого потребовалось зелье, но результат был несомненным. Сейчас ничего на свете Вулфрик не хотел так, как ее.

И все-таки он сидел неподвижно. Гвенда взяла его руку и поднесла к губам. Он не сопротивлялся. Влюбленная положила его руку себе на грудь, показавшуюся под крупной ладонью совсем маленькой. Рот Вулфрика приоткрылся, юноша тяжело задышал. Гвенда наклонилась, не сомневаясь, что возлюбленный сейчас ее поцелует, но он не пошевелился.

Тогда она встала, быстро стянула платье через голову, бросила на пол и встала перед ним совсем нагая. Молодой человек смотрел на нее, широко раскрыв глаза и рот, словно стал свидетелем какого-то чуда. Гвенда еще раз взяла руку Вулфрика, но того вдруг парализовала нерешительность. Он хотел ее, но помнил Аннет. Гвенда могла вертеть им словно куклой всю ночь, может быть, даже взять его бездеятельное тело, но это ничего не изменит. Нужно, чтобы парень начал действовать. Она наклонилась:

– Поцелуй меня. Пожалуйста.

Его губы были совсем близко. Дальше она не двинется: объект воздыханий должен сам преодолеть это расстояние. И вдруг Вулфрик убрал руку, отвернулся и встал:

– Это скверно.

И Гвенда поняла, что проиграла. На глазах ее выступили слезы. Девушка подняла платье с пола и прикрыла наготу.

– Прости, – продолжил он. – Мне нельзя было ничего этого делать. Я тебя обманул. Я был жесток.

«Да нет, – подумала Гвенда, – жестока была я. Это я тебя обманула. Но ты оказался слишком сильным. Слишком верным, слишком преданным. Ты для меня слишком хорош». Но вслух ничего не сказала.

Вулфрик, все еще старательно отводя глаза, проговорил:

– Иди в коровник. Спи. Утром все будет иначе. Может, как-то наладится.

Она выбежала в заднюю дверь, забыв о том, что не одета. Светила луна, но видеть девушку никто не мог, да ей было все равно. Через несколько секунд отвергнутая влюбленная очутилась в коровнике.

В одной стороне деревянного сарая находился сеновал, где Гвенда соорудила себе постель. Взобралась по лестнице и бросилась ничком на солому; ей было так гадко, что она не замечала острых травинок, царапающих голую кожу. От горечи и стыда девушка зарыдала.

Немного успокоившись, Гвенда встала, надела платье и завернулась в одеяло, как вдруг во дворе послышались шаги. Выглянув в щель сарая, в свете почти полной луны она ясно увидела Вулфрика. Тот подошел к двери коровника, и сердце ее подпрыгнуло. Может, не все еще потеряно. Но, постояв немного, молодой хозяин прошагал к дому, развернулся у заднего входа, снова подошел к коровнику, потом опять направился к дому.

Гвенда наблюдала, как он ходит взад-вперед, сердце ее тяжело билось, но сама не двигалась. Пошла на все, чтобы помочь ему. Последний шаг Вулфрик должен сделать сам.

Юноша остановился у задней двери. В лунном свете четко вырисовывался его силуэт – серебристый луч высветил широкоплечую фигуру с головы до пят. Девушка увидела, как возлюбленный просунул руку в штаны. Гвенда знала зачем: заставала за этим занятием старшего брата. Смотрела, как Вулфрик, такой красивый при луне, попусту растрачивает силы на что-то очень далекое от любви, и почувствовала, что сердце ее разбилось.

20

Годвин начал борьбу с Карлом Слепым в воскресенье накануне Дня святого Адольфа, в честь которого в Кингсбриджском соборе ежегодно проходила особая служба. Торжественная процессия монахов во главе с аббатом обносила мощи святого по церкви, вознося молитвы о ниспослании богатого урожая.

В обязанности ризничего входила подготовка собора к службе: расставить свечи, отложить необходимое количество ладана, закрепить хоругви. Ему помогали послушники и служки, в частности Филемон. В День святого Адольфа нужен был второй, передвижной алтарь с искусной резьбой, который устанавливали на небольшом деревянном помосте. Занимаясь делами, Годвин с беспокойством обдумывал сложившуюся ситуацию. Теперь, когда он убедил Томаса выдвинуть свою кандидатуру, нужно устранить противников. С Карлом разделаться легко, однако лучше все же проявить осторожность – интриган вовсе не хотел выставить себя бессердечным.

Он поставил передвижной алтарь на востоке средокрестия, разместил по бокам два серебряных, с позолотой, подсвечника, а в центре укрепил золотое распятие, украшенное драгоценными камнями с деревянной частичкой Креста Господня в основании. Подлинный крест, на котором был распят Иисус, был чудесным образом обретен тысячу лет назад матерью императора Константина Еленой, и частички реликвии нашли пристанище во многих церквях по всей Европе. Украшая алтарь, Годвин увидел мать Сесилию и оторвался от работы.

– Как мне стало известно, граф Роланд пришел в сознание. Слава Богу.

– Аминь, – отозвалась аббатиса. – Милорда так долго мучила лихорадка, что мы опасались за его жизнь. Вероятно, в мозг после несчастья попал какой-то дурной сок. Граф нес полнейшую бессмыслицу. А этим утром проснулся и заговорил разумно.

– Вы его исцелили.

– Его исцелил Господь.

– И все-таки он должен быть вам благодарен.

Настоятельница улыбнулась:

– Вы еще так молоды, брат Годвин. Позже поймете, что сильные мира сего никогда никого не благодарят, принимая все как должное.

Ее снисходительность взбесила монаха, но он не показал этого.

– Ну, как бы то ни было, мы наконец можем провести выборы аббата.

– И кто победит?

– Десять монахов твердо намерены голосовать за Карла, и только семь за Томаса. С голосами самих кандидатов получается одиннадцать к восьми, шестеро еще не определились.

– Значит, выйти может по-всякому.

– Но Карл сильнее. Томасу может потребоваться ваша поддержка, мать Сесилия.

– У меня нет права голоса.

– Однако есть влияние. Если бы вы заявили, что монастырь нуждается в более строгом контроле и реформировании и что Томас лучше подходит на роль настоятеля, у некоторых отпали бы сомнения.

– Мне не следует принимать чью-либо сторону.

– Вероятно, вы правы, но можно сказать, что если монахи не научатся как следует обращаться с деньгами, вы больше не станете им помогать. Что же в этом плохого?

Шустрые глаза настоятельницы блеснули: не так-то легко ею вертеть.

– Но это все равно что поддержать Томаса.

– Да.

– Я строго нейтральна и с радостью буду работать с любым человеком, которого изберут монахи. Это мое последнее слово, брат.

Монах почтительно склонил голову:

– Я, разумеется, уважаю ваше решение.

Кивнув, мать-настоятельница ушла. Годвин остался доволен. Ризничий и не ожидал, что Сесилия открыто поддержит Томаса. Она консервативна. Все считают, что она за Карла. Но теперь заговорщик имеет полное право говорить, что ее устроит любой. Таким образом, Слепой лишился молчаливой поддержки настоятельницы. Может, она и разозлится, узнав, как истолковали ее слова, но опровергнуть их не сможет. «Все-таки я умен, – думал интриган, – кому как не мне стать аббатом».

Однако для победы над Карлом нейтрализации Сесилии недостаточно, хоть она и полезна. Целесообразно продемонстрировать монахам, как неумело Слепой будет ими руководить. Ризничий с нетерпением ждал, надеясь, что такая возможность представится ему сегодня.

Карл и Симеон тоже находились в соборе, готовясь к службе. Карл, исполняющий обязанности аббата, пойдет во главе процессии с ковчегом из золота и слоновой кости, где хранятся мощи святого. Его мог повести казначей и правая рука старца – Симеон, но Годвин видел, как слепец считает шаги, чтобы пройти самому. На прихожан производило впечатление, когда Карл двигался уверенно; это казалось небольшим чудом.

Процессия всегда начиналась в восточной части собора, где под главным алтарем хранилась реликвия. Аббат отопрет дверцы алтаря, вынет мощи, пронесет по северному приделу мимо алтаря, обойдет по периметру северный рукав трансепта, вернется к средокрестию, пройдет по западной части собора, снова окажется в средокрестии, поднимется на две ступени и поместит мощи на передвижной алтарь, который как раз готовит Годвин. Там мощи святого Адольфа будут покоиться в течение всей службы, чтобы их могли видеть прихожане.

Ризничий прошел в южный придел к алтарю, чтобы посмотреть, как продвигаются строительные работы. Хоть Элфрик и прогнал Мерфина, но предложенный им на диво простой метод использовался. Вместо дорогостоящей деревянной опалубки, поддерживавшей

каменную кладку до высыхания строительного раствора, камням не давали упасть наброшенные сверху простые веревки с грузом на концах. Однако так нельзя возводить ребра. Там длинные каменные плитки должны линейно примыкать одна к другой, и для свода опалубку делать придется, но все-таки Мерфин сэкономил аббатству кучу денег.

Годвин признавал талант подмастерья, но предпочитал работать с Элфриком, это проще: надежное орудие, всегда под рукой, никогда не подведет. А у Мерфина свои цели.

Карл с Симеоном ушли. Собор готов к службе. Ризничий отослал всех помощников, кроме Филемона, который подметал пол в средокрестии, и на какое-то время монах и служка остались вдвоем. Годвин обязан использовать этот шанс. Смутные догадки вдруг выкристаллизовались в четкий план. Он помедлил – риск огромен, – но решился и подозвал Филемона:

– Ну-ка выдвини помост вперед на один ярд, быстро.

Основную часть времени Годвин воспринимал собор как место работы: помещение, которое нужно благоустраивать, здание, которое нужно поддерживать в хорошем состоянии, источник доходов и одновременно статья расходов. Но в такие дни, как сегодня, он словно впервые видел его величие. Мерцающие свечи отражались в золоте подсвечников, монахи в облачениях скользили между древними каменными колоннами, голоса певчих взмывали к высоким сводам. Ничего удивительного, что сотни горожан просто замерли.

Во главе процессии шел Карл. Под пение хора он открыл склеп под главным алтарем и на ощупь достал ковчег. Подняв его высоко над головой, слепец пошел по собору – сама святость, белобородый, незрячий. Захлопнется ли ловушка? Это так просто; Годвину казалось даже, что слишком просто. Шагая в нескольких шагах позади Карла, он кусал губы, стараясь успокоиться.

Прихожан охватил священный ужас. Ризничий не уставал поражаться, как легко манипулировать людьми. Они не могли видеть мощи, а если бы увидели, то не отличили бы их от любых других человеческих останков. Но драгоценный роскошный ковчег, гулкое эхо торжественного пения, единообразные монашеские облачения, гигантские колонны и теряющиеся в сумраке своды, превращавшие всех в карликов, внушали трепет.

Годвин во все глаза наблюдал за Карлом. Подойдя точно под центр западной арки северного придела, слепой резко повернул влево. Симеон внимательно следил, чтобы в случае чего направить старца, но в этом не было необходимости. Хорошо: чем увереннее помощник Антония идет сейчас, тем больше вероятности, что он споткнется в решающий момент.

Считая шаги, Карл дошел точно до продольной оси центрального нефа и, вновь повернув, направился прямо к алтарю. Пение прекратилось, и процессия продолжала путь в торжественной тишине.

Это, наверно, как брести по темноте, думал Годвин. Слепой проделывал этот путь несколько раз в год всю жизнь. Теперь он возглавляет процессию и должен нервничать, но старик выглядел спокойным, лишь едва заметно шевелил губами – считал шаги. Однако Годвин позаботился о том, чтобы спутать ему карты. Опозорится ли Карл? Или нет?

По мере приближения процессии прихожане благоговейно пятились назад. Они знали, что прикосновение к ковчегу может сотворить чудо, но верили также, что любое неуважение к реликвии аукнется роковыми последствиями. Духи усопших витают над своим прахом в ожидании судного дня, и праведники из их числа обладают почти неограниченными возможностями благотворить живым и карать их.

В голове Годвина пронеслось, что святой Адольф может разгневаться на него за то, что сейчас произойдет в Кингсбриджском соборе. Монах содрогнулся от страха, но принялся уговаривать себя, что действует во благо аббатства, где хранятся мощи, и что всеведущий святой, умеющий читать в людских сердцах, увидит его правоту.

Приблизившись к алтарю, Карл замедлил шаги, но не изменил их выверенной длины. Честолюбец затаил дыхание. Поднявшись на ступень, которая, по его подсчетам, должна была привести к помосту, где стоял алтарь, Карл замер. Ризничий завороженно смотрел, боясь, что в самый последний момент, не дай Бог, случится непредвиденное и произойдут какие-нибудь изменения в ритуале.

Затем Слепой уверенно шагнул и наткнулся на передвижной алтарь, оказавшийся на ярд ближе ожидаемого. В тишине раздался глухой удар туфли по полому деревянному возвышению. От неожиданности и испуга старик громко вскрикнул, инерция вынесла его вперед. Годвин возликовал, но лишь на мгновение, затем заговорщика охватил беспредельный ужас.

Симеон бросился поддержать Карла, но слишком поздно. Ковчег выскользнул у того из рук, и толпа ахнула. Драгоценный ларец упал на каменный пол, от удара крышка открылась, и останки святого высыпались. Слепой навалился на тяжелый резной деревянный алтарь, столкнул с помоста, и драгоценная утварь и свечи тоже посыпались на пол. Интриган замер от страха. Это было намного хуже, чем планировалось. Череп прокатился по полу к ногам Годвина.

План сработал – слишком удачно. Ризничий хотел, чтобы Карл упал и все увидели, как слепец беспомощен, но вовсе не собирался осквернять мощи. Онемев от ужаса, виновник происшествия не мог отвести взгляда от черепа на полу. Пустые глазницы, казалось, тоже смотрели на молодого монаха с осуждением. Какая же чудовищная кара ждет его? Сможет ли когда-нибудь загладить эту вину? Но поскольку несчастье не стало для него неожиданным, он пришел в себя раньше остальных. Встав над мощами, Годвин воздел руки и попытался перекричать гул:

– Все на колени! Молиться!

Стоящие впереди опустились на колени, за ними быстро последовали остальные. Нечистый помыслами церковник начал знакомую молитву, к нему присоединились монахи и монахини. Когда пение заполнило собор, заговорщик поднял ковчег, который, судя по всему, не пострадал, затем медленно, торжественно обеими руками взял череп. От страха руки его дрожали, но ризничий удержал святыню. Не прерывая молитвы, поднес череп к ковчегу и поместил на подкладку. Заметив, что Карл пытается встать, Годвин кивнул двум монахиням:

– Проводите помощника аббата в госпиталь. Брат Симеон, мать Сесилия, вы не пойдете с ним?

Он поднял еще один фрагмент останков. Содрогаясь в душе, Годвин сознавал, что больше Карла несет ответственность за случившееся, но его намерения были чисты, и монах все еще надеялся умилостивить святого. В то же время он понимал, что его действия должны произвести самое благоприятное впечатление на присутствующих: в тяжелейшую минуту он все взял на себя – истинный вождь. Однако нельзя, чтобы минута эта затянулась. Нужно скорее собрать останки.

– Брат Томас, брат Теодорик, идите сюда, помогите мне.

Филемон выступил вперед, но Годвин махнул ему рукой: служка не монах, а только принявшие постриг дерзают дотрагиваться до мощей.

Хромая и опираясь на Симеона и Сесилию, Карл вышел из собора, и Годвин остался бесспорным хозяином положения. Подозвав Филемона и служку Ото, он велел им привести в порядок алтарь. Те поставили его на помост. Ото подобрал подсвечники, а Филемон – украшенное драгоценными камнями распятие. Служки почтительно поставили все на алтарь и принялись собирать свечи.

Наконец все фрагменты останков оказались в ковчеге. Годвин опустил крышку, но плотно она не прижималась. Закрыв ее как мог, ризничий торжественно поставил ковчег на алтарь и тут вспомнил, что духовным лидером аббатства – пока – должен быть не он, а

Томас. Взял книгу, которую нес Симеон, и передал своему помощнику. Тот сразу все понял, открыл книгу, нашел нужную страницу и начал читать. Монахи и монахини выстроились по обе стороны алтаря, и получилось, что Томас их вел.

Кое-как закончили службу.

Едва выйдя из собора, Годвин опять затрясся. Чуть не случилась катастрофа, но, кажется, все-таки обошлось.

Монахи вошли в аркаду, и стройная процессия распалась. Братья принялись возбужденно обсуждать случившееся. Ризничий прислонился к колонне, пытаясь взять себя в руки и одновременно прислушиваясь. Кто-то сказал, что осквернение реликвии – дурной знак: Бог не хочет, чтобы Карл был аббатом. Именно этого и добивался честолюбец. Но, к его ужасу, большинство сочувствовали Карлу. Этого молодой монах вовсе не хотел. Он понял, что, вызвав жалость к Слепому, невольно дал ему преимущество.

Ризничий собрался с духом и поспешил в госпиталь. Ему нужно встретиться с Карлом, пока тот не оправился и не понял, что монахи на его стороне.

Помощник аббата сидел на кровати: рука на перевязи, на голове повязка, бледен, потрясен, каждые несколько секунд лицо его нервно подергивалось. Подле него разместился Симеон, который с неприязнью посмотрел на Годвина и процедил:

– Я полагаю, вы довольны.

Тот пропустил шпильку мимо ушей.

– Брат Карл, вы будете рады узнать, что мощи святого поместили на место с гимнами и молитвами. Святой, несомненно, простит нас за эту трагическую случайность.

Слепой покачал головой:

– Случайностей не бывает. Все предопределено Господом.

Годвин приободрился. Пока все хорошо. Но Симеон думал о том же и попытался остановить Карла:

– Не горячитесь, брат.

– Это знак, – покачал головой старик. – Господь не хочет, чтобы я стал аббатом.

Именно на это ризничий и надеялся.

– Глупости. – Казначей взял кружку, что стояла на столе возле кровати – наверняка теплое вино с медом, лекарство матери Сесилии от большинства болезней, – и вставил ее в руки Карлу: – Выпейте.

Помощник аббата отпил, но продолжал упорствовать:

– Грех отмахиваться от подобного знамения.

– Бывает, что знамения не сразу поддаются толкованию, – возразил Симеон.

– Может, оно и так. Но даже если вы правы, проголосуют ли братья за аббата, который не в состоянии пронести мощи святого, не осрамившись?

Годвин вмешался:

– А может быть, как раз наоборот, может быть, сочувствие привлечет к вам сердца братьев.

Симеон бросил на него недоуменный взгляд. Бедный казначей просто не мог вообразить, что Годвин, этот адвокат дьявола, пытается добиться от Карла не одних горестных сомнений, а недвусмысленного отказа. Как и надеялся ризничий, Слепой принялся спорить:

– Аббатом должен стать человек, в котором братья видят мудрого водителя, которого уважают, а не жалеют. – В его голосе слышалось горькое убеждение в том, что он уже не годится на эту роль.

– Конечно, разумно, – согласился Годвин с притворной неохотой, словно признание вырвали у него силой, и, решив рискнуть, добавил: – Но возможно, Симеон прав и вам следует отложить окончательное решение до выздоровления.

– Я совершенно здоров. – Карл не хотел показаться в глазах Годвина слабым. – Ничего страшного со мной не случилось. Завтра буду себя чувствовать так же, как и сегодня. Я не стану выставлять свою кандидатуру на выборы аббата.

Именно этих слов ждал Годвин. Молодой монах быстро встал и из опасения, что выдаст свое торжество, почтительно склонил голову.

– Вы, как всегда, ясно выражаете ваши мысли, брат Карл. Я передам ваши пожелания остальным монахам.

Симеон открыл было рот, но в комнату вошла мать Сесилия.

– Граф Роланд хочет видеть помощника аббата. Он угрожает встать с постели, но ему нельзя двигаться – рана, возможно, еще не совсем затянулась. Но брату Карлу тоже нельзя…

Ризничий посмотрел на казначея и произнес:

– Мы идем.

Монахи вышли на лестницу. Годвин ликовал. Карл даже не понял, что его просто уничтожили, и по собственной воле выбыл из состязания. Остался один Томас, а Томаса можно устранить в любой момент. Все складывалось поразительно удачно – пока.

Граф лежал на спине с толстой повязкой на голове и тем не менее по-прежнему производил впечатление сильного мира сего. Вероятно, его навестил цирюльник, так как Ширинг был гладко выбрит, а черные волосы, не закрытые повязкой, аккуратно причесаны. Раненого одели в короткую красную тунику и новые штаны со штанинами, согласно моде, разных цветов – красного и желтого. Даже в постели воин не пожелал расстаться с кинжалом на поясе и невысокими кожаными башмаками. Рядом стоял сын Уильям с женой Филиппой. Молодой писарь, отец Джером, сидел за письменным столом, держа наготове перо и воск для печатей. Предельно ясно: граф вернулся к своим обязанностям.

– Это помощник аббата? – спросил Роланд четко, громко.

Заговорщик оказался расторопнее Симеона и ответил первым:

– Помощник аббата Карл пострадал при падении и находится здесь же, в госпитале, милорд. Я ризничий, Годвин, а со мной казначей Симеон. Мы благодарим Бога за ваше чудесное исцеление, ибо он направил руку вылечивших вас монахов.

– Проломленную голову вылечил цирюльник, – отрезал Ширинг. – Благодарите его.

Поскольку раненый лежал на спине и смотрел в потолок, Годвин не мог видеть его глаза, но у него создалось впечатление, что лицо графа словно застыло. Может, ранение привело к необратимым последствиям? Ризничий спросил:

– Нуждаетесь ли вы в чем-либо?

– Если да, вы скоро об этом узнаете. А теперь слушайте. Моя племянница Марджери выходит замуж за младшего сына Монмаута Роджера. Полагаю, вам об этом известно.

– Да.

В памяти Годвина высветилось: Марджери, задрав белые ноги, лежит на спине в этой самой комнате со своим кузеном Ричардом, епископом Кингсбриджа.

– Свадьбу отложили из-за моего недомогания.

Неправда, размышлял молодой монах. Мост рухнул всего месяц назад. А правда, вероятно, состоит в том, что граф хочет проверить, не пошатнулась ли после всей этой истории его власть, является ли он еще силой, достойной альянса с графом Монмаутом. Роланд продолжал:

– Свадьба состоится в Кингсбриджском соборе через три недели.

Строго говоря, в данной ситуации полагалось просить, а не приказывать, и новоизбранный настоятель вполне мог возмутиться подобным высокомерием, но аббата здесь не было. Да и никакой причины для отказа Годвин не видел.

– Хорошо, милорд. Я приготовлю все необходимое.

– К свадьбе новый аббат должен приступить к своим обязанностям, – продолжил Роланд.

Симеон засопел от изумления. Годвин быстро прикинул, что спешка ему только на руку.

– Разумеется, – поклонился он. – У нас было два кандидата, но сегодня помощник аббата Карл снял свою кандидатуру, и остался только брат Томас, помощник ризничего. Мы проведем выборы, как только вы этого пожелаете.

Он не мог поверить в удачу. Казначей, даже не особенно скрывая уныние, все же попытался сказать:

– Позвольте…

Но Роланд перебил:

– Я не хочу Томаса.

А вот этого Годвин не ожидал. Симеон ухмыльнулся, обрадовавшись, что в последний момент все резко изменилось. Ризничий пробормотал:

– Но, милорд…

– Вызовите из обители Святого Иоанна-в-Лесу моего родича, Савла Белую Голову, – вновь перебил граф.

У Годвина в сердце шевельнулась змея. Савл его ровесник. Послушниками они дружили, затем вместе отправились в Оксфорд, однако разошлись. Савл стал куда набожнее собрата. Впоследствии Белую Голову назначили настоятелем отдаленной обители Святого Иоанна. Он очень серьезно относится к монашеской добродетели смирения и ни за что не будет бороться за власть. Но Савл жив, благочестив, и его все любят.

– Как можно скорее, – закончил Роланд. – Я назначу его аббатом Кингсбриджа.

21

Мерфин сидел на крыше церкви Святого Марка, перед ним расстелился весь город. На юго-востоке река огибала аббатство. Его строениями и землями была занята добрая четверть Кингсбриджа – кладбище, рыночная площадь, фруктовый сад, огороды, а посреди, будто дуб в зарослях крапивы, высился собор. Фитцджеральд видел, как служки аббатства собирают в огороде овощи, чистят конюшни, разгружают повозки.

В центре жили состоятельные горожане, особенно на главной улице, поднимавшейся по склону от реки: ее сотни лет назад проложили первые монахи. По улице целеустремленно – купцы всегда заняты – шагали зажиточные торговцы, которых можно было узнать по ярким плащам из тонкого сукна. Другая большая улица – верхняя – через центр пересекала город с запада на восток, перекрещиваясь с главной под прямым углом у северо-западной оконечности аббатства. Там же виднелась широкая крыша здания гильдии, самого крупного здания в Кингсбридже после собора.

На главную улицу возле «Колокола» смотрели монастырские ворота, напротив них располагался дом Керис, выше почти всех остальных домов. У таверны Мерфин разглядел толпу, окружившую монаха Мёрдоу. Последний, не связанный особо ни с каким монашеским орденом, после крушения моста остался в Кингсбридже. Потрясенные, осиротевшие люди оказались крайне восприимчивы к его эмоциональным уличным проповедям, и краснобай греб серебряные полпенни и фартинги чуть не лопатой. Юноша считал его самого мошенником, его праведный гнев – лицемерием, слезы – маской, за которой прятались бессовестность и жадность, но молодой человек был в меньшинстве.

Из реки еще торчали обрубки быков моста, а мимо них, приняв телегу, груженную поваленными деревьями, плыл паром Мерфина. На юго-западе располагался ремесленный район с многочисленными скотобойнями, дубильнями, пивоварнями, пекарнями и разного

рода мастерскими. Из-за вони и грязи знатные горожане здесь не селились, хотя деньги зарабатывали именно тут. В этом месте река разделялась на два рукава, которые омывали остров Прокаженных. Мерфин увидел Яна Лодочника – на своей лодчонке он переправлял к острову монаха, который, вероятно, вез еду одному-единственному оставшемуся прокаженному. Вдоль южного берега выстроились пристани и склады, кое-где разгружали плоты и баржи. За ними виднелось предместье Новый город – нищенские дома сгрудились перед садами, пастбищами и огородами, где трудились монастырские служки.

Северная часть города, где находился приход Святого Марка, была бедной, и церковь стояла в окружении теснившихся лачуг чернорабочих, вдов, неудачников и стариков. К счастью для Мерфина, нуждалась и церковь.

Когда Керис уговорила Эдмунда одолжить недоучке деньги на инструменты, за полпенни в день Фитцджеральд нанял четырнадцатилетнего Джимми. И вот лебедка готова.

Каким-то образом стало известно, что бывший ученик Строителя собирается испытать новый механизм. Все были в восторге от его парома и хотели видеть, что он придумал еще. На кладбищенском дворе собрались люди, в основном зеваки, но пришли также отец Жофруа, Эдмунд с Керис и несколько городских строителей, в том числе Элфрик. Если Мерфин сегодня опростоволосится, то на глазах не только друзей, но и врагов.

И это еще не самое худшее. Работа на приход Святого Марка избавила бы его от необходимости уезжать из города в поисках пропитания. Но опасность не миновала. Если затея с лебедкой сорвется, все придут к выводу, что брать на работу выскочку – одни убытки. Скажут, духи не хотят, чтобы парень оставался в городе. И будут давить, давить, пока он не уедет. Ему придется проститься с Кингсбриджем. И с Керис.

В последние четыре недели, вытачивая и соединяя детали лебедки, Мерфин впервые серьезно задумался о том, что может потерять девушку, и мысль эта привела его в уныние. Суконщица была радостью в его мире. Когда светило солнце, он хотел гулять с ней; заметив что-то красивое, хотел показать возлюбленной; услышав что-то смешное, прежде всего хотел рассказать подруге и увидеть ее улыбку. Работа доставляла ему удовольствие, особенно когда удавалось найти остроумное решение сложной задачи, но это холодное, рациональное удовлетворение, а без Керис жизнь станет долгой зимой.

Фитцджеральд встал. Пора сдавать экзамен.

Мерфин построил обычную лебедку с одним лишь новшеством. Как в любом механизме подобного рода, через несколько шкивов была протянута веревка. В верхней части церковной стены придумщик закрепил длинный деревянный кронштейн, похожий на виселицу, выступавший под самой крышей. Веревка тянулась вдоль всего кронштейна. Один ее конец был привязан к барабану, наматывавшему веревку, когда его вращал Джимми. В этом не было ничего необычного. Новшество заключалось в том, что кронштейн разворачивался в разные стороны.

Чтобы избежать участи Хауэлла Тайлера, юноша протянул под мышками ременную петлю и привязался к прочному каменному шпилю: если упадет, то хоть не разобьется. Обезопасившись таким образом, он расчистил участок крыши от черепицы, привязал веревку к бревну и крикнул вниз Джимми:

– Давай!

Придумщик затаил дыхание. Он был уверен, что механизм сработает – должен сработать, – но все же испытывал большое напряжение.

Джимми, стоя внутри большого барабана, зашагал. Колесо можно было вращать только таким способом. Под зубцами асимметричной формы оно имело тормозной механизм. Рабочая кромка зубцов располагалась не перпендикулярно к ободу колеса, а под острым углом, так что, крутясь в одну сторону, колесо беспрепятственно скользило по тормозному блоку, но как только вес переносимых грузов обращал движение вспять, зубцы входили в зацепление

с тормозным устройством и немедленно блокировали движение. Колесо начало вращаться, и бревно на крыше приподнялось. Когда оно полностью отделилось, Мерфин крикнул:

– Есть!

Джимми замер. Сработал тормоз, и бревно, плавно покачиваясь, зависло в воздухе. Пока все хорошо. Теперь предстоит самый ответственный этап. Плотник привел в движение лебедку, и кронштейн стал разворачиваться. Молодой мастер смотрел на него, затаив дыхание. Фитцджеральд раздобыл новые крепления, чтобы конструкция не покосилась, когда груз сдвинется с места. Деревянная лебедка заскрипела. Кронштейн выписал полукруг, и бревно повисло над кладбищенским двором. Зрители ахнули: никто никогда не видел вращающуюся лебедку.

– Опускай! – крикнул Мерфин.

Джимми разблокировал тормоз и начал рывками вращать колесо в обратном направлении; веревка теперь разматывалась, и бревно так же рывками, по футу за раз, опускалось. Все замерли. Когда груз коснулся земли, зрители захлопали в ладоши. Помощник отвязал бревно. Мастер позволил себе немного порадоваться. Получилось. Он спустился по приставной лестнице. Все ликовали. Керис поцеловала его, отец Жофруа пожал руку.

– Просто чудо. Никогда не видел ничего подобного.

– И никто не видел, – с гордостью выпалил Мерфин. – Это я придумал.

Его поздравили еще несколько человек. Всем было приятно первыми увидеть новый механизм в действии – всем, кроме Элфрика, который, насупившись, стоял где-то позади. Бывший ученик не удостоил наставника вниманием и обратился к отцу Жофруа:

– Мы договаривались, что вы заплатите, когда у меня получится.

– С удовольствием, – ответил священник. – На данный момент я должен тебе восемь шиллингов, и чем скорее выплачу тебе все и у меня появится новая крыша, тем лучше.

Он развязал прикрепленный к поясу кошель и достал несколько завернутых в тряпочку монет. И тут Элфрик громко крикнул:

– Подождите!

Все обернулись.

– Вы не имеете права платить этому юноше, отец Жофруа. Он не плотник.

Это невозможно, подумал Мерфин. Работа выполнена, как же лишить его жалованья. Но Элфрику плевать на порядочность.

– Глупости! Парень сделал то, чего не может ни один плотник города.

– Но он не состоит в гильдии.

– Я собирался вступить, – заметил Фитцджеральд, – но ты же поклялся не допустить этого.

– Это право гильдии.

Жофруа разволновался:

– А я повторяю, что это несправедливо, и многие со мной согласятся. Мерфин шесть с половиной лет вкалывал подмастерьем за стол и тюфяк на кухонном полу, и всем известно, что уже несколько лет парень выполняет работу настоящего плотника. Вам не следовало выгонять его без инструмента.

Мужчины одобрительно зашумели. Все считали, что Элфрик зашел слишком далеко. Тот возразил:

– Со всем почтением к вашему преподобию, но решает гильдия, не вы.

– Хорошо. – Жофруа скрестил руки. – Значит, вы утверждаете, что я не имею права заплатить Мерфину, хотя он единственный в городе может починить мою церковь так, что не придется ее закрывать. Держи. – Священник протянул работнику деньги. – Теперь можете обращаться в суд.

– Суд аббатства. – Лицо Элфрика исказилось от злобы. – Разве монахи решат дело по справедливости, если кто-то имеет претензии к священнику?

С этим все согласились. На памяти у людей было слишком много примеров, когда монастырский суд принимал несправедливые решения в пользу клира. Но Жофруа парировал:

– А разве подмастерье может рассчитывать на справедливость в гильдии, где заправилами косные мастера?

Раздался смех: здесь любили остроумные пикировки. Элфрик сдался. Без всякого суда уничтожить Мерфина не составляло для него никакого труда, но справиться со священником куда сложнее. Строитель обиженно буркнул:

– Несчастный день для города, когда подмастерья плюют на мастеров, а священники поддерживают молокососов.

Поняв, что проиграл, он ушел. Фитцджеральд чувствовал в руке тяжелые монеты: восемь шиллингов, девяносто шесть серебряных пенни, две пятых фунта. Он знал, что следует пересчитать, но его переполняло счастье, и юноша махнул рукой. Его первое жалованье.

– Ваши деньги, – протянул он руку Эдмунду.

– Отдай сейчас пять шиллингов, остальное позже, – великодушно ответил тот. – Оставь немного себе. Ты их заслужил.

Мерфин улыбнулся. Ему останется три шиллинга – столько у него в жизни не было. Он не знал, что с ними делать, и решил купить матери цыпленка.

Наступил полдень, все разошлись по домам обедать. Молодой мастер пошел с Керис и Эдмундом. Фитцджеральд не сомневался, что будущее его обеспечено. Он доказал, что стал плотником, а после того как отец Жофруа дал ему работу, кто теперь станет воротить нос. Он сумеет заработать на жизнь. У него будет свой дом. Он женится.

Их ждала Петронилла. Когда Мерфин отсчитал Суконщику пять шиллингов, она поставила на стол блюдо с рыбой, запеченной в ароматных травах. Чтобы отметить победу, Эдмунд налил всем сладкого рейнского вина. Но олдермен был не из тех, кто живет воспоминаниями о прошлом, и нетерпеливо напомнил:

– Нужно двигать мост. Прошло пять недель, а ничего не сделано!

– Граф вроде быстро поправляется, так что, наверно, монахи скоро изберут аббата, – заметила Петронилла. – Нужно поговорить с Годвином. Я не видела его после вчерашнего, когда Карл Слепой споткнулся в соборе.

– Я бы хотел увидеть чертежи моста, – продолжил Эдмунд. – Тогда строительство можно будет начать сразу после выборов.

Мерфин навострил уши:

– Что вы имеете в виду?

– Это непременно должен быть каменный мост, широкий, для разъезда двух повозок.

Мастер кивнул:

– И спуски по обеим сторонам, чтобы люди сходили на сухую землю, а не в грязь.

– Да, прекрасно.

– Но как вы поставите каменные опоры посреди реки? – спросила Керис.

– Понятия не имею, но должен существовать способ. На свете куча каменных мостов, – ответил Эдмунд.

– Я что-то подобное слышал, – задумчиво обронил Мерфин. – Сначала строят специальную конструкцию – коффердам, – которая не пропускает воду туда, где будет стоять мост. Это довольно просто, но сделать нужно аккуратно, чтобы вода не просачивалась.

Вошел взволнованный Годвин. Фитцджеральд изумился, что монах просто так расхаживает по городу.

– Карл снял свою кандидатуру, – выпалил ризничий.

– Хорошие новости! – воскликнул Эдмунд. – Выпей-ка вина.

– Рано праздновать.

– Почему? Единственный кандидат теперь Томас, а он за мост. Наш вопрос решен.

– Уже не единственный. Граф хочет Савла Белую Голову.

– Ого. – Эдмунд задумался. – А что, это так плохо?

– В том-то и дело. Савла любят, он оказался способным настоятелем обители Святого Иоанна. Если он согласится, то, вероятно, получит голоса бывших сторонников Карла и, значит, может победить. А будучи протеже графа – своего родственника, – Савл не посмеет его ослушаться. Роланду же наш мост не нужен, он оттянет людей с рынка Ширинга.

Суконщик забеспокоился:

– Мы что-нибудь можем сделать?

– Надеюсь, да. Граф вызывает Савла в Кингсбридж. Я вызвался сыграть роль гонца в надежде, что смогу как-то уговорить того отказаться.

– Вряд ли этого достаточно, – покачала головой Петронилла. Мерфин внимательно слушал: он не любил ее, но тетка Керис была умна. – Граф может выдвинуть другого. А все его кандидаты будут против моста.

Годвин закивал:

– Значит, если мне удастся выбить из борьбы Савла, нужно сделать так, чтобы следующая кандидатура графа была заведомо проигрышная.

– И кого ты имеешь в виду? – спросила Петронилла.

– Монаха Мёрдоу.

– Блестяще.

– Но это же кошмар! – воскликнула Керис.

– Именно, – повернулся к сестре Годвин. – Жадина, пьяница, трутень, самодовольный подстрекатель черни. Монахи ни за что его не изберут. Поэтому-то он и должен стать кандидатом графа.

Мерфин понял, что Годвин в мать: тот же талант на интриги.

– И как будем действовать? – спросила Петронилла.

– Сначала нужно уговорить Мёрдоу выдвинуть свою кандидатуру.

– Это не сложно. Достаточно просто намекнуть, что взошла его звезда. Он наверняка захочет стать аббатом.

– Согласен. Но мне нельзя этого сделать. Мёрдоу тут же все поймет. Всем известно, что я за Томаса.

– Я с ним поговорю, – вызвалась Петронилла. – Скажу, что мы с тобой поссорились, поскольку я против Томаса, а граф подыскивает кандидата и Мёрдоу именно тот, кто ему нужен. Он популярен в городе, особенно среди невежественных бедняков. Подыгрывает им, делает вид, будто свой. От болтуна требуется только одно: Ширинг должен понять, что Мёрдоу готов стать пешкой в его руках.

– Хорошо. – Годвин встал. – А я постараюсь присутствовать при их разговоре.

Он поцеловал мать в щеку и вышел. Рыбу съели. Мерфин жевал пропитанный соусом хлеб. Эдмунд предложил ему еще вина, но юноша отказался, побоявшись грохнуться с крыши церкви Святого Марка. Петронилла ушла на кухню, а олдермен удалился в гостиную соснуть. Мерфин и Керис остались одни. Молодой строитель пододвинулся к ней и поцеловал. Девушка улыбнулась:

– Я так горжусь тобой.

Фитцджеральд засиял. Он и сам собой гордился. Мастер опять поцеловал ее, на сей раз долгим поцелуем, и дотронулся до груди. Керис тихонько засмеялась:

– Хочешь, чтобы я тебя завела?

Это случалось иногда по вечерам, когда отец и Петронилла уходили спать и молодые люди оставались одни. Но сейчас был день, и войти могли в любой момент.

– Нет.

– Мне это ничего не стоит. – Она дотронулась до него.

– Неудобно. – Тот встал и отошел к другому концу стола.

– Прости.

– Наверно, не стоит больше этим заниматься.

– Чем?

– Прятаться, бояться, что кто-нибудь может войти.

Девушка обиделась:

– Тебе не нравится?

– Еще как нравится! Но лучше наедине. Я теперь зарабатываю, могу купить дом.

– Ты получил-то всего одно жалованье.

– Ну да… А чего ты помрачнела? Я что-то не то сказал?

– Нет, но… зачем что-то менять?

Он растерялся.

– Я просто хочу большего. То же самое, наедине.

Керис упрямо посмотрела на него.

– Мне и так хорошо.

– Да мне тоже… Но все когда-нибудь кончается.

– Почему?

Фитцджеральд как будто с ребенком говорил.

– Потому что мы не можем всю оставшуюся жизнь жить с родителями и целоваться украдкой, когда никто не видит. Нам нужен свой дом, мы должны жить как муж и жена, спать вместе каждую ночь и заниматься этим по-настоящему, а не просто заводить друг друга; создать семью.

– Зачем?

– Не знаю зачем, – разозлился Мерфин. – Потому что жизнь так устроена, и я не собираюсь ничего тебе больше объяснять. Кажется, ты не хочешь понимать или по крайней мере делаешь вид, что не понимаешь.

– Ладно.

– Кроме того, мне нужно работать.

– Тогда иди.

Фитцджеральд растерялся. Он так переживал последние полгода, что не может жениться на Керис, и полагал, что она тоже его ждет. А теперь оказывалось, что это не так. Наоборот, обиделась на то, что он настолько в ней уверен. Неужели Керис действительно считает, что эти детские отношения могут продолжаться до бесконечности? Мерфин смотрел на возлюбленную, пытаясь прочесть ответ, но видел лишь мрачное упорство. Махнув рукой, молодой строитель вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.